

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

ЗАМЕЖНАЯ БЕЛАРУСІСТЫКА

Андраш Золтан

**ВЫБРАНЫЯ ПРАЦЫ
ПА БЕЛАРУСКІМ
МОВАЗНАЎСТВЕ**

Пад агульнай рэдакцыяй
М. Р. Прыгодзіча

МІНСК
БДУ
2023

УДК 81(439)(092)Золтан А.+811.161.3'0

ББК 81(4Вен)дЗолтан+81.411.3-03

А65

Серыя заснавана ў 2021 г.

Навуковы рэдактар серыі

доктар філалагічных навук прафесар І. С. Р о ў д а

Рэдакцыйная калегія серыі:

М. Р. Прыгодзіч (гал. рэд.),

**С. А. Важнік, І. А. Гапоненка, С. М. Запрудскі, І. Л. Капылоў,
Г. І. Кулеш, Н. Б. Мячкоўская, П. І. Навойчык, П. І. Навуменка,
А. А. Прыгодзіч, Т. Р. Рамза, І. Э. Ратнікава, Л. Д. Сінькова,
В. Д. Старычонак, М. М. Хмяльніцкі, Г. А. Цыхун, І. А. Чарота**

Складальнікі: А. А. Прыгодзіч, М. Р. Прыгодзіч

Р э ц е н з е н т ы:

доктар філалагічных навук прафесар *Г. Генцэль*;

доктар філалагічных навук прафесар *В. К. Мароз*

Андраш Золтан. Выбраныя працы па беларускім мовазнаўстве /
А65 склад.: А. А. Прыгодзіч, М. Р. Прыгодзіч ; пад агул. рэд. М. Р. Пры-
годзіча. – Мінск : БДУ, 2023. – 183 с., [8] арк. каляр. іл. – (Замежная
беларусістыка).

ISBN 978-985-881-528-8.

Выданне прысвечана вядомаму венгерскаму беларусісту і даследчыку міжмоўных кантактаў у галіне лексікі А. Золтану. Прыводзяцца найбольш значныя працы, у якіх асвятляюцца актуальныя праблемы гісторыі беларускай мовы, уплыў старабеларускай мовы на фарміраванне правазнаўчай тэрміналогіі старарускай мовы; падаецца рэзюмэ фундаментальнай працы даследчыка, прысвечанай перакладной рыцарскай «Гісторыі аб Атыле, каралі вугорскім» (паводле Пазнанскага зборніка (каля 1580 г.)).

Адрасуецца навукоўцам, студэнтам і выкладчыкам вышэйшых навучальных устаноў, шчырым рупліўцам роднага слова.

УДК 81(439)(092)Золтан А.+811.161.3'0

ББК 81(4Вен)дЗолтан+81.411.3-03

ISBN 978-985-881-528-8

© БДУ, 2023

АД СКАДАЛЬНІКАЎ

У зборніку выбраных прац прафесара Андраша Золтана прыводзіцца тэкст кандыдацкай дысертацыі, навуковыя артыкулы і асобныя часткі манаграфічных даследаванняў, апублікаваныя ў розныя гады на працягу другой паловы XX – першай чвэрці XXI ст. Навуковыя матэрыялы ў цэлым падаюцца ў храналагічнай паслядоўнасці. Пры гэтым складальнікі палічылі неабходным змясціць поўны тэкст кандыдацкай дысертацыі, абароненай А. Золтанам у 1984 г. пад кіраўніцтвам прафесара Б. А. Успенскага ў Маскоўскім дзяржаўным універсітэце імя М. В. Ламаносава, – фактычна першай сур’ёзнай працы ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве, у якой даследаваўся ўплыў старабеларускай мовы на станаўленне правазнаўчай тэрміналогіі старарускага пісьменства.

Што датычыцца выбару тых ці іншых прац, то складальнікі кіраваліся найперш прынцыпам навуковай значнасці даследаванняў А. Золтана і іх ролі ў гісторыі беларускай лінгвістыкі, непасрэднага звароту навукоўца да найбольш актуальных праблем функцыянавання старабеларускай літаратурнай мовы і яе кантактаў з іншымі еўрапейскімі мовамі. Адзначым, што кандыдацкая дысертацыя венгерскага беларусіста стала своеасаблівым першаадкрыццём навуковай праблематыкі, вызначыла ў беларускім мовазнаўстве арыенціры, якія патрабавалі асаблівай увагі і крытычнага самаасэнсавання з боку айчынных даследчыкаў. Па зразумелых прычынах тэкст гэтай працы быў вядомы далёка не ўсім беларускім гісторыкам мовы, у пазнейшых бібліяграфічных аглядах ён таксама адсутнічае.

Да кожнага артыкула падаецца інфармацыя аб першай публікацыі, пры гэтым нумарацыя старонак паводле арыгінальных тэкстаў не пазначаецца; бібліяграфічны спіс да артыкулаў падаецца ў адпаведнасці з сучаснымі нормамі. У канцы выдання змешчаны спіс публікацый А. Золтана ў храналагічным парадку.

З БЕРАГОЎ БЫЛІННАГА ДУНАЯ

Цікавасць да беларускай мовы ў замежных лінгвістаў стала выяўляцца толькі ў самым пачатку XX ст. Найбольшых поспехаў у галіне беларусістыкі еўрапейскія навукоўцы дасягнулі пасля Другой сусветнай вайны. І ў ліку тых даследчыкаў, хто ў другой палове XX ст. у навуковых працах стаў шырока выкарыстоўваць беларускамоўны матэрыял, найперш старажытнага перыяду, быў прафесар Андраш Золтан, які ў 1990-я гг. распачаў працу Венгерскай асацыяцыі беларусістаў.

Нарадзіўся Андраш Золтан (András Zoltán) 25 снежня 1949 г. у горадзе Шопран паблізу возера Нойзідлер у сям’і лютэранскага пастара і настаўніцы. З 1974 г., пасля заканчэння аддзялення рускай і польскай філалогіі Будапешцкага ўніверсітэта, працаваў на кафедры рускай мовы – асістэнтам, ад’юнктам, дацэнтам. У 1991 г. узначаліў наваствораную кафедру ўсходнеславянскай і балтыйскай філалогіі, дзе пасля прыезду ў Будапешт у 1994 г. дацэнта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта Мікалая Аляхновіча пачалі актыўна распрацоўвацца і асобныя праблемы беларускага мовазнаўства. З 2003 г. загадваў кафедрай украінскай філалогіі і адначасова заставаўся ў складзе кафедры ўсходнеславянскай і балтыйскай філалогіі.

Аўтар каля 300 публікацый, сярод якіх – 26 кніг, напісаных асабіста і ў суаўтарстве. Прывіраццёвымі кірункамі навуковай дзейнасці – польска-ўкраінска-беларуска-рускія моўныя і культурныя кантакты, сярэднявечныя канцылярскія мовы ўсходніх славян, пытанні гістарычнай лексікалогіі, этымалогіі і словаўтварэння ўсходнеславянскіх моў, славянскія запазычанні ў венгерскай мове, бібліяграфія і гісторыя славянскага мовазнаўства ў Венгрыі.

Удзельнічаў у рабоце міжнародных з’ездаў славістаў у Кіеве (1983), Сафіі (1988), Браціславе (1993), Кракаве (1998), Любляне (2003), Мінску (2013), Бялградзе (2018), выступаў з дакладамі на міжнародных кангрэсах беларусістаў і ўкраіністаў, Гарэцкіх чытаннях, розных навуковых канферэнцыях (Мінск, Гродна, Брэст, Вільнюс, Масква і інш.).

Закончыў завочную аспірантуру на кафедры рускай мовы Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава, дзе ў 1984 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю «Заходнеруска-велікарускія моўныя кантакты ў галіне лексікі ў XV ст. (Да пытання аб заходняй традыцыі ў дзелявым пісьменстве Маскоўскай Русі)», навуковым кіраўніком якой быў прафесар Б. А. Успенскі. Менавіта дзякуючы навуковым ідэям свайго настаўніка

Андраш Золтан зацікавіўся не зусім звыклай для тагачаснага савецкага мовознаўства праблемай – уплывам заходнерускай (чытай: старабеларускай, стараўкраінскай) мовы на старарускую, роля якой у міжмоўных кантактах усходніх славян ледзь не абсалютызавалася. На прыкладзе функцыянавання заходнерусізмаў *господар*, (*г*)*осподарство*, *лекгатос*, *отщепенец*, *крыж* і інш. венгерскі лінгвіст засведчыў ажыўлены культурны абмен паміж Заходняй і Маскоўскай Руссю ў сярэдзіне XV ст., у выніку якога ў дзелавую мову Маскоўскай дзяржавы ўжо ў гэты ранні перыяд прыйшла паказальная колькасць заходнерускіх лексічных элементаў. На думку А. Золтана, перадгісторыя слоў *государь* і *государство* пераконвае, што вывучэнне заходнерускай дзелавой мовы мае вялікае значэнне для гісторыі рускай лексікі, у асобных выпадках нават большае, чым для гісторыі ўкраінскай або беларускай лексікі.

Ужо ў першых артыкулах даследчык звярнуў увагу на канкрэтныя факты лексічнага ўзаемаўплыву розных славянскіх моў у старажытныя часы. Зацікаўленасць старабеларускім пісьменствам прывяла А. Золтана да аднаго з найменш даследаваных помнікаў XVI ст. – «Гісторыі аб Атыле, каралі вугорскім». На працягу апошніх 30 гадоў у венгерскім, расійскім, польскім і беларускім навуковым друку з’явілася некалькі дзясяткаў грунтоўных артыкулаў і матэрыялаў канферэнцый, прысвечаных асобным аспектам даследавання названага арыгінальнага тэксту.

Першыя згадкі пра «Гісторыю аб Атыле» адносяцца да 1846 г., калі вядомы філолаг-славіст, гісторык і пісьменнік XIX ст. Восіп Бадзянскі паведаміў пра знаходку ў бібліятэцы графаў Рачынскіх у Познані (Польшча) аб’ёмнага рукапісу за № 94 з 344 аркушаў, у складзе якога і былі рыцарскія аповесці пра Трышчана, Баву і Атылу. Гэты зборнік дэталёва апісаў Аляксандр Брукнер у 1886 г. Ён жа вызначыў крыніцу ананімнага старабеларускага рукапіснага перакладу «Гісторыі аб Атыле» – польскі друкаваны пераклад Цыпрыяна Базыліка «*Historia spraw Atyle Krolá Węgierskiego*» (Кракаў, 1574) з лацінамоўнага твора «*Athila*» венгерскага гуманіста Міклаша Олаха (Nicolaus Olahus, 1493–1568), які быў напісаны ў 1538 г. у Базелі як своеасаблівы фрагмент-устаўка ў вялікую працу Антонія Банфіні па венгерскай гісторыі. Нягледзячы на тое што лацінскі тэкст твора М. Олаха перавыдаваўся ў Венгрыі некалькі разоў, яго венгерскі пераклад быў апублікаваны толькі ў 1977 г. – прыкладна праз 400 гадоў пасля польскага выдання і ўзнікнення старабеларускага рукапіснага перакладу. Старабеларускі тэкст поўнасцю быў надрукаваны А. Весялоўскім у 1888 г., усе наступныя выданні ажыццяўляліся на аснове названай публікацыі. Аднак у беларусістыцы маем парадаксальную сітуацыю: калі мове рыцарскіх аповесцей

пра Трышчана і Баву прысвечана манаграфія (1979) польскай даследчыцы Т. Ясіньскай-Соха і артыкулы ў розных энцыклапедычных выданнях (у тым ліку ў энцыклапедыі «Беларуская мова»), то «Гісторыя аб Атыле» згадваецца толькі ў агульных працах па гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Паводле слоў А. Золтана, складваецца ўражанне, нібы і самі беларускія мовазнаўцы лічылі «Гісторыю аб Атыле» другарадным, малахарактэрным помнікам старабеларускай мовы апошняй трэці XVI ст.

Праз 100 гадоў пасля публікацыі А. Весялоўскага старабеларускі тэкст «Гісторыі аб Атыле» выдаў украінскі навуковец В. Мікітась (Украінська літэратура XIV–XVI стст. Київ, 1988. С. 396–441). А. Золтан падрабязна аналізуе лінгвістычна значныя адхіленні ў выданні помніка А. Весялоўскім і В. Мікітасем. Так, у рукапісе і выданні А. Весялоўскага назіраюцца, напрыклад, такія разыходжанні: *розные – разные, в шатрох – в шатрах, паметки – памети, король – кроль, швабом – швабам, огретую – согретую, заховали – доховали, поки – коли, звичаю – обычаю* і інш. У выданні А. Весялоўскага ёсць пропускі асобных слоў і нават цэлых радкоў. Яшчэ далей пайшоў сучасны ўкраінскі інтэрпрэтатар старабеларускага помніка В. Мікітась, які не толькі паўтарыў усе няправільнасці А. Весялоўскага, але і ўкраінізаваў арфаграфію тэкстаў, адвольна рэканструяваў (зразумела, на карысць украінскай мовы) прапушчаныя перакладчыкам словы. Параўнаем (першы пераклад А. Весялоўскага, другі – В. Мікітася): *умыслил на... спокойный живот вести – уміслив на (дали) спокойний живот вести; абы ся его люд за твоим... полепшил – абы ся его люд за твоім (панаванням) поліпішив; утекъ до Кгрэцѣи до Гонорыуса цэсара... своего – утік до Кгрэціі, до Гоноруса, цесаря, (діда) своего* і г. д. Як з іроніяй зазначае А. Золтан, усе «рэканструкцыі» В. Л. Мікітася зроблены наўгад, прычым дакладнасць пападанняў ў яго роўная нулю. Такім чынам, з двух вядомых выданняў старабеларускай «Гісторыі аб Атыле» ніводнае не вытрымлівае навуковых патрабаванняў. Толькі трэцяе выданне помніка, зробленае А. Золтанам, адпавядае ўсім самым строгім патрабаванням тэксталогіі і палеаграфіі.

«*Athila*» М. Олаха ў польскім і беларускім перакладах XVI стагоддзя» (2004) – самая грунтоўная праца венгерскага славіста. У кнізе прааналізаваны лексічны склад помніка на ўзроўні такіх асобных слоў і словазлучэнняў, як *бусел, хорошии, одерживать/одержать победу, брать/взять верх* і інш., вызначаны адметнасці ўплыву польскага тэксту на старабеларускі пераклад, выяўлены і прапанаваны навукова абгрунтаваныя рэканструкцыі асобных фрагментаў. Акрамя таго, у выданні прыведзены факсімільныя тэксты і транслітарацыі: а) старабеларускага перакладу па рукапісе № 94 з бібліятэкі Рачынскіх у Познані; б) польскага тэксту па экзэмпляры кра-

каўскага выдання 1574 г. з бібліятэкі польскай Акадэміі навук у Курніку; в) транслітараваных і паралельна размешчаных старабеларускага і польскага тэкстаў з указаннем найважнейшых адступленняў ад лацінскага арыгінала. Адзначым таксама, што ў кнізе падаецца вычарпальная бібліяграфія работ венгерскіх, беларускіх, польскіх і іншых даследчыкаў, у якіх у той ці іншай ступені аналізуюцца адметнасці «Гісторыі аб Атыле».

Андраш Золтан па-ранейшаму знаходзіцца на пярэднім краі лінгвістычных падзей Беларусі. Фактычна штогод вучоны выступае з дакладамі на найважнейшых навуковых канферэнцыях, якія праводзяцца ў розных вышэйшых навучальных установах. Так, у чэрвені 2004 г. даследчык з дакладам «Слова *ораш* і *орашец* ‘велікан’ у старабеларускай “Аповесці аб Трышчане”» выступіў на IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Мовы ў Вялікім Княстве Літоўскім і краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы: традыцыі і пераемнасць», якую арганізавалі і правялі кафедры гісторыі беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна і Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кафедры ўсходнеславянскай і балтыйскай філалогіі Будапешцкага ўніверсітэта імя Л. Этвеша. Першыя тры канферэнцыі гэтай тэматыкі былі праведзены ў Венгрыі дзякуючы доктару філалогіі прафесару А. Золтану. У чэрвені 2005 г. ён выступіў з дакладам «Венгерска-польска-беларускія моўныя і культурныя сувязі перыяду Стэфана Баторыя» на міжнароднай канферэнцыі, прысвечанай польска-беларускім культурным, літаратурным і моўным сувязям; у лістападзе 2006 г. даклад «Венгерска-старабеларускія фразеалагічныя паралелі» стаў прадметам ажыўленай дыскусіі на V Міжнароднай канферэнцыі «Мова – літаратура – культура», прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння прафесара Льва Шакуна.

Плённыя сувязі з беларускімі мовазнаўцамі, назапашаны шматгавы вопыт выкладання беларускай мовы і культуры ў Будапешцкім універсітэце імя Л. Этвеша дазволілі выхаванцам А. Золтана пад яго навуковым кіраўніцтвам падрыхтаваць аб’ёмную кнігу «Дзесяць сустрэч з Беларуссю» (Будапешт, 2006) – арыгінальны падручнік па беларускай мове для студэнтаў-вугорцаў. Аўтары працы – дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы і дыялекталогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, выкладчык беларускай мовы ў Будапешцкім універсітэце Ларыса Станкевіч і студэнтка Жужа Каткіч – праз тэматычныя раздзелы «Беларусь», «Беларускія дзяржаўныя сімвалы», «Славутыя людзі Беларусі», «Беларускія традыцыі, звычаі» і іншыя знаёмяць навучэнцаў з асаблівасцямі фанетыкі, словазмянення, граматычнымі нормаў, лексікай і фразеалогіяй беларускай мовы. Навукова-папулярны стыль выкладу матэрыялу, як адзначае ў рэцэн-

зій на кнігу Марыя Новік, дазваляе не толькі даступна падаць інфармацыю пра Беларусь у цэлым, але і паказаць рытма-меладычную аснову беларускай мовы, яе поліфанічнасць на матэрыяле мастацкіх твораў слынных майстроў слова.

Падчас вышэйгаданай канферэнцыі А. Золтан выступіў з дакладам пра некаторыя лексічныя асаблівасці «Гісторыі аб Трышчане» з Пазнанскага зборніка XVI ст. На сёння па тэматыцы старабеларускіх рыцарскіх аповецей-раманаў славіст апублікаваў некалькі дзясяткаў навуковых прац. Вучоны рыхтуе вялікую абагульняльную кнігу аб гэтых перакладных творах з Пазнанскага зборніка. Няма сумнення, што яна стане ўнікальнай работай, выкананай у найлепшых традыцыях славістычнай навукі, працай даследчыка, улюбёнага ў гісторыю як сваёй краіны, так і ўсёй славяншчыны.

А. Золтан падтрымлівае цесныя навуковыя сувязі з многімі еўрапейскімі ўніверсітэтамі, кансультуе маладых даследчыкаў у галіне міжмоўных кантактаў, выступае апанентам на абаронах дысертацый. Напрыклад, на апошнім Міжнародным з'ездзе славістаў у Бялградзе (2018) ён выступаў дыскуптантам тэматычнага блока «Мігруючыя словы: германізмы ва ўсходнеславянскіх мовах, якія маюць адпаведнікі ў польскай мове», мадэраваў які прафесар Герд Генцэль з універсітэта ў Альдэнбургу (Германія).

Актыўная навукова-педагагічная і грамадская дзейнасць А. Золтана выявілася і ў пашырэнні навуковых даследаванняў па беларусістыцы сярод вучоных з розных цэнтраў Венгрыі. Акрамя Будапешцкага ўніверсітэта, беларусазнаўчыя работы былі напісаны ў вышэйшых навучальных установах гарадоў Сегед, Дэбрэцэн, Нірэдзьхаза, Печ, Самбатхей і інш. Запатрабаванымі ў венгерскіх навукоўцаў сталі слоўнікі, манаграфіі, падручнікі і вучэбныя дапаможнікі беларускіх аўтараў, з'явіліся пераклады і ўзаемапераклады паэзіі і прозы. Як і ў часы Вялікага Княства Літоўскага, Беларусь пачынае займаць свой «пачэсны пасад» у сям'і еўрапейскіх народаў, у чым бачыцца неацэнная заслуга А. Золтана – надзейнага сябра-мовазнаўцы з берагоў быліннага Дуная.

Мікалай Прыгодзіч,
доктар філалагічных навук, прафесар

ЗАПАДНОРУССКО-ВЕЛИКОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ В XV в. (К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ РУСИ)¹

ВВЕДЕНИЕ

1. РОЛЬ МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В РАЗВИТИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Наблюдаемое и в наши дни, и в более ранние эпохи значительное сходство лексики славянских языков обусловлено, как известно, только отчасти их генетическим родством, в значительной же степени формирование общего лексического фонда обязано активному культурному взаимодействию этих языков, не прекратившемуся после распада праславянского единства и прослеживаемому в разных направлениях и с разной интенсивностью во всей письменной истории славянских языков. Известен огромный вклад старославянского языка в развитие южно- и восточнославянских языков, а также чешского. Чешский литературный язык сыграл значительную роль в формировании польского литературного языка в XV–XVII вв., а польский язык в большой степени повлиял на формирование русского литературного языка нового времени во второй пол. XVII – нач. XVIII в. Русский

¹ *Упершыню надрукавана:* Андраш Золтан. *Interslavica*. Исследования по межславянским языкам и культурным контактам. М. : Индрик, 2014. С. 11–152, 197–222.

Асновай дадзенай працы стала кандыдацкая дысертацыя аўтара, напісаная пад кіраўніцтвам прафесара Б. А. Успенскага падчас навучання ў завочнай аспірантуры на кафедры рускай мовы Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава ў 1980–1984 гг. На абароне дысертацыі рэцэнзентам выступіў прафесар Г. А. Хабургаеў, афіцыйнымі апанентамі былі Я. Д. Ісаевіч (Львоў) і А. А. Аляксееў (Ленінград).

На аснове дысертацыйнай работы ў якасці вучэбнага дапаможніка была апублікавана на ратапрынце манаграфія Золтан 1987. Некаторыя главы дысертацыі публікаваліся пасля як асобныя артыкулы: 1) Золтан 1985; 2) Золтан 1988. Апошні артыкул быў перадрукаваны ў Литвина, Успенский 2002, 766–804. Да завяршэння дысертацыі выйшаў артыкул Золтан 1983а, матэрыял якога лёг у аснову першай главы дысертацыі. Названы артыкул быў перадрукаваны ў Литвина, Успенский 2002, 554–590, а таксама ў Прыгодзіч 2010, 112–151.

литературный язык, в свою очередь, стал источником многочисленных заимствований для новоболгарского и новосербского литературных языков в XVIII–XIX вв., играл и продолжает играть важную роль в развитии новых украинского и белорусского литературных языков (см.: Трубецкой 1927, 59–80; Булаховский 1951).

Взаимодействие близкородственных славянских языков на междиа-
лектном уровне по некоторым линиям их соприкосновения было довольно
рано прервано вследствие вторжения венгров в Дунайский бассейн (IX в.)
и тюркоязычных кочевых народов в Причерноморье, а в результате консо-
лидации раннефеодальных славянских государств было ограничено и вну-
три двух больших ареалов с преобладающим славянским населением (Бал-
канский полуостров и Восточноевропейская равнина).

Этими факторами культурное взаимодействие не было прервано, а на-
оборот, во многих случаях даже стимулировалось. В результате культурного
взаимодействия могли стать «общеславянскими» (т. е. получить общесла-
вянское распространение) слова, возникшие в одном определенном сла-
вянском языке намного позже распада праславянского единства. Поэтому
исследование межславянских заимствований может внести в некоторых
случаях существенные коррективы в этимологию, установленную на ос-
нове формальных совпадений, и тем самым уточнить данные о перво-
начальном распространении того или иного слова, отделяя праславянский
лексический фонд от вторичных культурных наслоений. При внушитель-
ных достижениях в области реконструкции праславянского лексического
фонда, отраженных в наиболее систематизированном виде в издаваемых
в Москве и Кракове праславянских словарях (ЭССЯ 1974–1984, СПрасл.
1974–1983), иногда «исследователи забывают о том, что процессы диффу-
зии слов играют не менее важную роль в истории языков, чем процессы
преемственности слов из праязыка» (Шенкер 1983, 261).

Изучение истории межславянской миграции отдельных слов и лексиче-
ских значений имеет первостепенное значение также для этимологии несла-
вянских языков, контактировавших в разные эпохи с разными славянскими
языками одновременно, как, например, венгерский язык (ср.: Золтан 1979).

Настоящая работа посвящена малоизученному до сих пор вопросу
о взаимодействии в области лексики двух восточнославянских деловых
языков – западнорусского и великорусского. До сих пор этот вопрос обычно
поднимался в рамках темы польско-русских языковых контактов, в которых
западнорусский язык рассматривался прежде всего как язык-посредник,
передатчик полонизмов в русский язык (Кохман 1967, 7; Кохман 1971–1974,
IV, 15–21; Кохман 1975, 22–27; Собик 1969, 163–167). Такой подход был
понятен при недостаточной разработанности сравнительно-исторической

лексикологии восточнославянских языков или при рассмотрении вопроса с точки зрения языка дающего. Но он едва ли оправдан с точки зрения заимствующего языка, для истории которого важно в первую очередь установление непосредственного источника заимствования. Лишь после его определения возникает вопрос о происхождении слова в языке-передатчике.

Критически рассматривая результаты исследований по полонизмам в русском языке и сопоставляя данные памятников русского языка с показателями западнорусских памятников, мы неизбежно приходим к выводу, что на протяжении XV–XVI вв. русским языком в преобладающем большинстве случаев были заимствованы только те полонизмы, которые до появления их в великорусских памятниках были уже прочно усвоены западнорусским языком, и что наряду с полонизмами в тот же самый период вошли в русский язык также собственно западнорусские (украинские и (или) белорусские) слова (ср.: Золтан 1983, 342–343). Поэтому, хотя большинство лексических элементов, вошедших в русский язык в рассматриваемую эпоху из западнорусского, и является по происхождению полонизмами, нам представляется целесообразным рассмотреть в нашем исследовании языковое взаимодействие в самом восточнославянском ареале.

Наша работа призвана заполнить известный пробел в исследованиях по западным элементам русского языка допетровской эпохи, развертывавшихся особенно активно с кон. 1950-х гг. Исследователи (Тамань 1960; Тамань 1961; Кохман 1967; Кохман 1971–1974; Кохман 1975; Соби́к 1969) интересовались в первую очередь полонизмами, проникшими в разные виды русской письменности, в том числе в памятники делового языка, а также словами чешского (Мельников 1967; Кохман 1970; Кохман 1974), латинского и романского (Лиминг 1976), немецкого (Гардинер 1965) происхождения, проникшими в русский язык через посредство польского языка, или вообще западноевропейской лексикой, заимствованной русским языком до Петровского времени (Фогараш 1958) или до XIX в. (Хюттль-Ворт 1963).

Оживление в этой области исследований было вызвано – кроме всеобщего развития изучения межславянских языковых контактов, – несомненно, и выходом в свет «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (Фасмер 1953–1958; Фасмер, Трубачев 1964–1973). Дело в том, что из-за отсутствия более современных специальных исследований по заимствованиям из западноевропейских языков, в том числе и польского, М. Фасмеру пришлось пользоваться устаревшими работами (Христиани 1906, Смирнов 1910), вслед за которыми в науке на долгое время укрепилось мнение, будто в русском языке допетровской эпохи было мало заимствований из западноевропейских языков, хотя, как подчеркивал еще в нач. XX в. А. И. Собо-

левский: «всякое специальное исследование – по истории ли литературы, по истории ли быта, по истории ли языка, или даже по истории искусства, имевшего в то время [в XV–XVII вв. – А. З.] по преимуществу церковный характер, – дает в результате длинный ряд крупных и мелких данных, указывающих на тесные связи Москвы с западом Европы задолго до Петра» (Соболевский 1903а, 38–39). Упомянутый недостаток этимологического словаря Макса Фасмера, находящийся в поразительном противоречии с его несомненно большими достоинствами, послужил толчком к более доскональному изучению той части русской лексики, которая была заимствована из западноевропейских языков до XVIII в. Что же касается полонизмов, то некоторые из указанных специальных исследований по этому вопросу (особенно Соби́к 1969, частично также Тамань 1960, Тамань 1961, Кохман 1967) грешат отсутствием строгого разграничения фактов западнорусского и великорусского языков, в результате чего к полонизмам в русском языке причисляются иногда слова, засвидетельствованные лишь в западнорусской письменности (ср.: Кипарский 1963–1975, 98–99; Речек 1961, 153; Золтан 1977, II, 194). Причем сам В. Кипарский обвиняет в этом М. Фасмера, который включил в свой словарь каждое слово, засвидетельствованное в словарях И. И. Срезневского и В. И. Даля, и таким образом в «Этимологическом словаре русского языка» приводится большое количество слов, фактически относящихся к словарю белорусского и (или) украинского языков (Кипарский 1963–1975, III, 99). Таким образом, несомненное достоинство словаря М. Фасмера, состоящее в том, что он в известной степени заменял отсутствовавшие до последнего времени этимологические словари белорусского и украинского языков, признается в то же время фактором, препятствовавшим развитию исследований в области западнорусско-великорусских языковых контактов. Вместе с тем этот недостаток словаря М. Фасмера был обусловлен объективными причинами, в первую очередь недостаточной разработанностью исторической лексикологии и лексикографии украинского и белорусского языков. К настоящему времени многое уже изменилось: вышли или выходят новые исторические словари всех трех восточнославянских языков (СРЯ 1975–2008, ССУМ 1977–1978, ГСБМ 1982–2010). Нам кажется, что в современных условиях именно этот недостаток словаря М. Фасмера должен стимулировать исследования по украинско-белорусско-русским языковым контактам (ср.: Шенкер 1983, 256).

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что упомянутые работы по польско-русским языковым контактам, особенно многочисленные труды польского слависта С. Кохмана (см. Список сокращений), содержащие прочно обоснованные оригинальные этимологии целого ряда русских слов, за-

имствованных в конечном итоге из западнославянских языков (из польского или – посредством польского – из чешского), создали ту необходимую научную базу, без которой наше исследование было бы немыслимым. Если заимствование русским языком допетровского времени слов романно-германского происхождения уже по культурно-историческим соображениям предполагает учет возможности чешско-польско-западнорусского посредничества, то выявление слов, проникших в русский язык таким же путем, но состоящих из одних славянских морфем, требует весьма сложной доказательной процедуры; приходится считаться с возможностью преемственности из праязыка, с одной стороны, и с возможностью параллельного образования слов из тех же морфем и с тем же значением – с другой. Поэтому в исследовании межславянской миграции слов и лексических значений – наряду с принципами этимологизирования заимствованных слов вообще – получает большое значение контекст ранних употреблений данного слова в принимающем языке. Не преувеличивая значения первой фиксации слова в памятниках письменности (в результате дальнейших разысканий каждая «первая» фиксация может оказаться отнюдь не самой ранней), можно с уверенностью сказать, что если какое-то русское слово появляется в великорусской письменности в контекстах, относящихся к Западной Руси, а в западнорусской письменности это же слово имеет большую традицию употребления или в самом западнорусском является заимствованием из польского (а в польском, как правило, из чешского), то необходимо признать, что данное слово в великорусском заимствовано из западнорусского, несмотря на то что в новейшее время слово могло стать «общеславянским», поскольку впоследствии оно – уже как русизм – могло заимствоваться и южнославянскими языками.

Поэтому в нашем исследовании большое внимание уделяется контекстам ранних употреблений тех слов, которые, как мы предполагаем, были заимствованы в великорусский язык из западнорусского; в ряде случаев именно контекст ранних фиксаций обратил наше внимание на неисконность того или иного слова в великорусском. «Малая выразительность признаков заимствования из одного языка в близко родственный язык» (Булаховский 1951, 37) составляет специфическую трудность исследования межславянских заимствований, которая при отсутствии собственно лингвистических критериев может быть устранена лишь путем привлечения свидетельств культурно-исторического характера. Поэтому, прежде чем приступить к показу языкового влияния западнорусского делового языка на великорусский, наряду с историко-лингвистическими факторами необходимо осветить также некоторые основные вопросы, связанные с культурными традициями деловой письменности, т. е. вопросы, принадлежащие к области древнерусской дипломатики.

2. ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМУЛЯРА ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАМОТ

Язык древнерусских грамот, отразивший живую восточнославянскую речь, проявляет большое разнообразие по отдельным областям восточнославянской языковой территории (ср.: Соболевский 1980, 39). В то же самое время документы, написанные в самых разных областях, обнаруживают поразительное сходство в формуляре, что позволяет возвести их к общей традиции составления деловых документов, установившейся, по-видимому, еще в киевский период. Это в первую очередь характерный зачин древнерусских грамот: **се азъ** (позднее также **іазъ, іа**), **а се азъ** (**іазъ, іа**) с предшествующей инвокацией (**въ имѧ ѡца и сѣа и сѣго дѣа**) или без нее. Эта формула вместе с часто встречаемой в ранних документах формулой санкции (ср., например, в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: **даже кто запъртити <...> тоу данъ <...>, да соудити ѡмоу бѣ въ днь пришествіа своего**), несомненно, церковнославянская. Зачин **се азъ** (с вариантами) в XII–XIV вв. характеризует жалованные и духовные грамоты, реже – другие виды документов из самых разных областей древней Руси. Мы находим такие грамоты в Киеве (Мстиславова грамота ок. 1130 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 33), в Новгороде (берестяные грамоты № 450, XII в.: Арциховский, Янин 1978, 51; берестяные грамоты № 138, XIII в.: Арциховский, Борковский 1958, 11 и др.; договорная грамота Александра Ярославовича Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 51; духовная новгородца Климента до 1270 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 55), на Волыни (ср. грамоты Владимира Васильковича 1287 г. и Мстислава Даниловича 1289 г., включенные в Галицко-Волынскую летопись: ПСРЛ II 1962, 903–904, 932) и в Москве (духовная Ивана Калиты 1327–1328 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 89), в Смоленске (грамота князя Федора Ростиславовича 1284 г.: Смоленские грамоты 1963, 62; подтверждающая грамота князя Ивана Александровича 1-й пол. XIV в.: Смоленские грамоты 1963, 69) и в Полоцке (Вкладная грамота князя Онофрия 1399 г.: Аванесов 1961, 52).

Происхождение начальной формулы древнерусских грамот не выяснено, хотя изучение элементов формуляра как самых устойчивых элементов языка грамот могло бы пролить свет на начальный этап становления канцелярского дела в Киевской Руси. Наблюдаемую с XII в. языковую практику при составлении документов – основной текст пишется на русском языке, а устойчивые элементы формуляра на церковнославянском – можно было

бы интерпретировать как отражение более позднего этапа развития, которому предшествовал период, когда языком княжеской канцелярии был церковнославянский, как это предполагал Л. П. Якубинский для X в. (Якубинский 1953, 89), вытесненный из языка грамот (при сохранении традиционных формул) в связи с возникновением церковнославяно-русской диглоссии после официального крещения Руси в 988 г., когда церковнославянский язык начал связываться исключительно с христианской культурой (ср.: Успенский 1983, 12). Однако нет достаточного материала для предположения о существовании княжеской канцелярской традиции в области внутреннего управления в X в.: договоры с греками, сохранившиеся в составе «Повести временных лет», свидетельствуют лишь о наличии письменной традиции в области дипломатических сношений. Языком переговоров с греками мог быть и греческий. По наблюдениям С. Микуцкого, те части текстов договоров с греками, в которых излагается точка зрения русской стороны, т. е. в которых можно видеть отражение позиции русских послов, сформулированной ими самими, обнаруживают формулы, не характерные для византийской царской канцелярии, но имеющие параллели в греческих частных актах своего времени (Микуцкий 1953, 19). На распространение знания греческого языка в окружении киевских князей в X в. указывает описанный Константином Багрянородным факт, что в сопровождении Ольги приехали в Константинополь из Руси три переводчика (Микуцкий 1953, 22). Характерный зачин и повествование от первого лица единственного числа древнерусских грамот не имеет аналогий ни с византийскими царскими грамотами, в которых употреблялась конструкция $\eta \beta α σ ι λ ε ι α \mu ο υ$, ни с находящимися в прямой зависимости от них южнославянскими грамотами, в которых калькировалась эта греческая конструкция (**господство ми, крaлевство ми, царство ми**), ни с западными, латинскими грамотами, в которых употреблялось множественное величия («*pluralis maiestatis*»). Н. Н. Дурново было высказано предположение о том, что «для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли отсюда формулу начала княжеских грамот “Се азъ” с болгарскими личными местоимениями 1 sg.» (Дурново 1969, 94–95; ср. также: Улуханов 1972, 98, Успенский 1983, 54, прим. 2). Однако это предположение остается недоказуемой гипотезой, поскольку из эпохи первого болгарского царства вообще не сохранилось никаких болгарских грамот, а в грамотах болгарских царей второго болгарского царства эта формула не встречается (см.: Ильинский 1911); она отсутствует и в древних сербских грамотах (см.: Миклошич 1858). В то же самое время поразительное сходство с формуляром древнерусских грамот обнаруживает

единственная греческая грамота венгерского короля Стефана I (997–1038), датируемая 1002 г., которая сохранилась в списке 1109 г. (современное издание, а также факсимильное воспроизведение текста см.: Мольнар, Шимон 1977, 10–14; ср. также: Моравчик 1984, 79–81): † Εὐ ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Ἐντέλλομαι ἐγὼ Στέφανος χριστιανὸς ὁ καὶ κράλ(ης) πάσης Οὐγγρίας <...>. Как установлено венгерскими византинистами (Цебе 1916; Дарко 1917), этот формуляр не имеет ничего общего с византийской царской канцелярией, но вполне обычен в Византии и в сфере влияния византийской культуры в грамотах частных лиц. Таких грамот сохранилось относительно немного (Дельгер 1956, 340), но они достаточно убедительно свидетельствуют о том, что данный формуляр, представленный упомянутой грамотой Стефана I и ставший повсеместным в древней Руси, восходит к византийскому частному акту (аналогичные греческие грамоты см., например, Миклошич и Мюллер 1871, 95, 97, 98, 225, 266 и др.; Дельгер 1948, 299). В языковом отношении характерно, что грамоты частных лиц писались в основном на народном греческом языке с сохранением некоторых книжных оборотов формуляра. Языковое оформление древнерусских грамот полностью соответствует оформлению византийских частных актов, при этом в древнерусских документах элементы формуляра приобретают церковнославянскую форму в соответствии с элементами формуляра византийских частных актов, сохранивших в своем составе традиционные книжные элементы. Таким образом, мы приходим к выводу, что появление древнерусского народного языка в грамотах находится в прямой зависимости от языковой ситуации в Византии, т. е. языковая ситуация в Киевской Руси в этом отношении калькирует византийскую диглоссию (ср.: Исаченко 1980, 78–80).

Возведение формуляра древнерусских грамот к византийской частной грамоте делает излишним упомянутое непроверяемое предположение о заимствовании начальной формулы из древнеболгарской канцелярской практики, так как церковнославянские элементы в формуляр древнерусских грамот могли проникнуть уже на территории Руси в результате осознания функционального параллелизма церковнославянского и греческого (книжного) языков (ср.: Успенский 1983, 16–23); форма личного местоимения **ѧзѣ** была достаточно распространена в русском церковнославянском языке XI в., она употреблялась не только в канонических текстах, но и в записях русских писцов, ср., например, в приписке дьякона Григория к Остромировому Евангелию 1056–1057 гг.: **ѧзѣ Григории дѧако(н)** (Обнорский, Бархударов 1952, 1, 15), в приписках к Новгородским служебным минеям 1095–1097 гг.: **ѧзѣ грѣшныи рабѣ ѡбѣи недостойныи дѧмѧка**

<...> азъ бо есмь грѣшнѣ невѣжа (Обнорский, Бархударов 1952, 30), в записях Мстиславова Евангелия кон. XI – нач. XII в.: азъ грѣшнѣи рабъ алекса... Изъ рабъ бѣжи... (л. 213 а), азъ же хощу ти наславъ (л. 213 б). В тексте самого Евангелия, правда только в единственном случае, засвидетельствована и русская форма **я**: **я** изгоню вѣсы (л. 83 а), Мстиславово Евангелие 1983, 289, 123; ср.: Дурново 1924, 257. Сочетание **се** азъ часто встречается в евангельских текстах, в том числе и в некоторых очень часто цитируемых, как, например, Мф. 28:20: **и се азъ съ вами есмь въ вса дни. до съкончаниа вѣкоу** (Мстиславово Евангелие 1983, 219). Таким образом, эта формула вполне могла быть создана как русско-церковнославянский эквивалент соответствующей греческой формулы, и нет никакой необходимости предполагать при этом само по себе сомнительное болгарское канцелярское посредство.

Можно полагать, что той языковой практике, которую мы можем проследить в древнерусских грамотах с XII в., предшествовал период, когда в качестве актового языка на Руси пользовались и греческим языком. На такое положение вещей указывает тот факт, что почти на всех сохранившихся княжеских и митрополичьих печатях XI в. мы находим греческую надпись (см.: Янин 1970, I, 14–59; ср. также греческую надпись на княжеской печати еще в нач. XII в.: Соловьев 1961). Греческая надпись на печатях митрополитов, почти исключительно греков по происхождению, не вызывает удивления, но такая же практика на княжеских печатях служит доказательством того, что греческий язык использовался в светском, государственном делопроизводстве. Если принять во внимание, что древнерусский административный язык к XII в. исторически заменил греческий, с которым он в XI в. еще сосуществовал, то становится понятным наличие греческих калек внутри текста (вне формуляра), отмеченное А. В. Исаченко в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г. (Исаченко 1970; Исаченко 1980, 115–118) и В. М. Живовым в Уставе Ярослава (Живов 1984, 78–79). Как установил А. С. Львов, сам термин *грамота* был заимствован древнерусским языком устно прямо из греческого, минуя вообще старославянское посредство (Львов 1966). Все эти факты убеждают нас в правоте взгляда, согласно которому книжная культура древней Руси восходит к византийской христианской культуре через южнославянское посредство, но образцы грамот были получены восточными славянами прямо от греков (ср.: Годинка 1891, 18). Причины же своеобразия формуляра древнерусских грамот, как было указано выше, следует искать в том, что этот формуляр восходит к формуляру византийских частных актов, который на Руси распространился в княжеском делопроизводстве.

В связи с этим возникает вопрос, почему именно формуляр частных актов получил общерусское распространение в XII в. Можно предположить, что в Киевской Руси, как и на других перифериях византийского мира – в Южной Италии, в Венгрии, образцы деловых документов насаждали книжники, не получившие специальной канцелярской выучки (ср.: Моравчик 1938, 411), но имевшие некоторые навыки в составлении бытовых документов (жалованных, купчих, духовных грамот), и из-за отдаленности от царской канцелярии и редких сношений с ней именно этот формуляр на периферии лег в основу практики княжеских канцелярий. Таким образом, можно допустить, что в X–XI вв. в Киевской Руси не существовало другой княжеской канцелярской традиции, кроме засвидетельствованной, например, в Мстиславовой грамоте около 1130 г. Однако если считать, что тексты договоров X в. с греками, сохранившиеся в составе «Повести временных лет», восходят на самом деле к одновременным славянским спискам, то необходимо признать, что в киевский период, даже до официального крещения Руси в 988 г., существовала и другая канцелярская традиция, пользовавшаяся – в соответствии с книжным греческим языком византийских царских грамот – русским книжным языком, т. е. церковнославянским, как это имело место, например, в средневековой Сербии, где – в отличие от частных грамот – царские грамоты писались на церковнославянском языке.

Если же считать, что сохранившиеся тексты договоров являются более поздними (XI в.) переводами с греческого, то употребление в них церковнославянского языка объясняется самим фактом перевода, поскольку в данный период «перевод с греческого с необходимостью предполагает применение церковнославянского языка» (Успенский 1983, 23). Существование в X–XI вв. отдельной княжеской канцелярской традиции, отличной от отразившейся в первых сохранившихся грамотах XII в., невозможно доказать ввиду отсутствия до XII в. княжеских грамот, дошедших до нас в подлиннике. В Уставе Владимира, относимом большинством исследователей к нач. или 1-й пол. XII в., но сохранившемся в списках начиная с XVI в., мы находим уже привычную формулу «**Се азъ/язъ...**» с предшествующей инвокацией (см.: Щапов 1976, 12–84); ту же самую формулу можно обнаружить в списках Устава Ярослава (без инвокации), сохранившихся с XV в. (см.: Щапов 1976, 85–139).

Таким образом, источники позволяют нам констатировать только то обстоятельство, что к XII в. в древней Руси как в княжеском, так и в частном делопроизводстве распространился формуляр грамот, обнаруживающий типологическое и, по-видимому, также генетическое сходство с формуля-

ром византийских частных грамот. В эпоху феодальной раздробленности древняя Русь вошла уже с установившимися образцами деловых документов, которые, несмотря на распад Киевского государства на ряд самостоятельных княжеств, продолжали в дальнейшем служить образцами как для княжеских канцелярий, так и для составителей частных актов. Традицию составления грамот по определенным образцам поддерживала, несомненно, церковь, единственное общерусское учреждение в эпоху феодальной раздробленности. Надо полагать, что в ранний период (XI–XIV вв.) княжеские грамоты составлялись духовными лицами, как и в Западной Европе (ср.: Каштанов 1982). Во всяком случае, имеются известия о том, что княжеские печатники занимали высокие должности в церковной иерархии (например, в XIII в. митрополит Кирилл был ранее печатником Даниила Романовича Галицкого, а в XIV в. нареченный митрополит Митяй ранее был печатником Дмитрия Донского: см.: Штекль 1966).

3. СТАНОВЛЕНИЕ ДВУХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДЕЛОВЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ XIV–XV вв.: ЗАПАДНОРУССКОГО И ВЕЛИКОРУССКОГО

Довольно последовательно выдержанный церковнославянский формуляр в восточнославянских деловых документах XII–XIV вв. при большом диалектном разнообразии самого языка этих грамот свидетельствует о продолжении в условиях феодальной раздробленности канцелярской традиции, сложившейся еще в киевский период.

Язык грамот, как известно, лучше других памятников отражает диалектное членение восточнославянской языковой территории, перерастающее, особенно в XIII–XIV вв., в формирование и консолидацию большинства характерных черт трех восточнославянских языков. Вследствие известных исторических обстоятельств развитие административного языка протекало, однако, не по линии русско-белорусско-украинской троичности, но в соответствии с объединением большинства восточнославянских земель в два больших государственных образования – в Московское государство и в Великое княжество Литовское. Это привело к кон. XV в. к образованию двух восточнославянских государственных языков – великорусского (московского) и западнорусского (общего – в главных чертах – украинско-белорусского), не считая несколько особого (староукраинского в своей основе) языка молдавской канцелярии, функционировавшего на периферии восточнославянской языковой территории в преимущественно неславянской среде.

Процесс формирования административного языка Великого княжества Литовского

В основу западнорусского делового языка лег галицко-волинский говор (Курашкевич 1934, 5–8; Станг 1935, 6–7; ср. также: Курашкевич 1937, 57). Галицко-волинское княжество в XIII – 1-й пол. XIV в. развивалось в тесных экономических, политических и культурных контактах со своими западными соседями – Польшей и Венгрией. Как можно судить по грамотам XII в., включенным в Галицко-Волинскую летопись (см. ранее), здесь продолжались традиции деловой письменности, унаследованные из киевского периода. Однако необходимость частого общения с западными соседями привела здесь к возникновению также латинской канцелярии при княжеском дворе, памятники которой сохранились с 1-й четв. XIV в. (Срезневский 1882, 173–174, 177, 180, 185). К сожалению, не сохранилось ни одной подлинной галицко-волинской княжеской грамоты на восточнославянском языке 1-й пол. XIV в. (часто встречаемые в разных публикациях грамоты Льва Даниловича оказались позднейшими фальсификатами: см.: Грушевский 1902; Шевелев 1979, 222), поэтому мы не можем непосредственно сравнить русские и латинские грамоты, вышедшие из одной и той же галицко-волинской канцелярии.

Однако можно предположить, что уже в этот период сосуществование латинской и русской канцелярий не могло не отразиться на языке и на формуляре галицко-волинских грамот, поскольку некоторые элементы латинской, польской, немецкой социальной терминологии, а также дипломатической фразеологии отмечаются уже в Галицко-Волинской летописи XIII в. (см.: Генсёрский 1961). После присоединения в 1349 г. Галицкой Руси к Польше (Волинь тогда была захвачена Литвой) восточнославянский язык становится одним из двух (наряду с латинским) языков польской королевской канцелярии при Казимире III, так как – согласно существовавшей между Польшей и Венгрией договоренности – Галицкая Русь, на которую претендовала и Венгрия, должна была управляться отдельно (см.: Пашкевич 1924, 6–7). Таким образом, Галицкая Русь оказалась под властью польского короля, но не в составе Польши; Казимир III считал себя наследником вымершего рода галицко-волинских князей. Об этом свидетельствует, между прочим, его греческая грамота константинопольскому патриарху Филофею 1370 г. с просьбой о назначении в галицкие митрополиты епископа Антония (РИБ VI 1908, 125–128); польский король-католик выступает здесь в роли главы православного государства, наследника православных русских князей (отдельная галицкая митрополия была основана в 1303 г. по просьбе галицкого великого князя Юрия I Львовича, внука короля

Даниила: см.: Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 96; ч. 2, 8). Особое положение Галицкой земли при Казимире III отражалось в сохранении особого государственного административного языка этой области – «русского» (т. е. староукраинского, отражающего галицкую диалектную основу).

В области дипломатики внимания заслуживает тот факт, что первая русская грамота Казимира III, несмотря на наличие в тексте некоторого числа полонизмов, сохраняет древнерусский формуляр: **Я се а король казимиръ краковьскій и коуавьскій и господарь роускоѣ землѣ далъ есмь слоужѣ своему иванови дворице** (Пешак 1974, 27), т. е. можно констатировать продолжение древнерусской (галицко-волынской) канцелярской традиции в польской королевской канцелярии. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в королевскую канцелярию был принят человек (по наблюдениям В. Курашкевича, все три известные подлинные «русские» грамоты Казимира III принадлежат перу одного и того же лица: см.: Курашкевич 1934, 5), не просто знающий галицкий говор и умеющий писать, но знающий традиции галицко-волынского делопроизводства, развивающий в краковской королевской канцелярии навыки, приобретенные еще в канцелярии последних галицко-волынских князей. В написанной в то же время латинской грамоте мы находим западноевропейскую начальную формулу со множественным величия: *Nos Casimirus dei gratia rex Polonie dominusque terre Russie* (Гонсиоровский 1907, 80). Древнерусский зачин сохраняется и в договорной грамоте волынского князя Дмитрия (Любарта) с Казимиром III 1366 г.: **Се іазъ князь великыи димитрии** (Пешак 1974, 38). Однако в договорной грамоте Казимира III с литовскими князьями 1352 г., оформленной в королевской канцелярии тем же писцом, которым были написаны и указанные выше две грамоты, мы находим уже другой зачин, заимствованный из латинских грамот: **Вѣдаи то каждыи члвкъ кто на тыи листъ посмотришь** (Пешак 1974, 30). Эта формула представляет собой ранний вариант начальной формулы, которая впоследствии становится повсеместной в западнорусских грамотах. Сравним, например, с грамотой Витовта 1382 г.: **Ины Великии князь Витовтъ чинимъ знаемо симъ нашимъ листомъ, кто на него оузритъ или оуслышитъ чтоучи** (Пешак 1974, 61). Эта формула распространилась в латинской дипломатике разных европейских стран под влиянием имперской канцелярии Германии (Станг 1935, 134); в указанную «русскую» грамоту Казимира III она проникла из практики латинской канцелярии короля (ср. в латинских грамотах Казимира III: *Notum facimus quibus expedit vniuersis; Notum facimus vniuersis presentibus et futuris, hanc litteram inspecturis* и др., Станг 1935, 133–134), по-видимому, посредством польского (разговорного) языка; о польском посредничестве

свидетельствует наличие слова *лист* «грамота» в начальной формуле при употреблении древнерусского эквивалента *грамота* внутри текста (**а што тои грамотѣ писано, тою жь правдоу литовьскымъ княземъ держати** (Пешак 1974, 31).

После смерти Казимира III, когда Людовик Анжуйский правил и Венгрией, и Польшей, Галицкая Русь была передана польскому князю Владиславу в качестве венгерского лена (1372–1378). В единственной «русской» грамоте этого князя, сохранившейся в подлиннике (Пешак 1974, 59–60), мы находим в основном уже западноевропейский формуляр, но сохраняются и некоторые черты древнерусских грамот, т. е. грамота представляет своего рода контаминацию латинской и византийской канцелярской традиции. Грамота начинается с церковнославянской инвокации (**Во имя ѡ(т)ца и сѣна и сѣго дѣха**), но повествование ведется от первого лица множественного числа (**Мы князь володиславъ <...> то ксмы бчинили...**), и дата дается от рождения Христова; составитель акта назван *писарем* (**а писалъ княжи писарь костько болестрашицки**), а не *дьяком*, хотя этот Костько подписывался в более ранних (частных) грамотах как *писарь пана старостынъ дьякъ из болестрашичъ именемъ дьячковичъ* (Пешак 1974, 34) или как *поповичъ болестрашицкии именемъ деячковичъ василуовъ сѣнь поповъ костъ проузвищемъ сорочичъ* (Пешак 1974, 40). «Княжий писарь» Костько, сын православного священника, стал впоследствии, при Ягайле, перемышльским судьей и в более поздних своих грамотах сочетает элементы византийско-древнерусского и латинско-польского формуляров: **Во имя ѡца и сѣна и сѣго дѣха. Яминь. Я се знаменито бѡудъ и свѣдочно всѣмъ добрымъ людемъ што на тотъ листъ оузодрать. Я се я Жебрунъ воевода познавамъ то нашимъ лист[омъ]** (Пешак 1974, 106; о принадлежности всех этих грамот перу одного и того же лица, т. е. Костьки, см.: Курашкевич 1934, 6–7); при этом характерно, что после формулы **Я се я** повествование ведется от 1-го лица множественного числа: **познавамъ то нашимъ лист[омъ]**. Все это свидетельствует о том, что вытеснение древнерусского формуляра в галицком делопроизводстве проходило постепенно, через стадию сосуществования традиционного древнерусского формуляра с новым, усвоенным под влиянием латиноязычной канцелярской практики.

Сосуществование западной и восточной традиций выражается и в титулатуре Владислава Опольского в указанной грамоте 1378 г.: князь назван с одной стороны *господарем* (калька лат. *dominus*) и *дѣдичем* (калька польск. *dziedzic*, лат. *heres*; о титулах *господарь* и *дѣдичь* см. ниже), с другой – *самодержцем* (калька греч. αὐτοκράτωρ, см.: Острогорский 1935, 97). Возможно, что титул *самодержец* входил в прошлом также в титулатуру

галицко-волинских князей; в XIII в. засвидетельствовано употребление этого титула по отношению к Роману Мстиславовичу и Даниилу Романовичу (Острогорский 1935, 162; ср. также: Генсёрский 1958, 58–60); о продолжении этой традиции может свидетельствовать и применение этого титула по отношению к Казимиру III в грамоте 1361 г., сохранившейся, правда, не в подлиннике, а в списке, внесенном в Перемышльскую городскую книгу (Пещак 1974, 35–36). Во всяком случае, употребление титула *самодержец* едва ли было нововведением князя-вассала Владислава Опольского; более вероятно, что он унаследовал его (как и титул *господарь*) от своих предшественников – независимых православных галицко-волинских князей – посредством «русской» канцелярии Казимира III.

Материал, приведенный из самых ранних галицких грамот, свидетельствует о том, что замена русско-церковнославянского формуляра польско-латинским проходила здесь постепенно, через стадию сосуществования этих двух разных традиций. О первичности русско-церковнославянского формуляра на этой территории достаточно убедительно свидетельствуют указанные грамоты галицко-волинских князей, сохранившиеся в Ипатьевской летописи. Поэтому предположение Г. Шевелева о том, что галицко-волинский канцелярский язык мог развиваться на основе разговорного языка этой области под чешским влиянием, но без участия церковнославянского языка (Шевелев 1979, 222, прим. 17), представляется нам неприемлемым.

После смерти Людовика и ликвидации венгерско-польской персональной унии Галицкая Русь была воссоединена с Польшей; в 1386 г. великий князь литовский Ягайло, женившись на младшей дочери Людовика Ядвиге, стал королем Польши. К этому времени Литва уже покорила значительную часть восточнославянской территории (Хабургаев 1980, карта 17, 155); литовские завоеватели, не имевшие письменности на своем языке, в дипломатических сношениях со своими славянскими соседями пользовались «русским» языком; однако до унии с Польшей литовская великокняжеская канцелярия, если вообще существовала, находилась на стадии формирования; сохранившиеся договорные грамоты с соседними государствами были составлены в канцеляриях этих государств (договор с Польшей 1352 г. – в «русской» канцелярии Казимира III, перемирие с Дмитрием Донским 1371 г. – в Москве (Косман 1969, 98)). Персональная уния Литвы с Польшей при Ягайло имела, между прочим, и то следствие, что в основу формирующейся литовской великокняжеской канцелярии была положена имеющая к этому времени уже известную традицию «русская» канцелярия при польском королевском дворе. Этим объясняется, что формуляр литовских великокняжеских грамот уже во времена Ягайло калькирует латинские грамоты

польской королевской канцелярии и не продолжает (наоборот, постепенно вытесняет и в местном делопроизводстве) традиционный древнерусский формуляр (Соболевский 1980, 71; Станг 1935, 132–141; Станг 1939, 101). Существование «русской» канцелярии в Польше, развившейся по историческим причинам на южноукраинской (галицкой) диалектной основе, не могло не отразиться и на языке литовских великокняжеских грамот: на первых порах в них преобладают элементы именно южноукраинских говоров, а не, как можно было ожидать, черты одного из белорусских говоров; черты белорусского языка берут верх в великокняжеских грамотах лишь во второй пол. XV в. (Станг 1935, 50–51).

До унии Литвы с Польшей под влиянием подвластного Литве, но стоявшего на более высоком культурном уровне восточнославянского населения происходил процесс христианизации литовской знати; многие представители литовских княжеских родов приняли христианство (разумеется, в его православном варианте) задолго до официального крещения Литвы (в католичество) в результате Кревской унии в 1386 г. Литовские великие князья Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) добились даже того, что был поставлен особый митрополит для Литовской Руси (Голубинский 1901–1911, II, ч. 2, 8–10). Крещение коренного населения Литвы в католичество обозначало перекрещивание части православной литовской знати и открывало путь католическому влиянию не только в собственно Литве, но и в подвластных ей восточнославянских землях. «И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру, и присла [Ягайло] архиепискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всеи Литовскои земли», – рассказывает западнорусский летописец (ПСРЛ XXXV 1980, 64). Часть обрусевшей литовской знати, однако, сохранила православие и стала впоследствии защитником православной веры в Литовской Руси. В великокняжеском центре при Ягайло (1386–1392) и Витовте (1392–1430) господствовали католические, польские обычаи; в «русской» канцелярии этих князей составлялись грамоты, по языку восточнославянские, с преобладанием все еще южноукраинских диалектных черт (Станг 1935, 7, 19–21), но по формуляру уже латинские. Можно думать, что ко времени Ягайло ослабла уже и связь «русской» канцелярии с местным православным духовенством (прослеживаемая еще в предшествующий период, см. ранее); характерный древнерусский формуляр контаминирован с польско-латинским также в грамотах самих православных духовников. Сравним, например, с грамотой луцкого епископа 1398 г.: **Ѳ се азъ вѣдѣа иванъ из луцѣа знаемо чиню всѣмъ ажѣ да(л) г(с)дарь мои великѣи король митропольо галицкоюу** (Пешак 1974, 135–136). Во всяком случае церковнославянский

элемент в великокняжеских грамотах при Ягайло и Витовте сводится к минимуму, а элементы языка государственного делопроизводства проникают все шире в язык частных актов, в том числе в язык православной церковной администрации. С обращением Литвы в католичество православие в Литовской Руси стало религией лишь допустимой, но не государственной; православная церковь была лишена непосредственного влияния на дела государства. Это обстоятельство препятствовало занятию православными лицами высоких государственных должностей, в том числе значительных должностей в великокняжеской канцелярии. «Русским» отделением канцелярии Витовта заведовали литовские бояре, «русскими» (т. е. украинцами или белорусами) были только писари; латинским отделением заведовали поляки (Косман 1969, 111). Окончательная замена названия профессии *дьяк* словом *писарь* в западнорусском – в соответствии с лат. *scriba*, польск. *pisarz* – указывает также на разрыв светского, государственного делопроизводства с православными (византийскими) традициями. Если в «русских» грамотах Казимира III и Владислава Опольского обнаруживаются еще следы древнерусского (церковнославянского по языку) формуляра, унаследованного от прежней галицко-волинской канцелярии, то при Ягайло и Витовте завершается процесс переориентации западнорусской дипломатики на латинские образцы, которые начинают калькироваться со всей очевидностью при посредстве польского разговорного языка, а не при помощи церковнославянского. Предполагается при этом и влияние чешского языка и чешской дипломатики (см.: Соболевский 1980, 72; Мацурек 1958; Мацурек 1960; Мацурек 1960а; Мацурек 1966; ср.: Чабан 1962; Исаевич 1967). Это мнение основывается на сходстве формуляра чешских и галицких грамот XIV–XV вв., а также на сходстве лексического материала формулярных элементов. Поскольку в Польше в это время деловые документы писались исключительно на латинском языке, Й. Мацурек считает возможным, что галицкие (а также молдавские) писцы следовали не польско-латинским, а именно чешским образцам. В связи с этой гипотезой необходимо указать на тот факт, что галицкие грамоты сохранились с более раннего времени, чем чешские (самая древняя чешская частная грамота – 1372 г., королевская – 1394 г. (Мацурек 1960, 176)), хотя это, конечно, может быть случайностью, как полагает Й. Мацурек, который придерживается мнения, что именно галицкие грамоты, опережающие по времени первые сохранившиеся чешские грамоты, доказывают употребление чешского языка в делопроизводстве в самой Чехии уже около сер. XIV в. Это построение носит явно гипотетический характер и, ввиду отсутствия чешских грамот, принадлежащих к одному времени с первыми галицкими, непосредственное

чешское влияние на галицкую канцелярскую практику второй пол. XIV в. не может быть доказано. Сходство формуляра украинских и чешских грамот объясняется, на наш взгляд, намного проще – их общей зависимостью от тех же латинских образцов. Отсутствие грамот на польском языке в данный период свидетельствует лишь о том, что в польских канцеляриях не писали на польском языке, но едва ли можно себе представить, чтобы не существовал польский устный вариант документов, составляемых на латинском языке. «Типично чешские слова», обнаруженные Й. Мацуреком в галицких и молдавских грамотах, являются словами общими для чешского и польского языков (в ряде случаев, конечно, в результате сильного влияния чешского языка на польский), поэтому они не могут свидетельствовать о непосредственном чешском влиянии на язык староукраинских грамот. Слабой стороной гипотезы Й. Мацурека следует признать и то, что политические связи Галицкой земли с Чехией (и то через посредство Силезии) автор может проиллюстрировать только начиная со времени правления этой областью Владислава Опольского (между тем как тесные политические связи Галицкого княжества с Польшей прослеживаются в источниках уже с самого начала существования этого княжества). Богемизмы «русских» грамот Казимира III – это, на наш взгляд, богемизмы польского языка, которые попали в эти документы в результате совместной работы польских и галицких писцов в польской королевской канцелярии, т. е. мы считаем гипотезу о прямом влиянии чешского языка на язык самых древних галицких грамот недоказанной и даже маловероятной (ср.: Кохман 1971–1974, 69–71; Кохман 1974, 145–147; Кохман 1975, 13–16; ср. также: Гумецкая 1967).

На протяжении XV в. происходит постепенное перемещение диалектной основы языка литовской великокняжеской канцелярии. Если при Ягайло из-за преемственности между польской королевской «русской» канцелярией и литовской великокняжеской в великокняжеских документах преобладают украинские диалектные черты, то при Казимире IV (1440–1492) заметно возрастает число грамот, написанных белорусскими писцами (Станг 1935, 50–51), и в следующий период, в годы правления Александра (1492–1506) и Сигизмунда I (1506–1548), вырабатываются относительно устойчивые нормы делового языка; этот период Станг называет периодом «классической формы литовско-русского языка» (Станг 1935, 52; ср. также: Журавский 1978, 186–187).

Подытожим общую характеристику этого языка, данную Стангом. В области фонетики преобладающее большинство грамот характеризуется смешиванием *ѣ* и *е* во всех позициях, диалектным признаком севернобелорусских говоров, расположенных ближе к столице, г. Вильне; южнобелорусская (и северноукраинская) трактовка *ѣ* (*ѣ* > *е* только в безударном положении)

характеризует только приблизительно 20–25 % великокняжеских грамот. Кроме того, фонетическую систему «классического периода» характеризуют еще следующие особенности:

- отсутствие аканья (засвидетельствовано лишь несколько случаев гиперкорректного написания *о* вм. *а*);
- отсутствие яканья;
- *e* > *о* после *ш, ж, ч, щ, ц* и перед твердыми согласными или в конце слова;
- фрикативное *γ* (взрывное *z* – пишется *кz* – только в заимствованиях);
- *вѣ-* > *у-*;
- депалатализация губных в конце слова;
- твердые *ш, ж, ч, щ, ц* (после них пишется *ы*);
- депалатализация *р*'.

Из морфологических особенностей приведем лишь самые существенные:

- распространение флексии *-у* в род. п. ед. ч. существительных мужского рода с бывшей основой на *-ѡ-* (за исключением существительных, обозначающих лиц);

- устранение результатов 2-й палатализации у этих же существительных путем распространения флексии *-у* в мест. п. ед. ч. у существительных на *-к, -z, -х*;

- флексия мест. п. мн. ч. этих же существительных обычно *-ех* (<*-ѣхъ*), после *к, z, х* – *-ах/-ох* (этот последний вариант под влиянием южных и юго-западных белорусских говоров);

- в дат. и мест. п. ед. ч. существительных с основой на *-ā* результаты 2-й палатализации сохраняются;

- флексия *-ое* род. п. ед. ч. прилагательных женского рода;
- формы указательного местоимения *тот*: им. п. ед. ч. – *тыи*, тв. п. ед. ч. – *тымъ*, род. п. мн. ч. – *тыхъ*, дат. п. мн. ч. – *тымъ*, твор. п. мн. ч. – *тыми*, мест. п. мн. ч. – *тыхъ*;

- 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. глаголов оканчивается на *-тъ*;
- 1 л. мн. ч. у тематических глаголов оканчивается на *-мъ*, у атематических глаголов – на *-мо* (например, *есмо*);
- будущее время глаголов несовершенного вида образуется при помощи *буду* + инфинитив (Станг 1935, 63–114).

Как видно из приведенных особенностей, западнорусский деловой язык в этот период, хотя и обладал уже довольно четкой белорусской диалектной базой, избегал включения в норму тех белорусских особенностей (аканье, яканье, дзеканье), которые были целиком чужды украинскому языку. То же самое относится и к лексике: количество литуанизмов в памятниках западнорусской письменности ничтожно. Унаследованный общеславянский

словарь пополняется главным образом заимствованиями из польского языка, общими для украинского и белорусского языков. Официальным языком Великого княжества Литовского, таким образом, стал в известной степени искусственный язык, имеющий наддиалектный характер, но благодаря именно этому наддиалектному характеру он мог обслужить сперва только деловые, но впоследствии – особенно в XVI–XVII вв. – также и литературные и отчасти даже культовые потребности украинского и белорусского населения Польско-Литовского государства, так как на основе этого языка возник новый литературный язык, т. н. «проста мова» (Успенский 1983, 68–69).

Нормированный западнорусский деловой язык распространился и в украинских областях (за исключением Галицкой Руси, где в 1433 г. «русский» деловой язык был заменен латинским (Соболевский 1980, 80–81; Шевелев 1979, 397)).

Особенности деловой письменности Молдавии. На части земель, входивших раньше в состав Галицко-Волынского княжества или, по крайней мере, зависевших от него, в XIV в. образовалось Молдавское княжество. Восточнороманское население, переселившееся сюда из-за Карпат, встретило здесь еще живые восточнославянские (южноукраинские) и, возможно, южнославянские (болгарские) говоры, но в Молдавии – в отличие от Валахии – преобладал восточнославянский элемент (Бернштейн 1948, 363–366). В основу канцелярского языка Молдавии лег южноукраинский (галицкий) говор, в который проникали элементы церковнославянского языка (среднеболгарского извода), а также многочисленные местные слова как романского происхождения, так и заимствованные из разных соседних языков (венгерского, немецкого и польского: Яцимирский 1909, 1; Богдан 1908, 371; Станг 1935, 8; о полонизмах в языке молдавских грамот: Стойкович 1973). В XIV–XV вв. кадры писцов для молдавских канцелярий поставляло местное славянское (в данном случае – украинское) население (Бернштейн 1948, 101). Галицкий говор, таким образом, в XIV в. лег в основу двух канцелярских языков – западнорусского и молдавского¹. Тогда как диалектная основа западнорусского в течение XV в. изменилась (переместилась на север), молдавский канцелярский язык сохранил в основном свой южноукраинский характер, что и привело к некоторому обособлению языка

¹Несмотря на наличие обстоятельной монографии С. Б. Бернштейна о языке валашских грамот XIV–XV вв. (Бернштейн 1948), в литературе последних лет все еще встречается ничем не обоснованное мнение, будто бы западнорусский язык XIV–XVI вв. был государственным языком не только Литвы и Молдавии, но также Валахии (Филин 1974, 9; Журавский 1978, 185). Как известно, языком валашских грамот был болгарский.

молдавских грамот от языка западнорусских грамот (о языке молдавских грамот см.: Ярошенко 1931), хотя в области дипломатики в молдавских грамотах наблюдается влияние западнорусских формул, которые иногда переплетаются с церковнославянскими. Сравним характерный зачин молдавских грамот второй пол. XV в.: *Въ има ѿца и сѣна сѣго дѣха тр(о)ица стаа и единосѣннаа. и нераздѣлимаа. се. азъ ра(б) вл(а)кы моего їсоу хѣ. їо Стефа(н) воевода бѣжиею мѣ(л)стию г(с)п(а)рь земли. мо(л)давскои знаменито чини(м) и(с) си(м) листо(м) наши(м) въсѣ(м) кто на(н) възри(т) или его чтоу(ч)и оуслѣши(т)* (Русановский 1965, 127). Обращает на себя внимание неорганичность сочетания формул разного происхождения (*се азъ... чини(м)... наши(м)*) – русско-церковнославянский формуляр предполагал бы повествование от 1 л. ед. ч.), отмеченная ранее и в некоторых галицких грамотах XIV в. Такое же сочетание разных формул наблюдается и в закарпатской грамоте 1404 г.: *Се азъ панъ радочуль вицашпанъ маромоуре(ш)скы(м)[!] и жоупанъ ба(н)ко и тодѣрь <...> даемо вѣдомо симъ наши(м) листомъ вѣсакомоу кто посмощитъ на сесѣ листъ* (Русановский 1965, 133–134). Интересны случаи, когда западнорусский формуляр переплетается с болгарским (опосредованным, по-видимому, канцелярией валашских воевод): *Ил(с)тиа бѣжиеа, азъ алеѣандръ воевода, и гѣ(д)нь въсеи Молдовахискои земли, чинимъ знаменито, кто на сѣ писаніе оузритъ, или его оуслѣшитъ. еже блгопроизволи гѣ(д)во ми* (Русановский 1965, 75), – здесь к несогласованности *азъ* с формой глагола *чинимъ* присоединяется еще и конструкция *господство ми* с повествованием от 3 л. ед. ч. Встречаются, однако, и грамоты с западнорусским зачином в чистом виде: *Ил(с)тию бѣжиею мѣы алеѣандръ воевода господарь земли мо(л)давскои, чини(м) знаменито ис си(м) листомъ нашимъ оусѣ(м) кто на(н) оузри(т) или его оуслѣши(т) чтоу(ч)и* (Русановский 1965, 77). Как видим, в дипломатике Молдавии, развивавшейся на стыке разных культур, перекрещивались разные канцелярские традиции: восточнославянские (восходящие к византийскому частному акту), южнославянские (восходящие к византийской царской грамоте) и западнославянские (калькирующие соответствующие латинские формулы).

Характеристика административного языка Московского государства

К кон. XV – нач. XVI в. все восточнославянские земли, оставшиеся за пределами Великого княжества Литовского и Польши (и частично Молдавии и Венгрии), были объединены Великим княжеством Московским. Параллельно с ростом политической власти Москвы проходил процесс распространения московского канцелярского языка, вытеснение им мест-

ных канцелярских языков, сложившихся на основе тех же самых киевских традиций, но на местном разговорном субстрате, из которых как по количеству сохранившихся памятников, так и по своеобразию языка выделялась деловая письменность Новгорода и его колоний. Новгородская дипломатика характеризовалась особой начальной формулой (при частичном сохранении – преимущественно для духовных – древнерусской формулы **се азъ**): **поклонъ отъ <...>**, которая засвидетельствована и в двух смоленских грамотах 1284 и 1300 гг. (Смоленские грамоты 1963, 66–67; ср.: Русановский 1978, 178), а также в полоцкой грамоте ок. 1300 г. и в грамоте рижан в Витебск ок. 1300 г. (Аванесов 1961, 42–43). Можно думать, что этот зачин распространился под влиянием интенсивных контактов северо-западных русских земель с прибалтийскими немцами; указанные смоленские и полоцкая грамоты адресованы в Ригу. После присоединения Новгорода к Москве (1478 г.) на новгородских землях местный диалект в делопроизводстве был заменен московским (Соболевский 1980, 54). Таким образом, для изучения истоков канцелярских традиций и административного языка централизованного Русского государства первостепенное значение имеет исследование документов великокняжеской канцелярии.

В области дипломатики московские великокняжеские грамоты, сохранившиеся с XIV в., продолжают древнерусскую традицию. В духовной грамоте Ивана Калиты (ок. 1339 г.) мы находим древнерусскую (церковно-славянскую) начальную формулу с инвокацией: **Во имя о(т)ца и с(т)на и с(в)а(т)аго д(оу)ха, се азъ, грѣшныи х(оу)дыи рабъ б(о)жии Иванъ**), а также санкцию, сходную с той, которая встречается уже в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: **И кто сю грамотоу пороушитъ, соудитъ емоу б(о)гъ** (ДДГ 1950, № 1, 7–11). Этот же формуляр с некоторыми факультативными приращениями сохраняется для духовных грамот на протяжении XIV–XVII вв. Начальная формула **се азъ**... встречается также в некоторых ранних договорных грамотах: **Се азъ, князь великий Семе[н]ъ ивановичъ [всеа] Роу(с)и** (ДДГ 1950, № 2, ок. 1350–1351 гг., 11), а также в перемирной грамоте послов великого князя литовского Ольгерда с Дмитрием Донским 1371 г. (ДДГ 1950, 21). Эта грамота была составлена в Москве, что косвенно подтверждается в самом тексте: **И си грамота аже боуд(е)тъ князю великому Олгѣрдоу не любя, инъ отошлетъ** (ср.: Косман 1969, 98). Однако уже во второй пол. XIV в. возникает новый зачин договорных грамот: **[По] бл(а)гос(ло)в(е)нью отца нашего Алексия, митрополита всеа Роу(с)и, на сем, брате молодшии, кн(а)зь великий Михаило Олкса(ндр)ович, целоуи ко мнѣ крестъ, къ братоу старѣишему, кн(а)зю великому Дмитрию Ивановичу** (ДДГ 1950, 25; ср.: Каштанов 1970, 35–36). Эта фор-

мула договорных грамот, выработанная уже в московской канцелярской практике, исторически заменяет формулу **Се азъ...** (сохранившуюся в частных грамотах до кон. XVII в.), по-видимому, через стадию, засвидетельствованную в договорной грамоте Дмитрия Донского с серпуховским князем Владимиром Андреевичем ок. 1367 г.: **По бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего Олехѣа, митрополита всеа Роус(и), се азъ, князь великий Дмитрий Ивановичъ, докончали есмъ з братомъ с младшимъ, со княземъ Володимеромъ Индрѣевичемъ. Целовали есмъ кр(е)сть оу о(т)ца своего оу Олехѣа оу митрополита всеа Роус(и)** (ДДГ 1950, 19).

Включение в начальную формулу указания на благословение митрополита свидетельствует о том, что московская великокняжеская канцелярия в XIV–XV вв. развивалась в тесной связи с митрополичьей (ср.: Водов 1979, 344). Это способствовало сохранению в Московской Руси древнерусского (церковнославянского) формуляра, а также появлению новых церковнославянских элементов в великокняжеских грамотах, заимствованных из практики митрополичьей канцелярии. К таким элементам относится, в частности, элемент титула *всея Руси*, заимствованный московскими князьями из титула митрополитов (Шахматов 1938, 77; Алеф 1959, 6) и получивший впоследствии – во время второго южнославянского влияния – форму *всеа Руси* (Тихомиров 1969, 144). В отличие от Литовской Руси, где к кон. XV в. церковнославянский элемент в великокняжеских грамотах исчезает, в Московской Руси ничто не препятствовало непрерывному воздействию церковнославянского языка на канцелярский язык, в первую очередь, разумеется, на устойчивые формулы, и это воздействие поддерживало употребление традиционных формул до Петровского времени (ср.: Успенский 1983, 54, прим. 2). Но влияние церковнославянского языка на язык московской великокняжеской канцелярии не ограничивалось одними традиционными формулами; в XVI в. полонизм в западнорусском языке противопоставляются нередко церковнославянизмы в великорусском деловом языке, например, *предок* – *прародитель*, *присяга* – *крестное целованье*, *писарь* – *дьяк* (ср.: Золтан 1983, 340–341). Вместе с тем язык великокняжеской канцелярии развивается на московском разговорном субстрате; этот разговорный субстрат в XIV–XV вв. мог включить в себя уже значительное количество прочно усвоенных церковнославянизмов. Наряду с церковнославянизмами московский деловой язык дополняет унаследованный восточнославянский словарь новообразованиями, местными бытовыми словами и выражениями, а также заимствованиями и кальками из тюркских языков (см.: Горшкова 1951; Спринчак 1956а; Русановский 1978).

Глава 1. ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

1.1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ «РУССКИХ» ДЕЛОВЫХ ЯЗЫКОВ В XV в.

Развиваясь на разном диалектном субстрате, в разных государственных образованиях, в контактах с разными языками и культурными традициями, московский и западнорусский деловые языки к XV в. развили ряд характерных черт, на основании которых документы, написанные в Западной Руси, легко отличимы от документов, написанных в Северо-Восточной Руси, несмотря на то что оба языка продолжали характеризоваться в дальнейшем многими общими еще с древнерусского периода чертами. Унаследованный общевосточнославянский словарь обеспечил в дальнейшем беспрепятственную коммуникацию между носителями двух языков; можно думать, что лексические различия между языком московских и западнорусских грамот в XV–XVI вв. еще не приводили к осознанию их как принадлежности двух разных языковых систем. Оба языка назывались в это время «русскими»; можно предполагать, что западнорусский язык воспринимался в Московской Руси как местный вариант единого «русского» языка, а это понятие, как известно, включало в себя здесь еще и церковнославянский язык, который отличался от московского делового языка не меньше, чем западнорусский. Во всяком случае западнорусские тексты в московских ответных документах цитируются без перевода еще во 2-й пол. XVI в., когда вследствие возрастающей полонизации западнорусского языка словарный состав двух языков уже сильно различался и в польско-русском диалоге на западнорусском языке имели место иногда недоразумения вроде того, что Иван Грозный выражение Стефана Батория «твои послы перед маестат наш были возвани» (КПМЛ II 1843, 45) воспринял как оскорбление (см.: ПИГ 1951, 219, ср.: ПИГ 1951, 662).

В связи с тем что государственным языком Великого княжества Литовского стал западнорусский, этот язык стал языком дипломатии в сношениях Литвы с Московским государством. Поскольку Польша до Люблинской унии 1569 г. не имела общих границ с Россией, в условиях польско-литовской персональной унии (1386–1569 гг., с небольшими перерывами) дипломатические сношения Польско-Литовского государства с Московским рассматривались как литовско-московские. Употребление западнорусского языка польско-литовской дипломатией в сношениях с Россией согласно этой традиции продолжалось после действительной унии Польши и Литвы

в 1569 г. Традиция эта была поддержана по желанию русской дипломатии и в XVII в., когда в самой Западной Руси западнорусский деловой язык, с одной стороны, все больше и больше уступал место польскому языку, а с другой – терял свой самостоятельный характер, превращаясь в вариант польского языка в кирилловской графике. Несмотря на явное незнание польской королевской канцелярией русского языка, в 1646 г. русские послы в Польше возразили против предложения польской стороны, чтобы королевские грамоты русскому царю писались впредь на польском языке, так как «издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся бел о рус с к и м п и с ь м о м; и теперь мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится» (Соловьев 1959–1966, 469–470). Этот эпизод показывает, что западнорусский деловой язык в качестве дипломатического языка, несмотря на свой сильно полонизированный характер, воспринимался великороссами в сер. XVII в. все еще как «свой» язык, противопоставленный польскому как иностранному (Успенский, Живов 1983, 159).

Традиция использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии имеет глубокие корни. Западнорусская лексика богато представлена уже в московской посольской документации, сохранившейся с кон. XV в. (Лурье 1963, 263). Этот материал был использован в ряде работ по истории русской лексики (Фогараши 1958; Кохман 1971–1974; Сергеев 1971; Сергеев 1972; Сергеев 1978 и др.).

Отмеченный исследователями факт, что уже в самых ранних дошедших до нас документах этого рода засвидетельствовано довольно много польских и западнорусских по происхождению слов, и этот пласт лексики характеризует не только памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (СРИО 1882), но также с другими европейскими государствами, в частности с Германией (ПДС 1851), позволил А. Л. Хорошкевич утверждать, что «в 1489 году посольским делопроизводством [в Москве. – А. З.] ведали либо поляки, либо белорусы» (Хорошкевич 1980, 233). То обстоятельство, что в посольской документации, сохранившейся случайно именно с кон. 80-х гг. XV в., западнорусская лексика используется в сношениях с иностранцами вообще, заставляет предположить, что такая языковая практика сложилась раньше и часть полонизмов проникла в московский канцелярский язык до фиксации их в «Посольских книгах». Как будет показано в дальнейшем, использование западнорусского языка московской дипломатией в качестве *lingua franca* в общении с Западом в более раннее время подтверждается разного рода источниками, относящимися как к церковной, так и к светской дипломатии.

Лексическая диффузия между двумя «русскими» языками может иллюстрироваться историей ряда великорусских слов, усвоенных на протяжении XV в. из западнорусского. К ранним примерам западнорусских заимствований в великорусском относятся, в частности, элементы титула московских великих князей – *господарь* и *отчичь* и *дѣдичь*.

1.2. К ПРЕДЫСТОРИИ СЛОВА ГОСУДАРЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТИТУЛА ГОСПОДАРЬ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ XV в.

Самый обычный титул московских великих князей, а затем русских царей – *государь* появляется в московской письменности сначала в форме *господарь/осподарь*; эта форма остается официальной до нач. XVII в. (ср. еще на печатях Бориса Годунова 1599 г.: *господарь всеа Руси* (СГГД 1813–1819, II, № 73, 155), и Лжедмитрия II 1609 г.: *господарь всеа Руси самодержецъ многихъ господарствъ господарь* (СГГД 1813–1819, II, 362)).

Само слово *господарь* является общеславянским только в значении «хозяин, владелец», а не как титул главы государства. В древних памятниках славянских языков в этом последнем значении слово отмечается только в восточнославянском и в сербском. Единичные случаи употребления слова *господарь* в значении «властитель, правитель» в древнейших валашских грамотах кон. XIV – XV в. объясняются влиянием сербской дипломатики (Богдан Д. 1933, 270–271); сочетание *krol gospodarz* в единственном – не локализованном – древнепольском памятнике второй пол. XV в. (ССтп 1953–2002, II, 467) является, по всей вероятности, украинизмом (ср. формы *misto, namistnik* в том же тексте, см.: Лось 1915, 539; ССтп 1953–2002, V, 67; ср. также сочетание *hospodar krol* в львовской грамоте 1400 г. (Лось 1915, 283) – по позднему списку).

Исследования историков (Штекль 1954, 114–116; ср.: Алеф 1959, 6; Водов 1978, 25) показали, что титул *господарь* проникает в письменность Московской Руси из Литовской Руси в 1-й пол. XV в. (обратный путь заимствования предполагает А. Л. Хорошкевич, однако без аргументации, см.: Хорошкевич 1980, 88, прим. 65); но происхождение титула в самом западнорусском остается невыясненным. На самом деле, в памятниках великорусских областей, вошедших к кон. XV – нач. XVI в. в состав Московского государства, слово *господарь* в функции великокняжеского титула до XV в. не засвидетельствовано, хотя само слово *господарь* в исходном своем значении «хозяин, владелец» было хорошо известно на всей восточнославянской территории как в памятниках церковно-литератур-

ного, так и делового характера, ср.: *господарь въ нетажѣ, недѣе* (Арциховский, Борковский 1963, 69–71; в Синайском патерике XI–XII вв.: *не вѣдоущю господарю нивѣ* (Синайский патерик 1967, 61; Срезневский 1893–1903, I, 563), *въсхотѣ яа господарь съжещи* (Синайский патерик 1967, 146)). Как социальный термин «владелец раба, холопа» *господарь* отмечается в ряде договорных грамот и юридических документов XIV–XVI вв. в Новгороде (ГВНП 1949, 16, 17–18, 20–22, 28 и др.), в Москве («Правосудье митрополичье», АСЭИ 1952–1964, III, 24; Судебники 1952; Срезневский 1893–1903, I, 571), а также в Западной Руси (Судебник Казимира IV 1468 г.: Яковкин 1936, 12–14). Судя по ранней фиксации слова *господарь* «хозяин, владелец» в древнерусских памятниках, а также по его широкому распространению по всей восточнославянской языковой территории в XIV–XVI вв., оно принадлежало здесь к праславянскому наследию, хотя А. А. Шахматов и вслед за ним Р. О. Якобсон считали его заимствованием из чешского на том только основании, что слово *господарь* уже в древнейших памятниках выступает часто без начального *г-*: *осподарь* (Шахматов 1915, 178; Якобсон 1952, 390). Надо признать, что севернорусские написания *осподи*, *осподинъ*, отражающие произношение с [γ], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского слова [γ]*осподарь*, а наоборот, произношение [γ]*осподарь* распространилось на севернорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов, т. е. в конечном итоге севернорусские написания *осподарь*, встречающиеся с XIII–XIV вв., отражают влияние литургического произношения, сложившегося на южнорусском диалектном субстрате с фрикативным [γ] (ср.: Успенский 1968, 43, 71).

Что же касается второго, более позднего значения слова *господарь* – «верховный правитель, повелитель, монарх; титул монархов (князей, королей, царей)», то первые несомненные фиксации слова в данном значении относятся к грамотам, вышедшим из «русской» канцелярии польского короля Казимира III после завоевания им Галицкой земли в 1349 г.: *ѿ се а король казимиръ краковьскѣи и коудавьскѣи и господарь роускоѣ землѣ* (Пешак 1974, 27; ср. также: Пешак 1974, 36). С таким же титулом упоминается Казимир III и в одной из галицких частных грамот: *подъ державою великого крола краковьского казимира и господара роускоѣ землѣ* (Пешак 1974, 44). В одновременных латинских грамотах Казимира III выражению *господарь роускоѣ землѣ* соответствует *dominus terre Russie* (1439 г., Гонсиоровский 1907, 80).

Тот факт, что слово *господарь* как элемент монаршеского титула исторически впервые засвидетельствовано в «русских» грамотах польского коро-

ля, считавшего себя наследником (в качестве правителя Галицко-Волынской Руси) последних галицко-волыньских князей, может привести к выводу о том, что общеславянское *господарь* «хозяин» либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом значении продолжает галицко-волыньскую традицию. В связи с последним предположением следует иметь в виду, что «русские» грамоты Казимира III, как на это указывалось выше, являются не буквальными переводами латинских грамот, а своеобразной контаминацией древнерусских и латинских образцов; наряду с элементами древнерусского формуляра грамот мог сохраниться и традиционный титул последних галицко-волыньских князей. На такую возможность указывает то обстоятельство, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волыньских князей выступает элемент *dominus Russiae*: Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et *dominus Russiae* (1320 г., Срезневский 1882, 177; Гонсиоровский 1907, 153); [Georgius] ex dono Dei natus dux et *dominus Russiae* (1334 г., Срезневский 1882, 135; Гонсиоровский 1907, 153). Нам кажется, что титул **господарь Роускоѣ землѣ** в «русских» грамотах Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского *dominus Russiae* (ср. лат. *dominus* 1. «хозяин», 2. «господин»), возникшую в результате сосуществования латинской и «русской» канцелярий, причем «русское» выражение возникло необязательно в канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, несколько раньше, в 1-й пол. XIV в., в канцелярии галицко-волыньских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III. Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волыньских князей 1-й пол. XIV в. наше предположение о существовании такой традиции в Галицко-Волынской Руси остается неподтверждаемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул **господарь Роускоѣ землѣ** появился в среде, в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и канцелярские традиции.

Необходимо отметить, что в одном случае *господарь* засвидетельствовано в сочетании со словом *князь* намного раньше указанных грамот в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича (до 1151 г.): **а се чара кня[жа] володимирова давыдов[и]ча кто из нее пь[е] томуоу на здоровье, а хвала бога [и] своего господара великого кня[за]** (Срезневский 1882, 60–61; Обнорский, Бархударов 1952, 35; Рыбаков 1964, 28–29 и табл. XXIX); слово *господарь* в этом тексте толкуется исследователями автоматически как «государь». Однако, судя по контексту, слово *господарь* здесь может означать и «хозяин», и ввиду совершенной изолированности фиксации слова (*господарь* в качестве титула вплоть до сер. XIV в. следует, на наш взгляд, отдать предпочтение именно такой интерпретации слова

ѡсподарь в этом памятнике («пусть хвалят Бога и своего хозяина, великого князя»); в данном случае, по-видимому, мы имеем дело только с контекстуальным сближением значений «хозяин» и «правитель», обусловленным тем обстоятельством, что «хозяин», из чьей чары пили гости, и «правитель», т. е. князь, здесь одно и то же лицо. В связи с предполагаемой интерпретацией слова *ѡсподарь* в этом памятнике укажем, что *господарь* в древнерусских памятниках могло употребляться в контекстах, в которых оно в значении «хозяин» противопоставляется гостям; ср.: *Тоу рѣ господарь гостемъ, да видимъ съ свѣщами, звѣрь ли есть влѣзлъ во дворъ* (XI в., по сп. XIV в., Ч. Николы IV, 7 – КДРС).

В связи с отсутствием начального *з*- в этом раннем памятнике, относящемся к Южной Руси, Г. Шевелев, который переход [г] > [γ] в этой области датирует кон. XII – нач. XIII в., не находя удовлетворительного ответа на пропуск буквы *з*, полагает, что *ѡсподарь* в данном случае в значении «господин» («lord») было заимствовано из чешск. *hospodār* как элемент высокого стиля (Шевелев 1979, 351–352; исконность слова *господарь* в значении «хозяин, владелец» – «master, owner» при этом автором не оспаривается; ср. указанную ранее точку зрения А. А. Шахматова и Р. О. Якобсона). Такое предположение наталкивается на семантические трудности ввиду того, что *hospodār* в древнечешском не засвидетельствовано в качестве титула или формы обращения (не считая специального употребления этого слова в качестве титула аббатов, которое, однако, отмечается только с XVI в., между тем как само слово в основном значении «хозяин» засвидетельствовано многочисленными примерам уже с XIV в.; см.: Гебауэр 1903–1916, I, 470). Если принять точку зрения Г. Шевелева, то следовало бы приписывать древнечешскому слову такое значение, для которого имелось бы всего одно доказательство – черниговская надпись сер. XII в., что весьма маловероятно. Следует отметить, что датировка перехода [г] > [γ], устанавливаемая Г. Шевелевым на основе хронологии написаний, отражающих произношение [д'] на месте этимологического [г'], не является обязательной. По мнению ряда ученых, переход [г] > [γ] в Южной Руси завершился уже ко времени принятия христианства, чем и объясняется утверждение фрикативного [γ] в качестве устойчивого элемента русского литургического произношения (Шахматов 1915, 162, 178, 196; Трубецкой 1927, 63; Успенский 1968, 43, 71, прим. 44). Если придерживаться этой точки зрения, то отсутствие буквы *з* в данной надписи может объясняться тем, что мастер был не черниговцем, а северноруссом. Возможно, впрочем, и то, что буква *з* на самом деле есть в этом слове в тексте надписи, так как буква *з* в предыдущем слове (своего), может относиться к слову *ѡсподарѣ*, поскольку интересующий нас

фрагмент надписи выглядит примерно так: *своегосподарѧ* (см. точное отображение надписи в Рыбаков 1964, 9; т. е. возможно, что мастер при изготовлении надписи пропустил одну из двух повторяющихся секвенций *го(гѡ)* и, заметив ошибку, втиснул маленькую букву *о* на свободное место под *г* (ср. также другие пропуски в этом тексте, восстанавливаемые издателями). Нам представляется самым вероятным именно такое объяснение пропуска буквы *з* в этой надписи (данное Б. А. Успенским), потому что оно избавляет нас от необходимости прибегать к неестественным и поэтому маловероятным гипотезам о причинах отсутствия *з* в этом одном, совершенно изолированном в свое время случае употребления слова *господарь* в сочетании со словом *князь*. Как бы то ни было, следует констатировать факт, что до появления слова *господарь* около сер. XIV в. в русской канцелярии Казимира III у нас нет положительных свидетельств об употреблении этого слова в качестве элемента русского княжеского титула не только в севернорусских, но также в южнорусских областях. Это обстоятельство не исключает той возможности, что титул этот мог быть заимствован королевской канцелярией из канцелярской практики последних галицко-волинских князей, но и в этом случае нет оснований предполагать, что это слово вошло в титулатуру галицко-волинских князей значительно раньше первой фиксации их титула *dominus Russiae* в латинских грамотах (1320); естественнее считать, что если эта семантическая калька, наоборот, возникла на самом деле в галицко-волинской канцелярской практике, то она была там создана после появления латинского образца.

На канцелярское происхождение титула *господарь* указывает и то обстоятельство, что в западнорусском слово *господарь* не стало эквивалентом латинского *dominus* при обращении к любому представителю знати, а сохранилось для обращения к верховному правителю (королю, великому князю и реже удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм *пань*. В памятниках староукраинской деловой письменности XIV–XV вв. слово *пань* засвидетельствовано 10 800 раз (ССУМ 1977–1978, II, 125), слово *пані* – 111 раз (ССУМ 1977–1978, II, 123), между тем как *господинь* зафиксировано только 45 раз (ССУМ 1977–1978, I, 255) и *госпожа* – всего 2 раза (ССУМ 1977–1978, I, 256); 13 раз отмечена болгарская форма *госпожда*, но только в молдавских документах (ССУМ 1977–1978, I, 256–257); в связи с частотностью этих слов в староукраинских грамотах см. также Спринчак 1956. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что семантическая калька *господарь* и заимствование *пань/пані* заполнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова *господинь/госпожа* мы должны рассматривать

как элементы церковнославянского языка, т. е. как заимствования из древнеболгарского языка, не получившие в XIV в. еще широкого распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси. На церковнославянское происхождение слова *господинъ* указывает и то, что в староукраинских грамотах оно употреблялось преимущественно как титул молдавских воевод и как форма обращения к духовным лицам (ср.: ССУМ 1977–1978, I, 255). Что же касается Северо-Восточной Руси, то обращение к князю *господинъ* отмечается Д. С. Лихачевым начиная с сер. 70-х гг. XII в. и считается им новым для этого периода политическим термином (Лихачев 1951, 25–26; ср.: Виноградова 1965–1978, I, 173–174).

В свете приведенных данных трудно согласиться также с выводом О. Н. Трубачева о том, что можно «отвергнуть мысль о вторичном распространении слова **gospodъ* из церковнославянского в другие славянские языки» (ЭССЯ 1974–1984, вып. 8, 62). Нельзя упускать из виду, что также др.-польск. *gospodzin* «господь» (почти исключительно о Боге, ССтп 1953–2002, II, 468–470) является, по всей вероятности, заимствованием из др.-чешск. *hospodin* (Славский 1952–1982, I, 325), которое, в свою очередь, приобрело значение «господь (о Боге)» во взаимодействии со старославянским языком (Мареш 1967, 1262); слово *господь*, реконструируемое для церковнославянского языка чешского извода X–XI вв., было элементом словаря именно церковнославянского языка, а не древнечешского (Якобсон 1950, 268–270). Следует учитывать и то обстоятельство, что строгое различение слов *господь* «о Боге» и *господин* «о людях» характеризует только язык православных славян, поэтому при распространении самих этих слов нельзя не считаться с влиянием церковнославянского языка. В церковнославянском языке русской редакции в нач. XII в. (Мстиславово Евангелие) *господь* еще могло употребляться по отношению к «земному *господину*» (Жуковская 1972, 66–67), однако впоследствии и в восточнославянской области проводится строгое разграничение сфер применения этих двух слов. Единичные поздние случаи, когда *господь* выступает в обращении к представителю светской власти, как, например, в отчете русских послов Дмитрия Ларева и Митрофана Карачарова московскому великому князю Ивану III («наянѣишему и вышнѣишему *господу*, *господу* Ивану Васильевичу, царю всеа Руси» – 1504 г., СРИО 1884, 519), объясняются явным подражанием западным формам обращения (ср. в латинских грамотах того же периода: «*illustrissimo domino, domino Ioanni...*», см.: Унбегаун 1935, 353).

Как видно, имеются веские аргументы в пользу предположения о том, что как **gospodъ*, так и **gospodinъ* стали «общеславянскими» только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского. Очень ран-

нее вытеснение слова *господи́нь* заимствованным из польского словом *пань* объясняется, по-видимому, тем, что слово *господи́нь* ко времени начала интенсивных польско-восточнославянских языковых контактов в Юго-Западной Руси не успело еще укорениться в разговорной речи в качестве элемента языкового этикета. Слово *пань* распространилось в Юго-Западной, а затем во всей Литовской Руси, несомненно, под влиянием польского разговорного языка, но распространение титула *господарь* по отношению к верховным правителям обязано западнорусскому канцелярскому языку, откуда он в XV в. sporadически (см. ранее), а в XVI в. уже все шире проникает в польский язык в украинской огласовке (*hospodar*, см.: СП 1966–2011, VIII, 367–368; ср.: Карплюк 1977, 56, 68, Миниковска 1980, 57–58; Миниковска 1980а, 65). Таким образом, появление значения «верховный правитель, монарх» у слова праславянского происхождения *господарь* мы должны признать староукраинской семантической инновацией, возникшей в результате семантической аккомодации славянского слова *господарь* «хозяин» под влиянием лат. *dominus*.

Наши выводы о происхождении титула *господарь* в староукраинском подтверждаются историей этого титула в сербской дипломатике. Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула *господарь* в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе.

Слово *господарь* в значении «правитель какой-то области» в сербских грамотах встречается уже с XIII в., например в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.: *ако ми богъ да и боудоу господарь* (Миклошич 1858, 19); в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.: *и кол <...> боудоу господарь швоизи земли приморскои, коиа је коло Доубровника* (Миклошич 1858, 184). Однако случаи, когда слово *господарь* вне всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к 1-й пол. XV в., например в грамоте 1436 г.: *прѣде к намъ оу Доубровникъ много славна и почтена племенита господа Юлѣна, <...> кки много славнога свето почившаго кнеза Дазара, господара сръблемь* (Миклошич 1858, 386); в грамоте 1441 г.: *прѣмисмо шдъ много славнога господина Гюрга, господара сръпскои земли и к томуу ниже речено благо* (Миклошич 1858, 406). По-видимому, из переписки с Дубровником закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах, так как по отношению к Дубровнику турецкая власть считала себя преемником прежних сербских королей и деспотов (Унбегаун 1975, 221; о роли сербского языка в Турецкой им-

перии и вообще о роли сербов в турецком государственном аппарате см.: Хадрович 1947, 44–48). См. в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г.: **Иѣ велики господарь и велики амира соултанъ Ямурать бегъ, синь великого господаря и великого амире соултанъ Нехеметь бега** (Миклошич 1858, 362). В XV в. *господарь* становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову *pādišāh* в турецких грамотах (ср.: Бошков 1977–1979, 95).

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной уверенностью предположить сколько-нибудь тесные контакты между «русской» (галицкой или краковской) и сербской далматинской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов не исключается, поскольку в XII–XIV вв. и Далмация, и Галич находились в сфере влияния Венгрии и у нас есть некоторые исторические сведения о южнославянско-южнорусских политических, династических и церковных связях в этот период, см.: Пашуто 1950, 238; Шушарин 1965, 444–445; Грицак 1958, 152), поэтому появление титула *господарь* почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой имелись сходные условия как в собственном языковом материале (наличие праславянского слова **gospodarь* «хозяин»), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

Путь распространения титула *господарь* в Западной Руси хорошо согласуется с общим ходом развития западнорусского делового языка. После смерти Казимира III мы встречаемся с этим словом в составе титула Владислава Опольского: **роускоѣ земли господарь** (Пешак 1974, 59–61); также подольского князя Александра Кориатовича: **кназь и гдръ подольской земли** (Пешак 1974, 50); а затем, после унии Литвы и Польши, в составе титула Владислава Ягайло как польского короля и великого князя литовского одновременно. Есть все основания думать, что закрепление титула *господарь* за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1388–1392), когда Ягайло практически управлял обоими государствами. Ср. с его договорной грамотой со смоленским князем Юрием Святославичем 1386 г., написанной в Вильне: **Иѣ юрьи сватѣславич кнѣзь великий смоленский даемъ ведомо кто коли сѣю грамотоу видить а любо слышити с володиславом бѣю млстѣю с королемъ полскимъ литовскимъ и роусскимъ инѣхъ земель ѡсподаремъ так есмь ѡу докончани** (Смоленские грамоты 1963, 72; Пешак 1974, 70), или с договорной грамотой Ягайло с его братом Скиргайлом 1387 г.: **Владислаъ бѣе млти король полский литовский и роуски инѣхъ земель гдръ** (Хрестаматыя

1961, № 18, 49). Эта титулатура полностью соответствует интитуляции латинских грамот Ягайло: Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus (ДАИ 1848, 454).

Таким образом, употребление слова *господарь* в соответствии с лат. *dominus* в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской при Ягайле. В этот же период проникает титул *господарь* в язык молдавской канцелярии, сначала как титул Ягайло (Пешак 1974, 79–81), а затем и как титул молдавского воеводы (Пешак 1974, 125–126). В грамотах внутреннего управления молдавские воеводы в кон. XIV в. пользовались еще титулом *господи́нь* (Пешак 1974, 109). В 1-й пол. XV в. титул *господарь* становится обычным и в актах внутреннего управления, хотя иногда встречается еще *господи́нь* (ср., например, грамоту воеводы Александра львовским купцам 1408 г., в тексте которой читается *господарь*, но на надписи привешенной к ней печати фигурирует *гѣпнѣ*, см.: Русановский 1965, 70). Ранняя история титула *господарь* однозначно указывает на то, что он был заимствован из западнорусской канцелярской практики (ср.: Выртосу 1960, 190–194; Миту 1963, 182).

Кроме официальной титулатуры сочетание *господарь король* появляется в нарративной части западнорусских грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания о нем, в соответствии с лат. *dominus rex* и польск. *pan król*: дал ми гѣдръ мои великии король митрополью галицкоюю <...> яа за то слюбую и хощу дати <...> моему милому гѣдру королю двѣ стѣ гривень роускихъ (Пешак 1974, 136); межи нашимъ господаремъ кролемъ Владиславомъ Полскимъ (АЮЗ 1863–1865, I, 5). Поэтому нельзя согласиться с Г. Штеклем, который появление этой формы обращения в западнорусском датирует сер. XV в. и видит в ней результат персональной унии Польши с Литвой (Штекль 1954, 115). Указанные ранние фиксации сочетания *господарь король* (вне официальной полной титулатуры) относятся к подвластным Польше областям (Галич, Львов) и свидетельствуют скорее о том, что оно возникло в Галицкой Руси, где условия для сочетания этих двух титулов существовали уже во 2-й пол. XV в. при Казимире III.

После того как Ягайло передал управление Литвой Витовту (1392), слово *господарь* вошло в титулатуру Витовта. Правда, в немногочисленных сохранившихся подлинных западнорусских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме (**И**ты **кнѣзь великий витовтъ**), Русановский 1965, 35, ср. также: Русановский 1965, 36, 110–112, 128, 141), однако Витовт

часто упоминается в современных ему документах с титулом *господарь*, ср., например, в серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400–1401 гг.: по смерти на́шего гос́д́ра великого кня́з витовта не искати ми ину́х господаревъ мимо на́шег милого господара кро́ла влодислава полского (Пещак 1974, 145–146, ср. также: Русановский 1965, 33–34; АЗР 1846–1848, I, 28–30) или в полоцкой грамоте 1407 г.: Кня́зь великѣи Витовтъ литовскѣи, на́ш ѡсп(о)д(а)рь (Полоцкие грамоты 1977–1978, I, 108).

Как видно из приведенных текстов, слово *господарь* к этому времени в западнорусском могло означать уже любого верховного правителя и могло выступать как общее название монархов с разными титулами. Употребление слова в таком обобщенном значении в западнорусском языке подтверждается летописными источниками, в частности панегириком Витовту, составленным или еще при жизни Витовта (Охманьски 1982, 89), или вскоре после его смерти в 1430 г. (Смолка 1890, 18–19), включенным в состав ряда западнорусских летописей. Этот памятник интересен еще и тем, что в нем дается обзор титулов современных Витовту европейских монархов, и при этом для каждого из них употребляется обобщенное название *господарь*: «*господарь* Угорьской земли, зовемыи цесарь римский» (имеется в виду Сигизмунд Люксембургский, венгерский король (1387–1437) и император Священной Римской империи (с 1410 г.); «славному *господарю*, благоверному же и христолюбивому царю цариградскому»; «*господарь* земли Молдовьскѣи и Басарабъ, по волоскому языку воеводы»; «*господарь* земли Болгарьской, по болгарьскому языку деспоты» (ПСРЛ XXXV 1980, 76).

Длительное «господарствование» Витовта в Литве (1392–1430) и его активное участие в общерусской политике, несомненно, способствовали распространению его титула как в подвластных ему областях, так и в смежных с ними восточнославянских землях (ср.: Штекль 1954, 115; Водов 1978, 25). Поэтому неслучайно, что проникновение титула *господарь* в великорусские документы относится как раз ко времени великого княжения Витовта в Литве.

В связи с назначением (по инициативе Витовта) Григория Цамблака в западнорусские митрополиты его титул попадает в соборную грамоту литовских епископов от 15 ноября 1415 г., написанную на церковнославянском языке: «И тако нам скорбящимъ о церкви и о людехъ божьихъ, подвиже милостивый Богъ сердце великого князя Александра, зовомого Витовта, литовскаго и многихъ Русскихъ земель *господаря*» (АЗР 1846–1848, I, 33; РИБ VI 1908, 311); ср. также в окружной грамоте самого Витовта, написанной на западнорусском деловом языке, в которой он мотивирует свое решение об отделении Киевской митрополии от Московской: «а ныне люди

со стороны ркуть: “осподарь не в той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла”» (АЗР 1846–1848, I, 36). Эти документы стали известными всей русской церковной иерархии, в том числе и великорусской, которая сохранила верность митрополиту Фотию, о чем свидетельствует сам Фотий: «Како бо стекшемуся скврѣному Сбору, писанія по всей Руской земли посылають» (АИ 1841, 30; РИБ VI 1908, 323). Об известности титула Витовта в Москве свидетельствует тот факт, что в послании константинопольского патриарха Иосифа II митрополиту Фотию 1416 г., переведенном с греческого (очевидно, в митрополичьей канцелярии), Витовт упоминается как *осподарь*: «И сего ради писалъ царь святыи къ великому князю Витовту, тако же и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣмся, понеже естъ умный *осподарь*» (РИБ VI 1908, 323). В документах сношений Витовта с великорусскими князьями только литовский великий князь титулуется словом (*г*)*осподарь*, ср., например, с договорной грамотой Витовта с тверским великим князем Борисом Андреевичем 1427 г.: *Се іазъ, князь велики Борисъ Александрович тѣфѣрски, взалъ есмь любовь таковоу с своимъ г(о)с(поди)н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ кн(а)з(е)мъ витовтомъ и многихъ Роусьскихъ земель господаремъ* (ДДГ 1950, 62) или в договоре Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем около 1430 г.: *Г(о)с(поди)ноу, шсподарю моемоу, великом(оу) княз(ю) Витовтоу, се іазъ, княз(ь) велики Иванъ Федоровичъ рязанскы, добилъ есми челом <...> и шсподарь мой, княз(ь) велики Витовтъ, приналъ мен(а) <...> на службу* (ДДГ 1950, 68–69; ср. также аналогичную грамоту пронского князя Ивана Владимировича того же времени, ДДГ 1950, 68–69).

Принимая во внимание не только сохранившийся актовый материал, но и другие исторические сведения о личных контактах Витовта с московскими великими князьями, можно уверенно утверждать, что способ титулования великого князя в Литве был известен в Московской Руси уже в кон. XIV – нач. XV в. Как известно, Василий Дмитриевич обручился с Софьей Витовтовной в Западной Руси, где он провел довольно длительное время в 1386–1387 гг., еще до своего правления. Когда он вернулся в Москву, пришли с ним «князи Лятцкіе, панове, и Ляхове и Литва» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 52); в 1396 г. Василий I и митрополит Киприан были у Витовта в Смоленске (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 69); в 1397 г. Витовт встретился со своим зятем в Коломне (Натансон-Лески 1922, 25); в 1422 и 1425 гг. Софья Витовтовна с малолетним Василием II ездила к Витовту (Натансон-Лески 1922, 29; ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, XVIII, 167; ПСРЛ XXV 1949, 245). Событием самого большого масштаба, на котором московский великий князь и сопровождающие его лица могли ознакомиться

с этикетом, принятым во дворе Витовта, был, несомненно, съезд монархов в Вильне и Троках по случаю (не состоявшейся в конце концов) коронации Витовта в 1430 г., в котором участвовали великий князь Василий II и митрополит Фотий наряду с монархами Центральной и Восточной Европы (ПСРЛ XXV 1949, 34; ПСРЛ XXVII 1962, 343); это, пожалуй, последний — до эпохи Петра I — случай, когда глава Московского государства добровольно ездил за границу, если не считать поездки Лжедмитрия (ср.: Панченко, Успенский 1983, 61).

Таким образом, на наш взгляд, титул *(г)осподарь* не мог быть не известным в Московской Руси уже в 1-й четв. XV в., но он был известен как титул литовского великого князя.

Первое применение этого титула по отношению к московским великим князьям относится к духовной Кирилла Белозерского 1427 г. (по списку, АИ 1841, 62; АСЭИ 1952–1964, II, 277–279, ср.: Штекль 1954, 115); дериват *господарство* (в написании *гдрьство*) засвидетельствован также в духовной митрополита Фотия 1431 г. в двух значениях: «достоинство монарха» и «область, подчиненная монарху», ср.: *Ноуди жъ млѣсть и бл҃годать Га҃ Б҃га и прѣчистиоу б҃го Матери на моемъ ѿнѣ, на Великомъ кнѣзе на Василье Васильевичѣ, и на его ѿнѣхъ и вноуцехъ, с вѣликим ихъ Гдрьствомъ* (СГГД 1813–1819, II, 22 (по списку XII в.); Срезневский 1893–1903, I, 572; Черных 1956, 113–114; СРЯ 1975–2008, 4, 108); *И что, ѿноу мои, ѿкоудоу мнѣ что пришло въ цр҃ковныи домъ Хвѣ и прѣчистыи б҃го Матѣри, в отчинѣ вѣликаго вашего Гдрьства, и отчынныхъ земѣль, Гдрьствъ, великихъ Княжении, и ѿ Литовскои земли <...> и о томъ о всемъ тѣбе приказываю, ѿноу моемоу, Вѣликому кнѣзю Василью Васильевичю* (СГГД 1813–1819, II, 21).

Первые достоверные случаи употребления слова *(г)осподарь* в значении «верховный правитель» в московских великокняжеских документах, не имеющих никакого отношения к Западной Руси, встречаются в договорных грамотах Василия II с Дмитрием Шемякой 30-х гг. XV в., сохранившихся в подлиннике: *ѿ гдѣ боудеть ити нашимъ ратемъ, и гдѣ хто живетъ въ вашей очинѣ, хто комоу слоужитъ, тотъ идетъ своимъ осподаремъ* (ДДГ 1950, 88; ср. также: ДДГ 1950, 91–92, 94, 97, 99, 109, 111, 114, 116). В более ранних договорных грамотах в статье подобного содержания выступает слово *князь*, ср.: *а кто которому князю(ю) слоужитъ, гдѣ бы ни жилъ, томоу с тѣмъ княземъ и фхати, комоу слоужитъ* (ДДГ 1950, 40). В подобном значении слово *господарь* отмечается в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г., в котором московский великий князь просит разрешения на поставление в митрополиты рязанского епи-

скопа Ионы: «И просимъ святѣйшее ти владычество <...> за неустроение и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и *господарей* умножения, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставление митрополита» (РИБ VI 1908, 535). Поставленный в митрополиты в кон. 1448 г. Иона уже в том же году в окружной грамоте призывает жителей Московской Руси, чтобы они «били челомъ своему *господарю* великому князю о жалованьи <...>. А не имете бити челомъ своему *господарю* великому князю, <...> а за тѣмъ кровь христіанскаа прольется» (РИБ VI 1908, 542; АИ 1841, 87). В качестве официального титула сочетание *осподарь земли рускои* в Московской Руси засвидетельствовано впервые на монетах Дмитрия Шемяки до 1147 г.; на монетах Василия II с кон. 40-х гг. XV в. читается *осподарь вся Руси* или *осподарь вся русскои земли* (Алеф 1959, 11–12). Василий II называет себя *господарем* в договоре с суздальским князем Иваном Васильевичем 1148–1149 гг.: *на семъ на всемъ, княз(ь) Иванъ [Васил(ь)вич, целоуи ко мнѣ кр(е)сть, къ своемуу господарю, к великомуу князю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(у) <...> Я мене ти, своег(о) ш(с)подар(а) <...> держати ч(е)стно и грозно* (ДДГ 1950, 155–156, 157–159; ср.: Штекль 1954, 115). Заслуживает внимания то, что этот договор был заключен «по благословению» митрополита Ионы и, возможно, в оформлении грамоты принимала участие митрополичья канцелярия (см. далее гл. 2). В более ранних княжеских договорах московский великий князь писался «братом старейшим» по отношению к удельным князьям – своим «братьям молодшим». О том, что новый титул *господарь* воспринимался как более высокий, чем прежний *брат старейший*, отчетливо свидетельствует одна из грамот митрополита Ионы, в которой говорится: «Вѣдаете, сыну, и прежде, что ся състало отъ того князя Ивана Андреевича над нашіимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣишимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его *Осподаремъ*, надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ» (АИ 1841, 104).

В документах международных отношений Московской Руси при Василии II титул (*г*)*осподарь* встречается только по отношению к литовскому великому князю, как, например, в тверско-московском договоре (тверская грамота, ок. 1439 г., по списку сер. XV в.): *Я бодет вам, брат(е), взат(и) любовь с Жигимонтом, или с Литвою, или кто инъ ш(с)подаръ сядет на Литовской земли, и вамъ, брат(е), без мен(а) любви не взат(и)* (ДДГ 1950, 106) – или в послании Василия II греческому царю Константину Палеологу 1451–1452 гг.: «мы, милостию Божіею съгадавшие съ своею матерью съ Великою княгинею, и съ нашею братьею с Русскими Великими князи и съ помѣстными князми, и съ *Литовскія земли Осподаремъ* съ Великимъ Княземъ <...>» (РИБ VI 1908, 578; АИ 1841, 84; ср.: Алеф 1959, 8).

Как показывают последние примеры, в сер. XV в. при составлении документов внешних сношений в Москве отдавали себе отчет в том, что (*г*)*осподарь* – это титул литовского великого князя. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г. Штекля о том, что слово это было введено в титулатуру московских великих князей по образцу литовских (Штекль 1954, 114–116). Если наши выводы о происхождении титула *господарь* в западнорусском верны, то слово *господарь* («верховный правитель», «титул великого князя») в великорусском представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в формирующийся деловой язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси.

Так как инициатива по введению титула *господарь* для московских великих князей принадлежала духовенству (ср.: Штекль 1954, 115), т. е. все основания полагать, что слово *господарь* в своем новом значении в Московской Руси могло восприниматься как принадлежность церковнославянского языка, т. е. западнорусское по своему происхождению слово в великорусском превратилось в функциональный церковнославянизм. Усвоенный из западнорусского языка этот новый титул московских великих князей на великорусской почве на первых порах мог восприниматься буквально, т. е. в общеизвестном здесь своем значении «владелец раба, холопа», ср. в Псковской 2-й летописи под 1480 г.: «и сами господари великии князи о семь вѣсте, может ли *един рабъ двѣма господарема работати*; по еуангельскому словеси, ли единого възлюбит, а о друземъ нерадити начнет; тако и мы не хощемъ двема работати, но хощемъ единого *осподаря* держатися великого князя Ивана Васильевича» (Псковские летописи 1941, II, 61; ср.: Матф. 6:24: *яко никъи же рабъ можетъ двѣма господиномъ работати. или единого възненавидѣть. а другааго възлюбить* – Мстиславово Евангелие 1983, л. 34а, 68). По-видимому, таким буквальным пониманием титула *господарь* было вызвано сопротивление новгородцев признать московских великих князей Ивана III и его сына Ивана Ивановича Молодого своими «господарями», потому что «наперед того, как и земля их стала, того не бывало, ни которого великого князя государем не зывали, но господином» (1477 г., ПСРЛ XXV 1949, 309; то же: ПСРЛ XVIII 1913, 254; ср.: Булахов 1961, 57).

В противовес московским притязаниям на титул *господарь* новгородцы ввели его в титулатуру своей республики в последние годы ее независимости (ГВНП 1949, 152, 156; ср.: Штекль 1954, 116). Возможно, что именно такое понимание нового титула было в интересах московского великокняжеского центра, стремившегося к неограниченной власти и начавшего «проводить взгляд на своих вассалов и подданных как на “холопов”»

(Хорошкевич 1982, 40). На великорусском соотношении *господарь* – *холоп* (ср. соотношение *господь* – *раб* в церковнославянском при обычном соответствии русск. *холоп* – цсл. *раб*) базируется, по-видимому, этикетное обращение подданных к великому князю как «холопов» к «господарю» («государю»), отмечаемое в московских документах с кон. XV в. (см., например, ПДС 1851, 114–115), но неизвестное в западнорусских текстах. Отметим, что Афанасий Никитин употреблял слово *господарь* также по отношению к Богу (вместо *господь*) в переводе мусульманской молитвы: «Боже *осподарю*, боже, боже вышний, царю небесный» (Афанасий Никитин 1980, 75), хотя в своих собственных молитвах он употреблял, конечно, слово *Господь* («*Господи* Боже мой! На Тя уповах, спаси мя, Господи!» – Афанасий Никитин 1980, 60).

Во 2-й пол. XV в. еще не завершилось окончательное распределение титулов *господарь* и *господинъ*; в это время встречаются случаи, когда духовные лица именуют себя «господарями», прибавляя новый титул к старому, как, например, новгородский архиепископ Иона в одной из грамот около 1460 г.: «[По] благословенью преосвященнаго *господина* и *осподаря* архіепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Ионы» (ГВНП 1949, 174 – КДРС). Однако позже *господарь* > *государь* стало ассоциироваться со светской властью, а в титуле архиереев *господарь/государь* считалось более высоким, чем *господинъ*, ср. в письме старца Филофея дьяку Михаилу Мунехину 1521–1524 гг.: «...> гѣдноу миѡхѡлѣ григорьевичоу, не токмо гѣдноу но і гѣдрю моемоу ниши чернецъ юилофеи бѣа молю и челом бью. писал ты гѣдрь ко мнѣ свою грамотѣ <...>» (Малинин 1901, Приложение V, 33). В кон. XVI – 1-й пол. XVII в. в документах, вышедших из патриаршей канцелярии, патриарх титулуется официально «великим господином»: «От великого господина Иева патриарха московского и всеа Руси <...>» (см., например, АФЗХ 1951–1961, III, 195, 226, 198–235, 250, 253–255), такой же титул употребляли митрополиты (АФЗХ 1951–1961, III, 260–288, 235–271), между тем как их подвластные в письмах и челобитных обращались к ним словом *государь*: «*Государю* святейшему Иеву патриарху московскому и всеа Руси твоего, *государева* <...> Волосова монастыря нищей твои, *государев*, богомолец игумен Пимин да твои холоп, государев, Иванец <...> челом бьет» (АФЗХ 1951–1961, III, 224; ср. также: АФЗХ 1951–1961, III, 229–231, 243–252). Из московских патриархов титулом «великий государь» пользовался некоторое время патриарх Никон, которого в 1654 г. специально наградил этим титулом царь Алексей Михайлович (Гиббенет 1882–1884, I, 22), но когда в 1658 г. отношения царя и патриарха ухудшились, посланник царя князь Юрий Ромодановский

обвинил Никона в том, что тот самовольно присвоил себе титул «великий государь», говоря: «Ты оскорбляешь царя, что пишешься великим государем; у нас один государь царь», – и потребовал от имени царя, чтобы патриарх «впредь не писался и не назывался великим государем» (Гиббенет 1882–1884, I, 29–30; ср. титулатуру Никона в одной из его грамот 1658 г.: «От великого государя святѣйшаго Никона патриарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи» – Гиббенет 1882–1884, II, 487). Этот эпизод свидетельствует об изменениях, которые произошли в отношениях светской и духовной власти на протяжении XV–XVII вв. Если раньше ряд титулов для монарха ввели фактически главы церкви (*господарь, отчичь и дѣдичь, самодержец*), то теперь уже глава государства награждает титулом патриарха.

1.2.1. К истории слова *государство* < *господарство*

Под несомненным влиянием западнорусского языка распространилось в Московской Руси слово *государство* (в разных значениях: «власть, достоинство государя», «область, земля, подчиненная государю», а также как почтительная форма обращения к государю). Около сер. XV в. слово *господарство* встречается во всех указанных значениях в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Литву и Казань, изобилующих западнорусизмами (о них см. далее). Сравним, например, с посланием киевскому удельному князю Александру (Олельке) Владимировичу: «въ тогдашня времена было *господарство* отъ того православнаго самодержьца всея руския земля Владимера на Кіевѣ»; «въ *господарствѣхъ* рускихъ господарей съ цариграскими цари негладости ради» (РИБ VI 1908, 560–561); в посольстве польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV: «великий *господарь*, великий король <...> хотѣлъ еси въ другомъ своемъ богомоліи и *господарствѣ*, галичской митрополіи, Божіи церкви и дома церковныи <...> къ святѣй Софѣи и кіевскому столу отдати по старинѣ, и велѣпъ еси намъ себя обослати туто, въ томъ въ своемъ *господарствѣ*» (РИБ VI 1908, 570); в послании смоленскому епископу Мисаилу: «пришолъ туто къ вамъ в литовское *осподарство* отъ римскіе церкви ученикъ» (РИБ VI 1908, 662); в грамоте к казанскому хану Махмутеку: **Иѡна, митрополитѣ кіевьскыи всеа Роус(и) достоиннѣу честь великому ти господарьствѣ симъ нашимъ писаниемъ послали есмо, слыша, что же въшнаг(о) б(о)га силою держишь свое господарьство** (АСЭИ 1952–1964, III, 26).

Господарство как почтительная форма обращения возникла, по-видимому, по аналогии с формами *владычество, господство, святительство*, т. е. оно образовано по южнославянскому образцу, восходящему к византийской традиции (см. ранее, Введение, 2); в территориальном же значе-

нии оно, по всей видимости, восходит к западнорусскому *господарство*, которое в западнорусском было относительно редким словом по сравнению с заимствованным из польского словом *панство* (ССУМ 1977–1978, I, 254; ССУМ 1977–1978, II, 124; ср.: Штекль 1954, 116), возникшим, несомненно, по образцу этого последнего. Польск. *państwo*, в свою очередь, калькирует лат. *dominium* и *dominatio* (в разных значениях, в том числе и в территориальном значении: см.: Матушевский 1958, 87–89; ср. также польские глоссы в латинских текстах: *dominus* – *pan*, *dominium* – *państwo*, СЛП 1953, III, 836). Употребление слова *господарство/государство* в великорусском в соответствии с зап.-русск. *господарство/панство*, польск. *państwo*, лат. *dominium* наглядно следует из контекстов, когда перечисляются или упоминаются разные владения одного и того же монарха, ср. уже у митрополита Ионы, который говорит о Казимире IV как о «самодержце великихъ двоихъ *господарствъ*» (РИБ VI 1908, 562), т. е. Польши и Литвы как двух разных политических образований. В России Иван IV говорит о своих «государствах» в соответствии со своими владениями, перечисленными в титуле (ср., например, АИ 1841, 539). Поэтому нельзя согласиться с мнением П. Я. Черных о том, что в применении термина *государство* к отдельным областям России в кон. XVI – нач. XVII в. проявлялась «грозная опасность территориального распада Московской Руси» во время Смуты (Черных 1956, 198–199); такое употребление слова обусловлено его происхождением и первичной семантикой; Псковская земля, например, сама себя называла «господарством», ср. в надписи на печатях, собранных Василием III при покорении Пскова в 1510 г.: *печать господарства псковьскаго* (СГГД 1813–1819, II, стр. V). Семантическая близость русск. *господарство/государство* и польск. *państwo* следует также из записи Лжедмитрия I 1604 г., написанной параллельно на русском и польском языках, в которой Лжедмитрий титулуется *всѣхъ Гдѣрствъ московскихъ Гдѣрь и дѣдичъ* (= *wszystkich Panstw Moskiewskich Pan y Dziedzic*) и обещает дать своей будущей жене *два Гдѣрства великие, Велики Новгоровдѣ да Псковѣ* (= *dwoie Panstwa, Wielki Nowograd y Pskow*) (СГГД 1813–1819, II, 159–161).

Таким образом, русск. *господарство* > *государство*, как и *господарь* > *государь*, представляет собой в конечном итоге семантический латинизм, опосредствованный западнорусским и (в случае с *господарство*) польским языками. Это тем более примечательно, что в двух остальных современных восточнославянских литературных языках (укр. *держжава*, блр. *дзяржава*) для выражения понятия «государство» употребляется церковнославянизм *держжава*, представляющий собой кальку с греческого (*krátos* от *krátēs* «держать», «властвовать», ср.: Миклошич 1862–1865, 177–178; СЯС 1958–

1982, I, 520–522), т. е. в данном случае русское слово *государство* сохраняет преемственность с западнорусским, тогда как украинский и белорусский литературные языки, отказавшись от собственной традиции, обратились к церковнославянскому источнику (в современном русском литературном языке разные по происхождению слова *государство* и *держава* подверглись стилистической дифференциации).

1.2.2. Вопрос о времени перехода *господарь* > *государь* и производных

Что же касается фонетического облика слов *государь* и *государство*, то самой трудной задачей является определение времени изменения *господарь* > *государь*. К кон. XV в. в великорусских памятниках устанавливается подтитльное написание слов *господарь*, *господар(ь)ство* в виде *гѣдрь*, *гѣдр(ь)ство*. Издателями памятников эти сокращения раскрываются обычно как *государь*, *государ(ь)ство*, хотя для такого издательского приема по отношению к XV–XVI вв. нет достаточного основания, так как в тех относительно немногочисленных, но все-таки показательных случаях, когда эти слова пишутся без титла, мы находим только формы *господарь/осподарь*, *господар(ь)ство/осподар(ь)ство*. Рассмотрим, например, надписи на печати Василия III: *господарь всеа Русии* (АРГ 1975, 40), Ивана IV: *царь господарь всеа Руси* (АСЭИ 1952–1964, III, № 278, 1577 г., 295); на монетах Ивана IV: *шподарь всеа Руси* (Срезневский 1893–1903, II, 735); также на указанных выше печатях Бориса Годунова 1599 г. и Лжедмитрия II 1609 г. Написание *господарь/осподарь* встречается иногда и в текстах грамот XVI в.: *осподарь* (АРГ 1975, 64), *господарскои* (АФЗХ 1951–1961, II, 333). *Господарство* засвидетельствовано в Московском летописном своде кон. XV в. (сп. 1-й пол. XVI в.) под 1377 г. в тексте «Повести о Митяе»: «да повелить держава твоя со скоростию снитися епископомъ сущимъ въ Русстеи земле под областию *господарства* твоего» (ПСРЛ XXV 1949, 197); *господарство* здесь употреблено в функции обращения к великому князю (как и *держава*), а не в значении «владение, хозяйство» (ср.: Ильенко 1958, 12) и попало в текст «Повести» при переработке ее во 2-й пол. XV в., так как в первоначальной редакции кон. XIV в. его еще нет (см.: Прохоров 1978, 220; ср.: Прохоров 1978, 4–5, 125–126). О живучести формы *господарство* еще и в XVII в. свидетельствует ее фиксация в Уложении Алексея Михайловича 1649 г.: А будетъ кто измѣнить из Московьскаго *господарства* от[ъ]ѣдетъ в ѹное *господарство* <...> и гѣдръ пожалует его (СРЯ 1975–2008, 4, 100); ср. также другие примеры XVII в. (СРЯ 1975–2008), а также в предисловии к переводу Псалтыри на *простои, обыклои словенскои азъзыкѣ*

Аврамия Фирсова 1683 г.: **Бываю(т) нынѣ в россискомъ гѣпдарствѣ несогласна, расколты** (ГИМ, Син. 710, л. 3об – указание Е. А. Целуновой, см. издание: Целунова 1989, 24; об этой рукописи см.: Успенский 1983а, 112; Целунова 2006, 13–173).

В свете приведенных данных нельзя согласиться с выводом Г. Штекля о том, что «около 1492 г. довольно резко прекращается употребление формы *господарь* в московских канцеляриях, и с тех пор *государь* становится единственным постоянно употребляемым обращением к московскому великому князю» (Штекль 1954, 115). Из наших данных вытекает, что к кон. XV в. распространилось лишь сокращенное написание слова, и это свидетельствует только о приспособлении его к общепринятому сокращенному написанию однокоренных церковнославянских слов *господь*, *господинь*.

Ранняя датировка формы *государь* в исторических и этимологических словарях основывается в конечном итоге на произвольной интерпретации подтитльного написания **гѣдрь**, принадлежащей либо самим авторам этих словарей, либо перенятой ими из публикаций, не преследующих лингвистических целей, где титула раскрываются без оговорок. Между тем первые положительные свидетельства в пользу наличия формы *государь* в русском языке относятся к кон. XVI – нач. XVII в., хотя в это время употреблялась еще форма *господарь*. Ввиду того что в русских текстах этого времени преобладает подтитльное написание, первостепенное значение приобретают свидетельства иностранцев. Так, Штаден во 2-й пол. XVI в. пишет *haspodar* (Исаченко 1980, 276), Флетчер (1591) – *hospodare* (Лиминг 1967, 210–211), Маржерет (1607) – *hospodar, ospodar* (Ворт 1981, 205; ср.: Живов 1982, 339, 346), Фенне (1607) – *aspodar, aspodarschoi, gospodar* (Фенне 1961–1971, I, 38, 480, ср.: Фенне 1961–1971, II, 24, 455; другие примеры см.: Успенский 1971, LVI). Однако в словаре Соважа (1586) наряду с формами *асподарь, асподарыня* (*aspondare; aspondarenia, aspoudarinnia*) встречаются уже формы *асударь* (*asoudare, assoudare*) и *асударыня* (*assoudarinie*) (Ларин 1948, по указателю), правда, не в составе царского титула, а только в качестве вежливого обращения. Джемс (1618–1619) знает только формы *сударь, сударыня, сударев* (Ларин 1959, по указателю; по поводу формы *государь* (*gosydari*), неправильно прочтенной Б. А. Лариным вместо *сударь* (*sydari*), см.: Успенский 1971, LVIII). В русских текстах, написанных русскими, форма *государство* нам встретилась впервые в цитированной записи Лжедмитрия I 1604 г., в которой рядом с многочисленными подтитльными написаниями один раз засвидетельствовано написание *государство*: **кои часть достоуплю наслѣдственнаго нашего Москковского Государства** (СГГД 1813–1819, II, 160), хотя этот текст пестрит полонизмами, форму

государство необходимо признать великорусской, так как в западнорусском не произошло изменения *господарь* > *государь* (несмотря на то что в публикациях западнорусских текстов написание *гѣдрь* иногда также интерпретируется как *государь*; так, например, Срезневский (Срезневский 1893–1903, I, 571) цитирует западнорусский перевод статута Казимира по АЗР 1846–1848, I, № 2, хотя в этом тексте слово пишется везде под титлом (ср. фотокопию в издании: Роман, Ветулани 1959, 149, 160, 166); в западнорусском известна сокращенная форма этого слова в виде *сподарь*, засвидетельствованная с 1498 г. (см.: Карский 1955–1956, I, 372; Карплюк 1977, 83). Несокращенные написания *государь*, *государство* встречаются и в Вестях-курантах ок. сер. XVII в. (В-К 1980, № 5, 1645 г., 18; В-К 1983, № 1, 1648 г., 42–44, 53–56, 64); в этих же текстах засвидетельствована форма *господарь*, но уже как титул молдавского и валашского воевод (В-К 1980, № 45, 1646 г., 234).

Форма *господарь* («господин») сохраняется еще в фольклорных текстах, ср., например, в «Многолетии», записанном П. И. Мельниковым (А. Печерским) в Приволжье:

Еще дай Боже, еще дай Боже
Еще дай Боже, еще дай Боже
Здравствovati!
Господину, *господарю*,
Господину, *господарю*
Нашему!..

(Мельников-Печерский 1979, II, 137); ср. также *господарыня* «госпожа, сударыня» в свадебной песне, записанной в Архангельской губернии в 1852 г. (СРНГ 1965–1983, VII, 89).

Форма *государь* возникла, по-видимому, в разговорной речи в XVI в., когда слово *господарь* из великокняжеского титула превратилось в общеупотребительную форму обращения. Начало процесса демократизации этой формы обращения можно видеть, на наш взгляд, в придворном этикете, а именно в том, что великие княгини обращались к своим мужьям с этим титулом. И уже в сер. XV в.: По *Осподаря* своего грамотѣ Великого князя Василия Васильевича, се язѣ Княгини Великая Марья пожаловала есмь <...> (АИ 1841, 98); **ѿ на поминок д(оу)ши своег(о) господарѣ, мѹжа своего, великого кн(ѧ)зѧ Васи(ѧ)лѧ Дмитриевич(ѧ) <...>** (Духовная Софии Витовтовны, ДДГ 1950, 177); несколько позже такая форма обращения отмечается в грамотах представительниц менее знатных слоев феодального общества. Например, в рязанской грамоте 1482–1483 гг., в которой вдова упоминает о своем муже: **придала есми то село съ всѣм с тѣм, как**

вѣдалъ ѡсподарь мои Прокоеѣи Давыдович, да и ѡзъ какъ вѣдала после ѡсподара своеѣ[о] (ПРП 1978, 9). Как видим, в XV в. в таком употреблении встречается только форма *господарь/осподарь*, как и в других случаях, когда слово пишется не под титулом. Таким образом, возникновение формы *государь* мы должны датировать временем не ранее XVI в. На основе приведенных ранее свидетельств надписей на царских печатях и других данных кон. XVI – XVII в., можно полагать, что официальной формой слова в царском титуле в нач. XVII в. продолжало быть *господарь*, произносимое с фрикативным [γ]. Разговорный вариант *государь*, который несомненно существовал уже в XVI в., еще в нач. XVII в. мог попасть только в документы, составленные лицами, не имевшими специальной канцелярской выучки (как, например, писец указанной записи Лжедмитрия II).

Форма *господарь* к кон. XVI – нач. XVII в. стала архаизмом, традиционной канцелярской формой, между тем как в разговорном языке произошло изменение *господарь* > *государь*. Изменение это не получило еще общепринятого объяснения. Фонетическая интерпретация преобразования слова *господарь* на *государь* (Преображенский 1959, I, 152; Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 446; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 4, 150; ЭССЯ 1974–1984, вып. 7, 59–60) представляется малоубедительной из-за нетипичного перехода безударного *o* > *y*. Может быть, следует отдать предпочтение предположению П. Я. Черных о том, что форма *государь* получилась из *господарь* в результате народно-этимологического воздействия слов *суд*, *судить* (Черных 1956, 214). Контексты, в которых эти понятия сблизились, имеются в летописях. Рассмотрим, например, рассказ Псковской 3-й летописи (сп. 60-х гг. XVI в.) о споре Ивана III с Новгородом о титуле под 1477 г.: «вам своимъ господином челом биемъ, а что *государь* васъ, а то не зовѣмъ, а *соуд* вашимъ намѣстникомъ на Городище по старинѣ, а что вашему *соуду* великихъ князей, ни вашихъ тивуномъ (!), а то в насъ не быти, ни дворище вамъ Ярославля не даемъ» (Псковские летописи 1941, II, 209). Предположение это, однако, нуждается в дополнительных доказательствах. Как бы то ни было, по единогласному мнению исследователей, русск. *государь* восходит к более ранней форме *господарь*, а *государство* – к *господар(ь)ство*, а эти более ранние формы восходят, на наш взгляд, к соответствующим западнорусским словам. Разговорные варианты, возникшие на великорусской почве, к XVIII в. становятся единственно литературными, а *господарь* сохраняется или, скорее, повторно заимствуется только в качестве экзотизма – как титул молдавских и валашских воевод, как об этом свидетельствует В. Н. Татищев в своем «Лексиконе» (1730–1740): «иногда называли государя *господарь*, но оное ныне токмо волоскому и мултанскому воеводам дается» (Татищев

1779, 244). Устаревшая к этому времени в русском языке форма *господарь* стала снова широко известной в этом специальном значении в связи с переездом в Россию Дмитрия Кантемира в 1711 г. (Б. А. Успенский, устное сообщение).

1.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТА ТИТУЛА *отчичь* и *дѣдичь*

Около сер. XV в. появляется в титуле московских великих князей элемент *отчить* и *дѣдичь* «наследник», «наследственный правитель». Первая известная нам фиксация этого выражения в применении к московскому великому князю относится к посланию митрополита Ионы псковичам 1461 г. (по сп. нач. XVI в.): «Благословеніе Іоны, митрополита кіевскаго [и] всея Руси, въ отчину великаго господаря, царя рускаго, а нашего господина <...>, а вашего, нашихъ дѣтей, *отчичя* и *дѣдичя*, по родству <...>; А что есте, сынове, присылали къ великому господарю, а къ нашему сыну, къ своему *отчичю* и *дѣдичю*, къ Великому князю <...>» (РИБ VI 1908, 673–675; ср.: АИ 1841, 107). Инициатива по введению нового титула принадлежала, по-видимому, и на этот раз высшему духовенству, как и в случае титула *господарь* (и как это имело место несколько позже с титулом византийского происхождения *самодержец*, см.: Острогорский 1935, 169); с титулом *отчичь* и *дѣдичь* упоминается Иван III в грамотах митрополита Филиппа новгородцам 1471 г.: «и отъ своего бы есте Господина отъ Великаго Князя, *отчича* и *дѣдича*, не отступали, а къ Латыньскому бы есте Господарю не приступали» (АИ 1841, 514); «и вы, сынове, смиритесь, емуже Богом поручении есте подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго Русскихъ земель государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, вашего *отчича* и *дѣдича*» (РИБ VI 1908, 730; ПСРЛ XX 1910–1914, 1, 289). В документах великокняжеской канцелярии этот элемент титула засвидетельствован впервые в 1472 г.: «Іоанъ Божією милостію единъ правой Государь всея Русіи *отчичь* и *дѣдичь* и инымъ землямъ отъ сѣвера и до востока Государь» (СГГД 1813–1819, V, 12 – КДРС) – и продолжает употребляться на протяжении XVI и XVII вв. преимущественно только в составе торжественного полного титула в документах внешних сношений (ср. отчет о протесте русских послов у французских властей в 1667 г., вызванном тем, что в тексте грамоты, приготовленном французской стороной, «самые высокие титулы прописаны: “самодержца, *отчича*, и *дедича*, и наследника, и государя и обладателя” у той грамоты на подписи не написано», Пут. посл. 1954, 188); выражение *отчичь* и *дѣдичь* и *наслѣдникъ* входило в состав полного царского титула еще при Петре I (Петр IV, 349 – КДРС); синонимическое цсл. *наслѣдникъ* присоединялось к элементам западнорусского

происхождения *отичиць* и *дѣдичиць* со времен Ивана IV (ср. в грамоте Ивана Грозного шведскому королю 1572 г., ПИГ 1951, 144 – КДРС).

Титул *отичиць* и *дѣдичиць* сложился в западнорусском языке в 1-й пол. XV в. (засвидетельствовано с 1433 г., ССУМ 1977–1978, II, 112–113). Слово *дѣдичиць* «наследник» было постоянным элементом титула польских королей и употреблялось в их «русских» грамотах в соответствии с лат. *heres* (первая фиксация относится к грамоте Казимира III 1361 г., см.: Пешак 1974, 36; ср. также в грамоте Владислава Опольского 1378 г., Пешак 1974, 59 и др.). Слово это рассматривается обычно как праславянское (ЭССЯ 1974–1984, вып. 6, 226; СПрасл. 1974–1983, III, 111–113), однако ранняя история слова в восточнославянских языках однозначно указывает на то, что в великорусском оно заимствовано из западнорусского, а в западнорусском из польского *dziedzic* (Кохман 1967, 105; Булыко 1972, 89; Шевелев 1975, 455), которое, в свою очередь, заимствовано из чешского (Шенкер 1983, 262). В отличие от слова *господарь*, о котором нельзя с уверенностью сказать, возникло ли оно в «русской» канцелярии Казимира III или же продолжает там устоявшуюся галицкую традицию, о наличии слова *дѣдичиць* в галицко-волынском говоре до присоединения Галицкой Руси к Польше свидетельствует его фиксация в Киевском летописном своде при описании галицких событий 1190 г.: *Галичѣи же мѡужи срѣтоша его [Володимира Ярославича] с радостью великою княза своего и дѣдича а королевича прогнаша из земла своеа. а Володимѣръ сѣде на столѣ дѣда своего и ѡтца своего* (ПСРЛ II 1962, 666–667; ср.: Срезневский 1893–1903, I, 782–783). Возможно, это слово входило уже в титулатуру последнего галицко-волынского князя Болеслава-Юрия II, ср. его титулатуру в латинской привилегии городу Саноку на магдебургское право 1339 г.: *Georgius dei gratia dux et heres regni Russie* (Пашкевич 1924, 36). Слово *отичиць* также засвидетельствовано в летописи по Ипатьевскому списку (в части, содержащей Галицко-Волынскую летопись) под 1208 г.: *наидоша Данила во Угорьскон землѣ. дѣтьска соуща. и проиша оу короля Угорьского. дан намъ ѡтчича Галичю Данила* (ПСРЛ II 1962, 724; ср.: Срезневский 1893–1903, II, 832).

Была выдвинута точка зрения, что *отичиць* тоже заимствовано из польского (Генсѣрский 1961, 191). Однако ввиду слабой засвидетельствованности др.-польск. *ośczys* (ССТп 1953–2002, V, 547; 1443 г., все четыре примера взяты из львовских актов, в которых данное слово – в написании *ośczyusz*, *ośczyuszowуе* – глоссирует лат. *heres*) нельзя исключить возможность обратного направления заимствования. Это предположение подтверждается тем, что слово *отичиць*, наряду с западнорусскими памятниками, довольно рано засвидетельствовано также в Новгородской 1-й летописи: *отичиць* (под 1400 г., по списку XV в., Срезневский 1893–1903, II, 832), и в москов-

ско-тверской договорной грамоте 1375 г.: *вотчиць* (по списку XV в., ДДГ 1950, 26; Срезневский 1893–1903, I, 308; СРЯ 1975–2008, 3, 76), и, таким образом, можно полагать, что слово *отчиць* < *отьчиць* является общевосточнославянским дериватом от *отьць*. Если это предположение верно, то появление сочетания *отчиць* и *дѣдичь* в западнорусском можно объяснить как результат глоссирующей синонимии, т. е. толкования заимствованного из польского слова *дѣдичь* «наследник» собственно восточнославянским синонимом *отчиць*; сравним, например, с употреблением этих слов в переводе Статута Казимира III: **Пригожаецса частокро(т) што отчици алюбодѣдичи езда(т) по чюжеи земли по сложьбама а заставаляють намесникы во оччине своен алюбю оу дѣдинѣ** (ССУМ 1977–1978, I, 336); возможно, что такое синонимическое употребление двух слов привело со временем к переосмыслению данного сочетания, в результате которого выражение *отчиць* и *дѣдичь* получило оттенок градации; не исключено, впрочем, и то, что сочетание *отчиць* и *дѣдичь* возникло по аналогии сочетаний *отчина* и *дѣдина* (ССУМ 1977–1978, II, 112), *отчизна* и *дѣдина* (ССУМ 1977–1978, II, 106) «наследственное имение», восходящих, по-видимому, к фразеологизму *отцы* и *дѣды* «предки» (ср.: ССУМ 1977–1978, I, 337). Во всяком случае сочетание *отчиць* и *дѣдичь* «наследник, наследственный владетель» хорошо засвидетельствовано в западнорусских памятниках 1-й пол. XV в., между тем как мы не находим его ни в древнепольских, ни в великорусских памятниках этого времени. Наряду с грамотами оно засвидетельствовано в западнорусских летописях, например, в рассказе о покорении Подольской земли Витовтом: «А то си три браты, татарскыя князи, *отчици* и *дѣдичи* подолской земли» (ПСРЛ XXXV 1980, 66; см. также: ПСРЛ XXXV 1980, 238, 160). В польском переводе XVI в. на соответствующем месте читается: «А *czy trzey bracia tatarskie, oyczyci bili i dziedzice ziemie Podolskiey*» (ПСРЛ XXXV 1980, 186), из чего следует, что слово *отчиць* западнорусского оригинала было заимствовано польским переводчиком в восточнославянской форме, с конечным -ѣ. Возможно, впрочем, что во львовских примерах старопольского словаря (см. ранее) написания типа *oczczysz* следует читать не *oścysz*, а *oścyszcz*. Существование варианта с конечным -ѣ (*oyczysz*) в старой польской письменности подтверждается также словарем Линде (Линде 1854–1856, III, 525).

Таким образом, несмотря на то что *дѣдичь* в западнорусском является полонизмом, фразеологизм *отчиць* и *дѣдичь* «наследник, наследственный владетель» мы должны признать собственно западнорусским (украинско-белорусским) новообразованием, которое проникает в титулатуру московских великих князей около сер. XV в. Как элемент монаршеского титула *отчиць* и *дѣдичь* восходит в конечном итоге к лат. *heres* (Конечный 1925–1926, 211–212); нам кажется, однако, что образцом для его введения в Московскую Русь

послужила не литовская великокняжеская титулатура (там выступало только одно слово *дѣдичь*), а способ титулования западнорусских православных князей и магнатов (ср.: ССУМ 1977–1978, II, 112), с которыми московские митрополиты поддерживали тесные контакты (хотя они могли титуловаться и одним словом *отчичь*, ср. в уставной грамоте киевского князя Александра Владимировича митрополиту Исидору 1441 г.: **Се іазѣ, кн(іа)зѣ Ялксандрѣ Володимеровичѣ, гѣдрѣ ѡтчичѣ киевскыи**, Щапов 1976, 180).

На великорусской почве элемент титула *отчичь* и *дѣдичь* не получил широкого распространения; это объясняется, по-видимому, тем, что это выражение включалось только в полный титул русских государей, употреблявшийся лишь при особенно торжественных обстоятельствах и преимущественно в дипломатических сношениях с Западом (ср. свидетельство Котошихина о том, что «црь московскоі пишется в хрстіянские гсдрства полными большими титлами», включая и элементы *отчичь* и *дѣдичь*; и *наслѣдникъ*, «а в бѣсѣрманские гсдрства тѣми титлами не пишется», см.: Пеннингтон 1980, 52–53). В западнорусском языке слова *отчичь*, *дѣдичь*, а также сочетание *отчичь* и *дѣдичь* приобрели со временем значение «землевладелец» («наследственный землевладелец» < «наследник», ср. польск. *dziedzic* «землевладелец»). По свидетельству В. И. Даля, «вотчинники писались: отчичь и дѣдичь» также в России (Даль 1880–1882, I, 509); этот способ титулования землевладельцев по наследству мог распространиться в России независимо от царского титула в XVII в., когда были присоединены к России значительные западнорусские области. Именно такое употребление слов *отчичь* или *дѣдичь* отмечается в московском переводе-редакции Литовского статута (XVII в., см.: Кохман 1967, 105), «чтобы вашъ богомолецъ общій попеченіе имѣлъ межю васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ» (по сп. XVI в., ААЭ 1836, 36; ср.: Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 492–493).

Глава 2. ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ 30–60-х гг. XV в.

Поскольку, как мы увидели, западнорусские элементы *господарь*, *отчичь* и *дѣдичь* проникли в титул московских великих князей под несомненным воздействием деятелей русской церкви, необходимо рассмотреть вопрос о западнорусском влиянии на язык московской церковной дипломатии около сер. XV в. Рассмотрим два круга источников, которые с этой точки зрения специально еще не исследовались: 1) памятники о Флорентийском соборе 1438–1439 гг.; 2) дипломатические грамоты митрополита Ионы 1448–1461 гг.

2.1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ФЛОРЕНТИЙСКОМ СОБОРЕ 1438–1439 гг.

2.1.1. «Хождение на Флорентийский собор» неизвестного суздальца

Хронологически первым памятником, обильно отражающим западнорусскую по происхождению лексику в оригинальном произведении, связанном с великорусской церковной канцелярией, является «Хождение на Флорентийский собор» неизвестного суздальца, участвовавшего в русском церковном посольстве на Ферраро-Флорентийский собор 1437–1440 гг.

Произведение это замечательно прежде всего тем, что его автор уделяет большое внимание достопримечательностям увиденных в пути за рубежом стран и городов, не касаясь обсуждавшихся на соборе вопросов. «Хождение» имеет дневниковый характер, оно отражает непосредственные впечатления русского путешественника. Произведение это дошло до нас в списках XVI в. и более позднего времени (об истории текстов памятника и его историко-культурном значении см.: Казакова 1980, 8–52); мы пользовались первоначальной редакцией «Хождения», опубликованной Н. А. Казаковой (Хождение 1970).

Всякое описание чужих стран предполагает употребление некоторого количества экзотизмов. В данном случае примечательно, что неизвестный суздалец, по всей вероятности епископский дьяк, в качестве экзотизмов использует главным образом западнорусскую лексику для описания реалий, с которыми он познакомился в Германии и Италии. Рассмотрим эту лексику в порядке последовательности рассказываемых событий.

Покинув Псков, русское посольство прибыло в область юрьевского епископа: «Первый град немецкий Коспир *бискупа* Юрьевеного» (Хождение 1970, 63). Название католического епископа *бискуп*, несомненно, западнорусского происхождения, а не заимствовано прямо из др.-в.-нем. *bischof*, как полагал М. Фасмер (Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 168), так как оно хорошо засвидетельствовано в западнорусских документах с самого нач. XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 96; Булько 1972, 43; ср. также: Соболевский 1910, 196); заимствованная из западнорусского форма *бискуп* исторически заменяет более раннюю др.-русс. форму *пискуп*, засвидетельствованную в смоленско-рижском договоре 1240 г. (Смоленские грамоты 1963, 24), в Новгородской 1-й летописи под 1240 г. (НЛ I 1971, 77), а также в Галицко-Волынской летописи (ПСРЛ II 1962, 814 и др.; где – ввиду отсутствия варианта с начальным *р-* в древнепольском – неверно объясняется как полонизм (ср.: Генсёровский 1958, 71), заимствованную из др.-н.-нем. (Лиминг 1976, 43; Томас 1976, 61, прим. 38). Зап.-русс. *бискуп* восходит через посредство

польск. *biskup*, чешск. *biskup*, др.-в.-нем. *bischof*, которое через лат. *episcopus* заимствовано из того же греч. ἐπίσκοπος, к которому восходит и др.-русск. (через цсл.) *епископъ*.

К этому памятнику относятся самые ранние фиксации в великорусском тексте существительного *право*: «И ту его [Исидора] сретил бискуп юрьевский с великою честию, по своему *праву* немецкому», «и монастырь бе женский, по их *праву* един, велми чюден» (Хождение 1970, 63). Уже Н. С. Трубецкой полагал, что русск. *право* было заимствовано из польского, в котором *prawo* калькирует нем. *Recht* (Трубецкой 1927, 79–80; ср.: Виноградов 1982, 40). Детальное изучение истории слова *право* в восточнославянских языках (Брицын 1965, 90–95; Кохман 1977, 73–81) позволяет отвергнуть мысль о праславянской древности этого существительного (ср.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, III, 352; КЭС 1979, 360); на восточнославянской почве *право* появляется в кон. XIV в., но в этот период отмечается только в западнорусских памятниках (Срезневский 1893–1903, II, 1348; ССУМ 1977–1978, II, 220–221) и посредством западнорусского языка попадает в документы внешних сношений Московского государства, в которых отмечается с 1495 г. и до кон. XVII в. употребляется только в контекстах, относящихся к зарубежным странам; русским литературным языком термин *право* усваивается лишь в нач. XVIII в. (Кохман 1977, 76–77). В западнорусском языке XV в. *право* употреблялось в основных значениях «право» и «закон», как и в древнепольском (ср.: ССтп 1953–2002, VII, 33–44); автор «Хождения» употребляет его в соответствии с др.-русск. (цсл.) *законъ* «совокупность правил поведения, предписываемых той или иной религией» (ср.: СРЯ 1975–2008, 5, 217). Таким образом, включению слова *право* в словарный состав русского литературного языка в нач. XVIII в. предшествовало довольно длительное (XV–XVII вв.) употребление его в качестве экзотизма для обозначения чужого «закона» или «права»; история слова в великорусских памятниках XV–XVII вв. свидетельствует о том, что оно было заимствовано не прямо из польского, а из западнорусского.

Представителей немецкой знати в Риге неизвестный суздалец называет *панами*: «и сretoша его [Исидора] *паны* велиции» (Хождение 1970, 63). Слово *панъ* в западнорусском засвидетельствовано уже в XIV в. (ССУМ 1977–1978 II, 125–126; Срезневский 1893–1903, II, 875); заимствовано из польск. *pan* (Фасмер 1953–1958, II, 308), которое, в свою очередь, является богемизмом (Басай 1966, 60). В великорусских источниках это слово отмечается с нач. XV в., в первую очередь в контекстах, относящихся к Литве и Польше; ср. приведенное ранее известие Воскресенской летописи о приезде в Москву Василия Дмитриевича; ср. также известия Псковской

2-й летописи о литовских событиях 1400 г.: «одолюша Татарова и побиша множество литовских князей и панов» (Псковские летописи 1941, II, 31); 1435 г.: «и побѣдиша множество князей и *пановъ* Свитригаиловых» (Псковские летописи 1941, II, 45). Из документов дипломатических сношений кон. XV в. видно, что зап.-русс. *панъ* соответствовало великорусскому *бояринъ* (ср., например, в московском посольстве 1488 г.: «чтобы отъ насъ *бояринъ*, а отъ тебя бы *панъ*, съѣхався, обиднымъ дѣломъ управу учинили на обѣ стороны» (СРИО 1882, № 2, 7), ср. соответствие «паны, сиречь бояре» в московском переводе-редакции Литовского статута (Лаппо 1916, 6)).

В московских дипломатических памятниках XV в. *панъ* может относиться уже не только к польско-литовской знати, но и к представителям привилегированного класса других европейских народов, ср., например, «бискупы и *панове* Угорскіе», «Хорватскіе земли *панове*» (1492 г., ПДС 1851, 94).

Как католический епископ, в отличие от православного епископа, назван *бискупом*, так и католический архиепископ назван западнорусским словом *арцибискуп*: «егда быша близ града, сretoша его [Исидора] *арцибискуп* Тимофеи и архимандрит Захариа»; «и ел господин [Исидор] у *арцибискупа*; и владыка Аврамии и Фома, посол тверскый, сeдоша за единым столом с митрополитом и *арцибискупом*» (Хождение 1970, 63). Зап.-русс. *арцибискупъ* «католический епископ» (ССУМ 1977–1978, I, 80, с 1415 г.; ср., однако, уже в Киевском летописном своде под 1152 г., ПСРЛ II 1962, 450, ср.: Срезневский 1893–1903, I, 31) заимствовано из польск. *arcybiskup*, которое восходит к чешскому *arcybiskup*; фонетический облик префикса *arcy-* объясняется как результат контаминации лат. (из греч.) *archi-* и нем. *erz-* (ср. лат. *archiepiscopus*, нем. *Erzbischof*, Басай 1966, 30); судя, однако, по передаче греческих имен в средневековых южнославянских переводах с латинского (*Аѳѣлишь*, *Анцилешъ* < *Achilles*), свидетельствующей о том, что в центральноевропейском среднелатинском произношении сочетание *chi* читалось как *ci* (см.: Хадрович 1955, 64–65), предположение о немецком воздействии на чешскую форму префикса *arcy-* нам представляется излишним.

Расстояние между городами в Германии и Италии, а также – на обратном пути – в Венгрии, Польше и Литовской Руси автор дает в *милях*, между тем как в великорусских областях – в *верстах*: «А от Мелна града 4 *мили* до реки Елeвы» (Хождение 1970, 65 и др.). В Западной Руси мера расстояния *миля* была известна уже в XIV в. (ССУМ 1977–1978, I, 594); в великорусские памятники это слово проникает в качестве экзотизма в I-й пол. XV в. прежде всего в связи с жанром хождений (например, уже в Хождении Зосимы 1422 г. (СРЯ 1975–2008, 6, 157); встречается у Афанасия Никитина (Афанасий Никитин 1980, 49), а также в некоторых летописных известиях, относящихся

к Западной Руси (СРЯ 1975–2008, 6, 157)). Зап.-русск. *миля* восходит через польск. *mila*, ср.-в.-нем. *mila* к лат. *milīa (passuum)* «тысяча шагов» (Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 622; ср.: Гардинер 1965, 155; Лиминг 1976, 79).

К этому памятнику относятся первые известные в литературе случаи употребления глагола *муровати* «выложить камнем» и производных: «и еще суть реки великы приведены по всему граду тому, береги их и дна *морованы* каменiem»; «и под весь град тои улица *морованы* и полаты» (Хождение 1970, 65), «столпы в нем *морованы*, имуща мрамор всяк цветом» (Хождение 1970, 69), «и знаменахомся у гроба святого, самого не видехом, *замурован* бе лежит» (Хождение 1970, 70; ср.: СРЯ 1975–2008, 9, 310). В западнорусских памятниках *муровати* засвидетельствовано несколько раньше, см. в Никифоровской летописи (сп. XV в.) под 1430 г.: «и взя [Сигисмунд] град Крев *мурованыи* и сожъже» (ПСРЛ XXXV 1980, 34); зап.-русск. *муровати* заимствовано из польск. *murować*, которое образовано от *mur* «стена» (< ср.-в.-нем. *mûr* < лат. *murus*) по образцу ср.-в.-нем. *mûren*, ср.-лат. *murare* (Фасмер, Трубачев 1964–1973, III, 13; Лиминг 1976, 81).

Обращает на себя внимание название Альп – *Полониные горы*: «А от того града до *Полониных гор* 10 миль. А от *Полониных гор* до князя, зовомаго Дуки, 15 миль <...>. А от того града к *Полониным горам* до града Фреанды 24 мили <...>, и всех *Полониных гор* 60 миль» (Хождение 1970, 66). Такое название Альп объясняется, по-видимому, украинским словом *полонина* «горное пастбище», засвидетельствованным с кон. XIV в. (ССУМ 1977–1978, II, 184); слово *полонина* праславянского происхождения (ср. болг. *планина* «гора», с.-х. *планина* «гора, покрытая лесом»); но из восточнославянских языков оно сохранилось только в украинском языке в карпатском ареале (Иллич-Свитыч 1960, 222–223; Закревская 1983, 151–152). Из украинского слово проникло также в прикарпатские польские говоры в полногласной форме *polonina*; полонизированным украинизмом считается также форма *plonina* «неурожайная земля», засвидетельствованная уже в XV в. (ССТп 1953–2002, VI, 170; ср.: Брюкнер 1970, 422). В этом последнем значении засвидетельствовано слово *полонина* в переведенной с польского книге Назиратель (XVI в.): «земля которая бывает сухая <...> таковую нарицають пустынею или *полониною*» (Назиратель 1973, л. 112, 331 – КДРС), «иные ж мѣста <...> вѣчне бывают неплодоносные, се же *полонинами* дичью или соленым мѣстом нарицають» (Назиратель 1973, л. 159, 425); слово *полонина* в русском переводе в обоих случаях передает польск. *plonina*, ср. в польском издании 1549 г.: «takową zową pustinią abo *ploniną*», «a the *ploninami* abo słoniawami zową» (Кресценций 1549, 93, 136); это обстоятельство подтверждает вывод издателей текста о том, что великорусский перевод этого

памятника был осуществлен или при посредстве несохранившегося западнорусского перевода, или же переводчиком западнорусского происхождения (Назиратель 1973, Введение, 66–69).

Несомненно, что автор «Хождения» называет Альпы *Полонинными горами* по аналогии с Карпатами; наличие этого собственно украинского слова в тексте неизвестного суздальца убедительно свидетельствует о том, что в качестве экзотизмов для обозначения западных (западноевропейских) реалий, неизвестных в Московской Руси, он использует именно западнорусскую, а не польскую лексику.

В связи с этим словом необходимо указать, что В. В. Ильенко неверно относит к западнорусизмам форму *планина*, выступающую в Московском летописном своде кон. XV в. под 1247 г. (Ильенко 1958, 12); слово встречается здесь в тексте «Повести об убиении Батыея»: «безбожному же оному Батыю ко Угорьским *планинам* бежашу» (ПСРЛ XXV 1949, 141; ср. также – по другому списку – Срезневский 1893–1903, II, 953). Правда, слово *планина* и здесь относится к Карпатам (ср. название Карпатских гор в «Повести временных лет»: *горы Угорьския*; в горѣ Оугорьстѣи – ПСРЛ I 1962, 25; 139), но в повести, сочиненной сербом (см.: Перени 1955, 231–234; ср.: Радоичич 1957, 245–246), это скорее сербизм, а не церковнославянизированный украинизм. Как явный болгаризм употреблялась форма *планина* «гора» в молдавских грамотах XIV–XV вв. (ССУМ 1977–1978, II, 150).

Католических священников автор называет *капланами*: «На соборе же седе римьскый папа Еугений, а с ним 12 гардиналов, и архиепископы, и епископы, и *капланы*, и мнихы» (Хождение 1970, 66). Слово *капланъ* «католический священник», отмечаемое в великорусских памятниках впервые в известиях о Флорентийском соборе, засвидетельствовано в западнорусских памятниках с 1-й пол. XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 470; Булыко 1972, 138; Соболевский 1910, 197), где оно заимствовано из польск. *kaplan*, которое восходит через чешск. *kaplan*, ср.-в.-нем. *kaplan*, *kapel(l)an* к ср.-лат. *capellanus* (Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 186; Лиминг 1976, 64). В великорусских памятниках XV в. католический *капланъ* противопоставляется православному *попу*, ср. в Новгородской 1-й летописи под 1414 г.: «[Митрополит Исидор] повелѣ в лячкыхъ божицахъ рускымъ *попомъ* свою службу служити, а в рускыхъ церквахъ *капланомъ*» (СРЯ 1975–2008, 7, 65; Срезневский 1893–1903, I, 1194; ср. также: Соболевский 1910, 196).

Возможно, что к западнорусизмам относится и слово *гардинал* «кардинал», хотя оно (в форме *кардинал*) в западнорусских источниках отмечается только с кон. XV в. (Булыко 1972, 141); в великорусских памятниках о Флорентийском соборе слово выступает обычно с начальным *г-*, поэтому нельзя

исключить возможности прямого изустного заимствования из итальянского (ср.: Лиминг 1976, 65). Что же касается предположения Г. Лиминга о том, что слово *мних* в русском языке XVI–XVII вв. является повторным заимствованием из польского *mnich* (Лиминг 1976, 80; ср.: Булыко 1972, 205), то необходимо отметить, что в отличие от некоторых других моравизмов, как *панежь*, *мыша* (о них см. далее), которые попали в древнерусские памятники XI–XII вв. вместе с текстами моравского происхождения, но не получили распространения в церковнославянском языке русской редакции, слово *мнихъ* с многочисленными производными употреблялось без прерыва на протяжении XI–XVII вв. (ср.: СРЯ 1975–2008, 9, 192) и не получило особого значения «католический монах». Поэтому следует принять, что как др.-русск. *мнихъ*, так и польск. *mnich* восходят разными путями к одному и тому же моравскому источнику (**тъпнѣчь* < др.-в.-нем. *munih* < ср.-лат. *tonicus* < греч. *μοναχός*, ср.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 633); в древнерусский язык слово попало посредством старославянского (*мънѣхъ* – Садник, Айцетмюллер 1955, 59; ср. также: Львов 1968, 329–330), а в польский – из чешского (Басай 1966, 51–52).

К западнорусизмам относятся названия монет *золотой* и *грош*, хотя они употреблены автором по отношению к итальянским реалиям: «И в том же граде [в Ферраре. – А. 3.] ясти купихом: яловица 20 *золотых*, боров пять *золотых*, а *золотой* по 30 *грошей*; а баран два *золотых*; куря 3 *гроши*, хлеба 9 проскур на *грош*, сыр по золотому» (Хождение 1970, 67).

Субстантивированное прилагательное *золотой*, которое отмечается впервые в данном тексте (СРЯ 1975–2008, 6, 59), как название монеты едва ли калькирует непосредственно нем. *Gulden* (ср.: ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 6, 106), а заимствовано скорее из зап.-русск. *золотыи*, которое в данном значении засвидетельствовано в староукраинских грамотах XV в. (с 1421 г., ССУМ 1977–1978, I, 406) вместе с вариантами *златыи* (в молдавских грамотах, ССУМ 1977–1978, I, 399) и *злотыи* (ССУМ 1977–1978, I, 401). Принимая во внимание путь распространения золотой монеты определенного веса (ок. 3,5 гр) из Флоренции (флорин, итал. *florino d'oro*, ср.-лат. *florinus aureus*, с 1252 г.) и Венеции (дукат, итал. *ducato d'oro*, ср.-лат. *ducatus aureus*) через Венгрию (по флорентийскому образцу, ср. венг. *forint*, ср.-лат. *florenus hungaricus/hungaricalis*, *aureus hungaricus/hungaricalis*, с 1325 г.) в Польшу (*złoty*, *złoty czerwony*, см.: ССтп 1953–2002, I, 372; *złoty czerwony* как перевод ср.-лат. *aureus ungaricalis*, см.: СП 1966–2011, IV, 146; ср.: Глогер 1978, II, 61–62, IV, 505–506), можно предполагать, что зап.-русск. *золотыи/златыи/злотыи* восходит к польск. *złoty*, калькирующему ср.-лат. *aureus*, может быть, и независимо от нем. *Gulden*. Название золотой монеты

с такой же стоимостью *дукать* засвидетельствовано в одной из молдавских грамот 1421 г.: «ше(с)тсо(т) золоты(х) *дукато(в)* а либо че(р)лены(х) золоты(х) оугорскы(х)» (ССУМ 1977–1978, I, 330), но это название до кон. XV в. не получило широкого распространения ни в западнорусском, ни в польском (в ССтп 1953–2002 не отмечается); в великорусском слово *дукат* появляется впервые в «Повести о Дракуле» кон. XV в., где оно в ходе повествования заменяется словом *златой* (см.: Повесть 1964, 119), церковнославянизированной формой названия *золотой*. Поскольку установлено, что русская «Повесть о Дракуле» не является переводом немецких произведений на ту же тему (Штридтер 1961), можно уверенно отвергнуть мысль о немецком посредничестве при заимствовании русским языком этого слова в данном памятнике (Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 550; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 5, 206–207; Лиминг 1976, 51) и считать его в повести, записанной московскими послами в Венгрии, заимствованием из венгерского *dukát* (засвид. с 1429 г., ЭСВенг 1967–1984, I, 685) или же – что более вероятно – из сербского *дукат* (засвид. с XIV в., РХС 1880–1976, II, 881), так как языком-посредником в дипломатических сношениях венгерского короля Матвея Корвина с Иваном III был сербский (Холлош 1979), и московские дипломаты во главе с Федором Курицыным, пребывавшие в Венгрии в 1482–1484 гг., имели контакты, скорее всего, с сербским отделением венгерской королевской канцелярии (не исключено, впрочем, что русская «Повесть о Дракуле» была вообще переведена с сербского, так как вся экзотическая лексика в самых ранних списках памятника объясняется лучше всего на основе сербской лексики XV в., см.: Золтан 1985). Для автора «Хождения» самым обычным названием этой золотой монеты, принятой к XV в. в качестве основной денежной единицы в большинстве европейских государств, было именно ее западнорусское название – *золотой*, от которого он не отказывался даже в Италии, где он мог слышать только *ducato* или *fiorino*.

Название серебряной монеты *грош* стало известным в великорусских областях также через посредство Западной Руси: «новгородци начаша торговати промежи себе <...> *гроши литовськими*» (НЛ I под 1410 г.; Срезневский 1893–1903, I, 598; Лиминг 1976, 59), поэтому это слово в русском языке неточно считается, на наш взгляд, непосредственным заимствованием из польского *grosz* в ряде исследований и этимологических словарей (ср.: ЭСРЯ 1963–2007, I, 4, 179–180 и цитированную там литературу). В западнорусских памятниках слово *грошъ* как название серебряной монеты известно уже в сер. XIV в., а к нач. XV в. в форме мн. ч. *гроши* приобретает значение «деньги вообще». Зап.-русс. *грошъ* восходит через посредство польск. *grosz* к чешск. *groš* из ср.-лат. *grossi* от формы мн. ч. прилагательно-

го *grossus* «широкий», так как эта монета была введена в Чехии в 1300 г. как крупная серебряная монета (*denarius grossus* «широкий денарий»); в Польше она распространилась сразу же в связи с чешско-польской персональной унией при короле Вацлаве в 1300–1305 гг. (Глогер 1978, II, 213–215).

К западнорусизмам следует отнести и слово *граница*: «и той Люблевь останочныйи есть городок угорескийи, стоит на лядской *граници*» (Хождение 1970, 71). Как убедительно показал С. Кохман, несмотря на господствующее в этимологической литературе мнение (Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 452; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 4, 160; ЭССЯ 1974–1984, вып. 7, 106–107; ЕСУМ 1982, 584 и др.), слово *граница* «рубеж, предел», имеющее в настоящее время общеславянское распространение, не является праславянским дериватом от **grana/*granь*, а возникло на западнославянской почве, откуда постепенно проникало в восточнославянские языки (в западнорусском засвидетельствовано с XIV в., ср.: ССУМ 1977–1978, I, 260–261; Срезневский 1893–1903, I, 594–595; в великорусском – sporadически с XV в., причем сперва только в псковских грамотах, а с кон. XV в. – в памятниках дипломатических сношений с Польско-Литовским государством), и в южнославянские литературные языки было заимствовано лишь в XIX в. из русского языка (Кохман 1975, 62–68). Таким образом, фиксация слова *граница* в «Хождении» относится к самым ранним известным случаям употребления этого слова в великорусском тексте. Хронологически предшествует этой фиксации лишь летописное известие 1412 г. «О размете королю Ягайлу и Витовту съ Новымъ городомъ», в котором передается содержание «разметной грамоты» Ягайло и Витовта новгородцам: «а съ Нѣмцы есмя миръ вѣчныи взяли, и съ Угры, и съ всѣми нашими *границными* мирны есмя» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 86; ПСРЛ XVIII 1913, 161; ПСРЛ XXV 1949, 241; в Новгородской I летописи читается *границники*, см.: СРЯ 1975–2008, 4, 123); *границными* или *границник* восходит здесь явно к западнорусскому тексту грамоты Ягайло и Витовта, т. е. в великорусском тексте указанных летописей употребление этих дериватов от *граница* следует считать цитатой из западнорусского текста.

Обращает на себя внимание, что автор «Хождения» обозначает словом *граница* только польскую границу; для обозначения границы между великорусскими областями он пользуется обычным в великорусских памятниках этого времени словом *рубеж*: «А из Новагорода [Исидор] поиде ко Пскову. И псковичи сretoша его на *рубжи* и почтиша его велми» (Хождение 1970, 63).

Как видим, для передачи иностранного колорита, для обозначения иностранных и иноверных реалий автор «Хождения» в качестве экзотизмов использует в основном западнорусскую лексику (*бискуп*, *абцибискуп*, *пан*,

право, Полониные горы, миля, граница, муровати, золотой, грош), т. е. он видит (и заставляет видеть своих читателей) Западную Европу как будто через призму соответствующих реалий Западной Руси.

Использование западнорусской лексики по отношению к западноевропейским десигнатам свидетельствует о том, что западнорусский язык уже в 1-й пол. XV в. выступал в роли языка-посредника в дипломатических сношениях Московской Руси с Западной Европой. Что касается конкретных причин этого посредничества и форм его проявления при общении членов русского церковного посольства с немецким и итальянским населением, то мы можем высказать лишь несколько предположений.

Русскому посольству, несомненно, были нужны переводчики, знающие греческий, латинский и немецкий языки. Если переводчиков с греческого языка без труда можно было найти среди северо-восточного духовенства, в том числе и в окружении самого митрополита Исидора, который, по-видимому, не успел еще усвоить церковнославянский язык, поскольку на корабле по морскому пути он «нача молебн святеи богородицы Одигитрие по греческыи с своими грекы; а владыка Аврамии по своему, по русскыи» (Хождение 1970, 64), то переводчики с латинского и немецкого языков могли вербоваться легче всего из православных Западной Руси, которые, с одной стороны, могли усвоить эти языки в условиях таких многонациональных городов, как, например, Львов, где наряду с украинцами и поляками жили и немецкие колонисты и где в 1443 г. в качестве административного языка был введен латинский, а с другой – в родном языке которых уже имелась выработанная терминология как для обозначения католических понятий, так и для бытовых реалий, соотносимых с теми, которые члены посольства увидели в посещенных западноевропейских странах. Можно предположить, что или сам автор был таким переводчиком, связанным своим происхождением с Западной Русью (точнее, опираясь на название Альп по аналогии с Карпатами, можно думать, что с Юго-Западной Русью, с Галицией), или же его информация восходит к такому переводчику в составе русского посольства. Судя по тому что автор «Хождения» проявляет заметный интерес к иностранным языкам, улавливает разницу между средненижнемецким и средневерхнемецким языками и сравнивает это различие с различием между русским и сербским языками («Аламанская земля, то есть не иная вера, ни ины язык, но есть едина вера латинская, а язык немецкий же, но разнo, яко и Русь сербы, тако и оне с немци», Хождение 1970, 65; ср.: Казакова 1980, 31–32), можно думать, что неизвестный суздалец был человеком, который обращался с местным немецким населением непосредственно.

Число экзотизмов из других языков – не западнорусского происхождения – совсем невелико. К ним относятся следующие слова: *ратман* «член

магистрата (в прибалтийских немецких городах)» < ср.-н.-нем. *ratman*, хорошо известное в новгородских и других северо-западных памятниках с XIII в. (Томас 1976, 57, 61); слово употребляется в «Хождении» согласно сложившейся традиции по отношению к ратманам Риги и Любека; *дука* «князь (в Италии)» < итал. *duca*; слово вводится в текст в качестве явного экзотизма («до князя, зовомаго дуку», Хождение 1970, 66); *барка* «род лодки» – «Среди его [города Венеции] проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в *барках*» (Хождение 1970, 69). Слово *барка* в восточнославянских языках считается заимствованием из немецкого (н.-в.-нем. *Barke* или ср.-н.-нем. *barke*, ср.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 127; Чижевский 1954, 335; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 2, 45; Томас 1971, 174–175; Кипарский 1963–1975, III, 106; ЕСУМ 1982, 314), однако есть основания полагать, что слово было заимствовано прямо из итальянского *barca*. В принципе, конечно, возможно и объяснение Дж. Томаса, согласно которому фиксация слова *барка* в «Хождении» как раз при описании Венеции случайна, поскольку автор мог познакомиться с этим словом и с соответствующей реалией раньше, в Ливонии или в Любеке, где русская делегация провела значительное время (Томас 1971, 175); о возможности фиксации экзотизмов не на той территории, где они на самом деле употребляются, свидетельствует и другое слово в тексте – *новци* (см. далее). Однако фиксация слова *барка* в «Хождении» не является самой ранней, как это принимает Дж. Томас (ср. также: СРЯ 1975–2008, I, 74), оно читается также в «Повести о Митяе», включенной в Московский летописный свод под 1377 г.: «Вложише же Мятя въ *барку* мертвого и везше в Галату погребша его» (ПСРЛ XXV 1949, 198), в первоначальной редакции кон. XIV в. в грецизированной форме *варка* и с объяснительной глоссой: «и вложиша Митя в *варку*, еже есть меньшее судно» (см.: Прохоров 1978, 222; ср.: СРЯ 1975–2008, 2, 21), следовательно, слово *барка* было известно в русском языке раньше благодаря постоянным контактам с Константинополем, при которых русские церковные делегации неминуемо соприкасались не только с греками, но и с жителями итальянских (венецианских и генуэзских) колоний в Причерноморье и в самом Константинополе. Таким образом, на наш взгляд, слово *барка* в русском языке можно считать непосредственным заимствованием из итальянского, причем более ранним, чем время написания «Хождения»; отсутствие какой-нибудь объяснительной глоссы при употреблении в «Хождении» этого слова (как это имеет место в случае *дука*) свидетельствует о том, что автор предполагал его знание у тех, для кого было предназначено данное произведение.

Иначе обстоит дело со словом *новци* «венгерские монеты», которое вводится в текст как явный экзотизм. О Люблеве, о котором говорилось,

что он «останочный есть городок угореский, стоит на лядской граници», автор замечает, что «есть в нем дело вугореские пенязи, *новци* зовутся, по 3 на золотой» (Хождение 1970, 71). В языках, знание которых для данного времени можно предположить на венгерско-польской (современной словацко-польской) границе (словацкий, польский, немецкий, венгерский), такое слово в качестве названия монеты неизвестно. Можно лишь предположить, что русская церковная делегация, вступившая на территорию Венгерского королевства в Хорватии (о которой, впрочем, автор делает характерное замечание: «и в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латыньская» – Хождение 1970, 70), путешествие через Венгрию совершила в сопровождении хорватов или сербов, которые присоединились к русским путешественникам еще в Хорватии и проводили их вплоть до польской границы, т. е. информация о том, что эти венгерские монеты «новци зовутся», происходит не от местных жителей, а от сопровождавших русскую делегацию сербов или хорватов. Вполне вероятно, что это были люди сербского деспота Георгия Бранковича, который принял русскую делегацию в Загребе, где он пребывал после того, как «запленено бысть ц(а)рьство его серпское от турьскаго царя Амурата» (Хождение 1970, 70). Фиксация сербскохорватского слова *новац*, *новци* «деньги» в русском памятнике сер. XV в. опережает на целое столетие его фиксацию в сербскохорватских источниках (РХС 1880–1976, VIII, 243–244 – со 2-й пол. XVI в.; правда, П. Скок утверждает, что это слово было известно уже в XV в., однако цитирует только поздние памятники, ср.: Скок 1971–1974, II, 525–526); быть может, это свидетельство неизвестного суздальца позволит уточнить этимологию слова *новац* в сербскохорватском в том смысле, какие именно монеты считались «новыми» для времени появления этого слова, название которых позже превратилось в название «денег вообще».

2.1.2. «Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона

Западнорусская лексика обильно отражается также в другом произведении, посвященном Флорентийскому собору, – в «Повести о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона, написанной на основе личных впечатлений в 1447 г. (Казакова 1980, 64). В отличие от автора «Хождения», Симеон концентрирует свое внимание на описании церковнополитической борьбы между католиками и православными, поэтому заданорусизмы в его тексте относятся в первую очередь к области церковной жизни. Он тоже употребляет слова *бискуп*, *арцибискуп* (Повесть 1878, 200, 206, 208), *право* (только о католиках: «по своему праву», «по фрязскому праву», Повесть 1878, 206), но вводит и ряд новых западнорусизмов.

Западнорусизмом в русском тексте XV в. следует признать форму *папеж* и производные *папежев*, *папежский*: «святыхъ седми *папежовъ*» (Повесть 1878, 201; ср. «святыхъ первыхъ *папъ* седми» – Повесть 1878, 208; «съ приставы *папежевыми*» – Повесть 1878, 204; «пословъ *папежскихъ*» – Повесть 1878, 205). Правда, форма *папежъ* известна церковнославянским текстам русской редакции XI–XII вв., но она встречается чаще всего в текстах моравского происхождения, как, например, в Житии Мефодия (Успенский сборник 1971, л. 104а, 190; л. 107г, 196; ср.: Срезневский 1893–1903, II, 887; Соболевский 1910, 187; Львов 1965, 201; Львов 1968, 332–333); основной формой слова в древнерусских памятниках было *папа* (ср.: Срезневский 1893–1903, II, 876–877). Обе формы засвидетельствованы в старославянских памятниках (Садник, Айцетмюллер 1955, 84), однако моравизм *папежъ* (< др.-в.-нем. *bâbes, pâpes* < ср.-лат. *papex* – контаминация лат. *papa* и *pontifex*, см.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, III, 200–201) в древнерусском был вытеснен грецизмом *папа* (< гр. *πάπας* < лат. *papa*). Поэтому *папеж* в XV в. надо рассматривать как повторное заимствование из того же моравского источника, но другим путем: зап.-русс. *папеж* (ССУМ 1977–1978, II, 126) < польск. *papież* < чешск. *papež* (ср.: Гардинер 1965, 163; Басай 1966, 60; Булыко 1972, 235–236; Лиминг 1976, 86).

К подобным повторным заимствованиям относится и слово *миша* «католическая обедня», также известное в церковнославянских текстах моравского происхождения (хотя оно было малопонятным, поскольку часто глоссировалось словом *служба*, ср.: «съ ѿтоу мышео рекъше съ слоужбою» – Успенский сборник 1971, л. 106б, 194; ср. также: Успенский сборник 1971, л. 107а, 195 и л. 107в, 196), в которых оно восходит через старославянское посредство (Садник, Айцетмюллер 1955, 56) к моравской христианской терминологии до Кирилло-Мефодиевской миссии (< др.-в.-нем. *missa* < лат. *missa*, ср.: Соболевский 1910, 187; Лиминг 1976, 81). В «Повести» Симеона – «нача [папа] потомъ *мишу мишиту*» (Повесть 1878, 206) – мы имеем дело, несомненно, с повторным заимствованием из западнорусского (ср., например, в зап.-русс. переводе чина католической обедни XV в., Соболевский 1910, 199), где оно восходит к тому же источнику через польск. *msza*, чешск. *tše* (ср.: Лиминг 1976, 81; Басай 1966, 52–53); глагол *мишиту* в сочетании *мишу мишиту* является, по-видимому, индивидуальным новообразованием Симеона по образцу *службу служити*, так как аналогичного глагола в древнепольском нет (засвидетельствовано только *mszq czyść/spiewać* «читать, петь обедню», ССтп 1953–2002, IV, 361). В более поздних переработках «Повести» *мишиту* заменено глаголом *служити*: «папе же тогда *мишу* свою *слоужившу*» (Попов 1875, 371; ср. также: ПСРЛ XXV 1949, 257).

К западнорусизмам относится и слово *приклякати/приклякнути* «встать на колени»: «митрополиты вси <...> *приклякнуша* къ папѣ по ѳрязскому праву»; «а самъ [Исидор] по божницамъ ходя *приклякаетъ*, какъ и прочіи ѳрязове» (Повесть 1878, 206, ср. также 207); в «Повести» этим словом обозначается именно католический обычай, явно ненавистный автору. Слово засвидетельствовано в западнорусском переводе чина католической обедни XV в. (покладнѣ, Соболевский 1910, 199), ср. также совр. укр. *приклякати/приклїкнути* (УРС 1953–1963, IV, 362), польск. *przyklękać/przyklęknąć* (с XVI в., СП 1966–2011, X, 358), польск. *klękać* «опускаться на колени» (с XV в., ССтп 1953–2002, III, 287); ср. также польск. *klęczeć* «стоять на коленях» (откуда позже русск. *клянчить*, см.: ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 8, 169). Несомненная связь глагола *приклякати/приклякнути* с католической обрядностью в «Повести», а также отсутствие слова в великорусских памятниках до этого времени (ср. КДРС) однозначно указывают на заимствование из западнорусского, где слово было усвоено из польского (ср.: Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 452, прим. 2; Карский 1962, 311). Праславянское **klękati*, **klęknoti* «нагибаться, склоняться» (Славский 1952–1982, II, 218) получило в древнепольском специальное значение «стать на колени» именно в церковном употреблении, ср. ранние примеры употребления польских глаголов *klękać* и *klęczeć* почти исключительно в таком контексте (ССтп 1953–2002, III, 287; СП 1966–2011, X, 358–359). Можно полагать, что ст.-сл. *клячати* «стоять на коленях», засвидетельствованное только в Супрасльской рукописи (Садник, Айцетмюллер 1955, 45), является моравизмом.

В западнорусской форме употребляется в «Повести» и слово *крыж* «католический крест» (о различиях между православным «крестом» и латинским «крыжом» см.: Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 452, прим. 1): «пришедшу митрополиту Исидору <...> на Москву <...>, нося предъ собою *крыжъ* и палицу серебряну: *крыжъ* нося во креста мѣсто, являя Латинскую вѣру <...>. Аще кто не приклянетъ ко *крыжу*, то палицею ударивше, приклякнути велить» (Повесть 1878, 207). В западнорусских памятниках *крыжъ*, *крижъ* засвидетельствовано с XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 513; Соболевский 1910, 201; Булыко 1972, 176–177); слово восходит через посредство польск. *krzyż*, чешск. *kříž* к романскому *croce* < лат. *crucet* от *cruх* «крест» (Штибер 1974, 136–137; ср.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 388; Славский 1952–1982, III, 256–258; Лиминг 1976, 73).

В единственном случае автор объясняет значение западнорусского слова: «Потомъ же патріарху Іосіѳу умершу, и положиша его въ томъ градѣ Флорентіи въ клаштарѣ, а поруски въ манастирѣ» (Повесть 1878, 205).

Зап.-русск. *кляшторъ* «католический монастырь» (ССУМ 1977–1978, I, 476), *кляшторъ* (Булыко 1972, 157; Карский 1962, 312) восходит к польскому *klasztor*, которое через немецкое (др.-в.-нем. *klōstar*) или чешское (*klašter*) посредство восходит к ср.-лат. *clostrum* < лат. *claustrum* «замкнутое место» (Славский 1952–1982, II, 190; Басай 1966, 45; Лиминг 1976, 67).

2.1.3. «Слово избрано...» и летописная редакция «Повести»

Интересно отметить, что в позднейших московских переработках «Повести» Симеона западнорусская лексика не исчезает, а наоборот, вводятся еще новые западнорусизмы. В 1461–1462 гг. «Повесть» включается в произведение «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго» (см.: Попов 1875, 344–359; ср.: Казакова 1980, 66). Для истории «Повести» важно, что она вошла в летописные своды кон. XV – XVI в. как раз в редакции «Слова» (Казакова 1980, 67), поэтому в летописной «Повести», которая читается, например, в Московском летописном своде кон. XV в. (ПСРЛ XXV 1949, 253–258) и в Софийской II летописи (ПСРЛ VI 1853, 151–169), больше западнорусизмов, чем в первоначальной, авторской редакции «Повести».

К западнорусизмам, которые впервые появляются в «Слове» и сохраняются в летописной «Повести», относятся: *жакъ* «католический дьякон»: «и *жакомъ* и(х) поющи(м) не мало» (Попов 1875, 365; в ПСРЛ XXV 1949, 254 прочтено неправильно: ижаком, ср. также: ПСРЛ VI 1853, 153), ср. зап.-русск. *жакъ* (ССУМ 1977–1978, I, 353; Булыко 1972, 112–113; Соболевский 1910, 197, 199) через польск. *żak*, чешск. *žák* из лат. *diaconus* < греч. δῆκονος (Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 34; Басай 1966, 92; Лиминг 1976, 107); *костель* «католический храм»: «вниде папа Еоугеніи в *костель* сирѣчь въ ц(е)рк(о)вь» (Попов 1875, 365; ср.: ПСРЛ XXV 1949, 254; ПСРЛ VI 1853, 153), ср. зап.-русск. *костель* (ССУМ 1977–1978, I, 502; Булыко 1972, 173) через польск. *kościół* < чешск. *kostel*, др.-в.-нем. *kastel* из лат. *castellum* «замок, крепость» (Славский 1952–1982, II, 553–554; Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 347; Басай 1966, 46; Лиминг 1976, 72); *коруна* «корона»: «[папа] въскладаше роукавици <...> и на главѣ шапку с *короунами* висока» (Попов 1875, 371; ср.: ПСРЛ XXV 1949, 157; ПСРЛ VI 1853, 159), ср. зап.-русск. *коруна* (ср. уже в Галицко-Волынской летописи в связи с коронацией Даниила под 1255 г.: «Присла папа послы чѣтны носаче <...> короуноу еже наречѣтъ королевьскыи санъ», ПСРЛ II 1962, 826; ср.: Срезневский 1893–1903, I, 1292; СРЯ 1975–2008, 7, 340; ср. также: ССУМ 1977–1978, I, 500; Булыко 1972, 172) через польск. *korona* (с XV в. также *koruna*, ССтп 1953–2002, III, 346–347) из лат. *corona* (Фасмер 1953–1958, II, 334; Славский 1952–

1982, II, 492–494; ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 8, 325; Лиминг 1976, 71–72); *клячѣти/кличѣти* «стоять на коленях»: «се ли естъ смирение <...>, еже и бискупы оучители и(х) творять и капланове и(х) клячатъ, также и вси лахове и весь латыньскіи рѡ(д) <...> кляча(т) до скончаніа бг̃омрьскаго пѣніа ихъ» (Попов 1875, 374; ср.: ПСРЛ XXV 1949, 257), ср. укр. *клячати*, *клячѣти*, польск. *klęsceć* (Славский 1952–1982, II, 215–216); *окрутный* «жестокий»: «в тои же грамотѣ написаше <...> *окрутную* свою тяжкую клатвою» (Попов 1875, 383; в Соф. 2-й летописи непонятное, по-видимому, слово заменено: «*окружную* свою тяжкую клятву», ПСРЛ VI 1853, 167), ср. зап.-русс. *окрутныи* (Срезневский 1893–1903, II, 651; ССУМ 1977–1978, II, 80; Булыко 1972, 225; ГЛБМ 1970, 91–92) из польск. *okrutny* < чешск. *ukrutný* (Карский 1962, 313; Кохман 1971–1974, IV, 24–25; Кохман 1975, 103–104); *справедливый*: «вса *праве(д)ливаа* Марко г̃лаше пре(д) нами» (Попов 1875, 367), ср. «вса *справедливаа*» (ПСРЛ XXV 1949, 255), «вса *справедливая*» (ПСРЛ VI 1853, 154), ср. зап.-русс. *справедливыи* (ССУМ 1977–1978, II, 374) из польск. *sprawiedliwy* < чешск. *spravedlivý* (Мельников 1967, 108; Кохман 1972, 52; Кохман 1975, 127–129; Пальцев 1973, 131; Басай 1966, 74). Фиксация прилагательного *справедливый* в «Слове» свидетельствует о причастности книжников западнорусского происхождения к составлению этого произведения в 1461–1462 гг., так как в великорусских памятниках *справедливый* и производные начинают употребляться лишь со 2-й пол. XVII в., причем сперва только в переводных памятниках. В XV–XVI вв. *справедливый*, *справедливость* и другие дериваты встречаются только в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, где они характеризуют дипломатические заявления польско-литовской стороны (ср.: Кохман 1975, 128), а также в некоторых других документах, написанных на западнорусском языке или переведенных при западнорусском посредстве, но сохранившихся в великорусских списках, как, например, в западнорусском переводе латинской грамоты папы Пия II польскому королю Казимиру IV от 3 сентября 1458 г., включенном в состав Софийской II летописи: «подлугъ *справедливого* суду Римской церкви» (ПСРЛ VI 1853, 168; ср.: ПСРЛ XX 1910–1914, I, 255 – КДРС; в латинском оригинале: «*iusto romano ecclesie iudicio*», Прохаска 1923, 69), или в жалованной грамоте киевской княгини Анастасии Троице-Сергиеву монастырю 1458/1459 г., сохранившейся в московском списке нач. XVI в.: «А на лѣпшей *справедливолости* [!] к семѣ листѣ печать нашѣ привѣсили (АСЭИ 1952–1964, I, 200); описка в московском списке (*справедливолости* вм. *справедливости*) свидетельствует о необычности существительного *справедливость* в великорусском языке нач. XVI в. Слово *справедливыи*

и производные стали общеупотребительными в русском языке только в 1-й пол. XVIII в. (Кохман 1972, 52), между тем как прилагательное *справедливыи*, существительное *справедливість*, наречие *справедливо/справедливоѣ* западнорусским деловым языком были усвоены уже к сер. XV в. (см.: ССУМ 1977–1978, II, 373–374).

Подытоживая показания великорусских произведений о Флорентийском соборе, можно установить, что уже в 30–40-е гг. XV в. русская церковная дипломатия в общении с Западной Европой обильно использовала западнорусскую лексику для характеристики западноевропейских, католических реалий и понятий вообще; сформировавшаяся в условиях сосуществования в Западной Руси польско-литовской католической и восточнославянской православной культур специальная лексика для обозначения соотносимых с православными, «русскими» понятиями и реалиями «латинских», польско-литовских понятий и реалий в трудах великорусских книжников распространилась на всю «латинскую» культуру; западнорусский язык, развивавшийся на границе двух культур, выступал в этот период как активный посредник в культурном общении Московской Руси с Западной Европой. Несомненно, что до установления непосредственных дипломатических сношений Московской Руси с западноевропейскими странами при Иване III главным проводником информации не только о православном Востоке, но также о латинском Западе было русское духовенство, которое в Западной Руси в 1-й пол. XV в. еще относительно мирно сосуществовало с католиками, в том числе и с русскими католиками (ср.: Соболевский 1910, 194–195). До окончательного разделения русской церкви на московскую и литовскую митрополии (1458) все православное восточнославянское население подлежало единой церковной юрисдикции (с некоторыми перерывами, да и те были заполнены борьбой за восстановление единства), что обеспечило постоянный культурный обмен между политически разделенными восточнославянскими землями. Языковая близость, воспринимавшаяся в этот период, по-видимому, еще как тождество, обусловила беспрепятственное использование великорусским книжным языком западнорусских лексических элементов в качестве своих собственных экзотизмов для обозначения любых (не только польско-литовских) западноевропейских католических десигна-тов. Этим объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что в великорусском книжном языке, а также в деловом языке великокняжеской дипломатии не получили широкого распространения прямые великорусские заимствования для тех же понятий из средненижненемецкого (например, *пискуп*, *провст*, ср.: Томас 1976, 57), несмотря на то что на Северо-Западе (Псков, Новгород) контакты великорусского населения с католическим миром начались

раньше, чем интенсивное польско-латинское воздействие в Западной и Юго-Западной Руси. Большинство нижненемецких заимствований осталось узколокальными словами не только в том смысле, что они редко выходят за пределы новгородско-псковских памятников, но и в том, что они сохраняются в них для обозначения лишь прибалтийских немецких десигнатов, не превращаясь в экзотизмы общезападноевропейского характера, между тем как большинство западнорусизмов, засвидетельствованных в произведениях о Флорентийском соборе, на протяжении XV–XVII вв. получило широкое распространение в дипломатической переписке Москвы с западноевропейскими странами (не только с Польско-Литовским государством), а часть их со временем перешла в основной словарный фонд русского языка.

2.2. Документы канцелярии митрополита Ионы 1448–1461 гг.

Наше предположение о том, что главным проводником западнорусского влияния в Московской Руси в сер. XV в. было духовенство, подтверждается также анализом грамот, вышедших из канцелярии митрополита Ионы. Иона был поставлен в митрополиты собором великорусских епископов по инициативе Василия II в кон. 1448 г.; его поставление на первых порах не было признано законным со стороны литовских властей, так как в Западной Руси законным митрополитом «всая Руси» считался и в дальнейшем Исидор, изгнанный из Москвы еще в 1449 г. из-за принятия унии на Флорентийском соборе. Первые два года правления митрополита Ионы были наполнены борьбой за восстановление единства митрополии «всая Руси», разумеется, под управлением его самого. В этой борьбе, закончившейся к нач. 1451 г. подчинением Ионе литовских епархий (под номинальным управлением Исидора оставалась только галицкая епархия), московский митрополит, ставленник московского великого князя, мог рассчитывать на поддержку православных князей и магнатов в Литве, чтобы через них повлиять на литовский сенат («раду») и подготовить благоприятное для себя решение великого князя Казимира IV. Имеются сведения о том, что Иона активно участвовал и в политическом сближении Москвы и Литвы, в частности в подготовке мирного договора между Василием II и Казимиром IV, заключенного в 1449 г. (ДДГ 1950, 160–162), и при этом его заслуги были высоко оценены также со стороны Казимира IV. Об этом свидетельствует послание Ионы Казимиру около 1450 г., в котором говорится: «Что еси, господине и сыну, прислалъ къ нашему сыну, а къ своему брату, Великому князю Василью Васильевичю своего посла Гармана съ рѣчьми и съ листы <...> а ко мнѣ еси своему богомолцу приказалъ с нимъ, чтобы вашъ

богомалець общій попеченіє имѣлъ межю васъ великихъ государей о нашемъ братствѣ» (по сп. XVI в., ААЭ 1836, 36; ср.: Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 492–493). Василий II, в свою очередь, поддерживал притязания Ионы на литовские епархии, на что указывается в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «мы Казимірь <...> гадавшие и добръ смотривше съ нашимъ братомъ, великимъ Васильемъ Васильевичемъ, и съ нашими князьями и паны, съ нашею Радою, полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ Иону» (РИБ VI 1908, 563–564). Таким образом, признание Ионы главой православной церкви в Литве можно считать результатом совместных усилий московской церковной и светской дипломатии. Для успешного проведения этой акции митрополиту Ионе нужны были люди, хорошо разбирающиеся во внутривластных условиях Литвы и в то же время промосковской политической ориентации. Таких людей можно было найти легче всего в окружении православных князей в Литве: укажем в первую очередь на киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича, сына того Владимира Ольгердовича, который не перекрестился в католичество в 1386 г. Александр Владимирович был ревностным покровителем православия в Литве еще и потому, что был женат на Анастасии Васильевне, сестре Василия II. О контактах Ионы с киевским князем свидетельствует грамота митрополита, адресованная этому князю до 31 января 1451 г. (РИБ VI 1908, 555–564); роль Владимира Александровича в подчинении Ионе литовской православной церкви подтверждается подписью князя на цитированной выше грамоте Казимира IV от 31 января 1451 г. (см.: РИБ VI 1908, 566). О том, что семья киевского князя поддерживала личные контакты с московским великокняжеским домом, свидетельствует известие Никаноровской летописи как раз под 1451 г.: «был на Москвѣ князь Семень Олелковичъ оу своей бабы великие княгини Софии [Витовтовны. — А. 3.] и оу великого князя Василия, оу дяди своего» (ПСРЛ XXVII 1962, 116); напомним, что киевского племянника московского великого князя крестил в свое время не кто иной, как митрополит Фотий (в 1420 г.), только что получивший обратно духовную власть над западнорусской церковью, которой в 1415–1419 гг. управлял Григорий Цамблак (см.: Попов 1875, 330, прим. 1). Из других влиятельных православных политических деятелей в Литве, содействовавших признанию Ионы, можно назвать князя Свидригайла Ольгердовича, служившего раньше Василию I (см.: Воскресенские летописи под 1408 г., ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 82), и канцлера Великого княжества Литовского Михаила Кезигаевича, подписи которых также фигурируют на указанной настольной грамоте Казимира IV (ср.: Галецкий 1915, 92).

По-видимому, этими контактами митрополита Ионы объясняется то обстоятельство, что западнорусизмы в его грамотах встречаются раньше,

чем он стал «общим богомольцем» как Василия II, так и Казимира IV. Надо при этом учитывать, что все послания Ионы сохранились в списках 1-й пол. XVI в., поэтому многие западнорусские черты в орфографии, морфологии и синтаксисе могли стираться при переписывании. Несмотря на это, в грамоте киевскому князю Александру Владимировичу, написанной до официального признания Ионы со стороны Казимира IV, наряду с лексическими западнорусизмами мы находим западнорусскую конструкцию *писати до кого*: «[Казимир] *писаль до насъ, до своих богомолцовъ*, свои листъ» (РИБ VI 1908, 561–562). Это может свидетельствовать о том, что в московской митрополичьей канцелярии выходцы из Литовской Руси работали и до 1451 г. Из лексических особенностей на западнорусского писца указывает употребление слова *лист* не только для обозначения западнорусской грамоты, но и московской. В грамоте Ионы Казимиру IV около 1450 г.: «А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ *листѣхъ* написал <...>, братъ вашъ Князь Великій о всемъ къ тебѣ на своемъ *листу* написалъ»; «А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего *листу* иметь мой діякъ Василей Карло говорить рѣчми» (ААЭ 1836, 36–37), хотя противопоставление московской *грамоты* иностранному (западнорусскому, польскому и вообще западноевропейскому) *листу* в московских дипломатических документах и летописных известиях выдерживается довольно последовательно еще в XVI в. (см.: Кохман 1978, 82–84; ср.: Золтан 1983, 341). На основании этих немногочисленных, но все же показательных данных можно предположить, что западнорусские писцы появились в московской митрополичьей канцелярии не вследствие подчинения митрополиту Ионе литовской православной церкви в 1451 г., а несколько раньше и, по-видимому, в связи с дипломатической деятельностью Ионы, направленной на воссоединение митрополии после его поставления в 1448 г.

Как было отмечено выше, в этих ранних грамотах Ионы фиксируются также западнорусские по происхождению слова *господарь* и *господарьство*; отметим еще употребление прилагательного *польский*, которое засвидетельствовано только в составе титула Казимира IV как польского короля: «И какъ Богъ положить на сердце великому господарю, благородному славному превысокому, отъ Вседержителя Бога превъзвышенному *польскому* королю и великому князю литовскому Казимиру, самодержцу великихъ двоихъ господарствъ»; вне титула употребляется в том же предложении обычное в древнерусском языке в данном значении прилагательное *лядский*: «какъ отъ своего господарства отъ *лядскихъ* державъ въ своихъ же державахъ какъ будетъ въ литовской земли» (РИБ VI 1908, 561–562). По-видимому, прилагательное *польский* появилось в великорусском языке

впервые в составе польского королевского титула. Сравним с летописным известием 1430 г. о съезде монархов у Витовта: «король польский Ягаило Олгердовичъ» (Сокращенный летописный свод 1495 г., ПСРЛ XXVII 1962, 343). В XV–XVI вв. поляков называли в Московской Руси обычно *ляхами*. Само название поляков – *поляк*, как и прилагательное *польский*, стали общеупотребительными в Московской Руси с нач. XVII в. (Черных 1956, 202; ср.: Кохман 1967, 77).

После занятия киевской кафедры Иона обращается к Казимиру IV с просьбой о подчинении себе также галицкой православной церкви. В соответствующем послании новых западнорусизмов мало, отметим лишь форму *княжату* (*прускому*) в официальной титулатуре короля (РИБ VI 1908, 566–567; ср.: Срезневский 1893–1903, I, 563), восходящую к западнорусскому *княжа* «князь» (ср. в титуле польских королей: *княжа Пруское*, ССУМ 1977–1978, I, 480; эта форма возникла в западнорусском под влиянием польск. *książe* «князь», ср.: Дамерау 1963, 72). О необычности этой формы в великорусском свидетельствует неправильное склонение (должно быть *княжати*, дат. п.; позже, в XVI в., в аналогичных случаях в московских грамотах, адресованных польским королям, пишут просто *княже*, см.: ПИГ 1951, 213).

В посланной одновременно с этим посланием грамоте литовскому канцлеру Михаилу Кезигайловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречаются грамматические: *до* + род. п. вм. *к* + дат. п., а также форма 1 л. мн. ч. *есмо* от *быти*, ср. «А нынѣ, сыну, послали *есмо до великого господаря* <...>, и *до вась, до великихъ пановъ*» (РИБ VI 1908, 568); ср. также в грамоте 1456 г., адресованной полоцкому епископу Симеону: «Листъ твой, сыну, *до насъ* пришель» (РИБ VI 1908, 611). Можно полагать, что эта грамота была написана вообще на западнорусском языке.

В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и Литвы Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью «по доволу всяко божественныхъ и священных правил и церковнаго правильного нашего *дохода*», а также к православному населению: «Вы же <...> князи и *панове*, и архимандриты и протопопове, и игумены и *мѣстичи* <...>. А также сынове, благославляю вась всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ». Документы эти названы, впрочем, *листами*: «Данъ *листъ* сій въ Новѣгородку» (РИБ VI 1908, 572).

Слово *мѣстичь* «горожанин», вопреки утверждениям некоторых исследователей (Гринчишин 1962, 73; ср. также: Укр. лекс. 1983, 249, 269), не является древнерусским (общевосточнославянским) по своему происхождению. Оно, правда, встречается довольно рано в восточнославянских

памятниках, но до XV в. только в западнорусских, как, например, в грамоте Кейстута торунским купцам 1341 г. (в форме *мѣстычъ*, см.: Срезневский 1893–1903, II, 244–245; ССУМ 1977–1978, I, 627); проверка летописных источников, цитируемых в словаре И. И. Срезневского, приводит также к выводу, что слово это в XII–XIV вв. было известным только в Западной Руси. В Ипатьевской летописи слово *мѣстичъ* встречается только в составе Галицко-Волынской летописи: «[Мстислав] **созва боиары Володимѣрьскыя брѣ** своего и **мѣстичѣ Роуѣци и Нѣмцѣ** (1287 г., ПСРЛ II 1962, 905); «**мѣстичѣ** [вар.: *мѣстичи*] **же не быаху сѧ по Болеславѣ с горожаны, но рекоша, кто сѧдетъ княжити во Краковѣ, то нашъ князь**» (1290 г., ПСРЛ II 1962, 934); в последней цитате «*мѣстичи*» противопоставлены «*горожанам*» в соответствии с польской семантикой производящих основ (ср. польск. *miasto* «город» и *gród* «крепость»). В Летописце Переяславля-Суздальского (сп. XV в.), дошедшем до нас в составе сборника, составленного в Западной Руси (Соболевский 1980, 59), слово *мѣстичъ* встречается в составе «Жития Феодосия Печерского»: **Ѣдиною бо емоу любаше некое** мѣстича, **именемъ Яна** (под 1091 г., Переясл. лет. 50). В древнейших списках «Жития» (Успенский сборник 1971, л. 26а–67в, 71–135; ПСРЛ I 1962, 183–198) этот эпизод отсутствует; эпизод «О преречении святого» появляется только в Кассиановской редакции Киевского патерника (1462 г., сп. кон. XV в.), но там Ян назван *вельможей* (Пат. Печ. 1911, 61). Таким образом, следует принять, что слово *мѣстичъ* попало в этот текст позже (не раньше 2-й пол. XV в.) в результате западнорусской переработки «Жития». Зап.-русс. *мѣстичъ* заимствовано, по всей вероятности, из др.-польск. *mieścic* «горожанин» (см.: ССтп 1953–2002, IV, 243), несмотря на то что древнепольское слово засвидетельствовано позже (1391), чем западнорусское (1341 г., не считая летописных данных), так как дериват *мѣстичъ* со всей очевидностью связан не с восточнославянским (и праславянским) значением прасл. **město* («locus»), но со вторичным его значением («civitas»), возникшим в западнославянских языках под немецким влиянием (ср. нем. *Stadt* и *statt*). Др.-польск. *mieścic* было самостоятельным польским дериватом от *miasto* (может быть, по аналогии с *szlachcic* от *szlachta*, как название определенного слоя населения). Впоследствии в самом польском языке *mieścic* было вытеснено богемизмом *mieszczanin* (отмечается с 1400 г., ССтп 1953–2002, IV, 237–238; ср.: Мельников 1967, 104). В великорусских памятниках, кроме указанной грамоты Ионы, которая была адресована православным Литвы, слово *мѣстичъ* появляется в летописном известии 1456 г. о прибытии в Москву смоленского епископа Мисаила: «Прииде ись Смоленска к великому князю на Москву владыка

Смоленскы Мисаило со многими *мѣстичи* Смоленскими бити челом ему, что бы пожаловал отпустить икону пресвятыя богородица, ея же плѣномъ взять Юрга» (ПСРЛ XXV 1949, 273; ср.: ПСРЛ XVIII 1913, 209; ПСРЛ XXVI 1959, 213). Слово *мѣстичь* позднее встречается еще в летописном известии 1500 г., относящемся к Литве: «Также и ко князем Руским и к Виленским *мѣстичем*, и ко всеи Руси <...> посылал к ним» (ПСРЛ XXVI 1959, 292). Как видно, слово *мѣстичь* в великорусских памятниках употреблялось только для обозначения городского населения Литовской Руси (ср. также: СРЯ 1975–2008, 9, 10), и, таким образом, можно его считать экзотизмом в великорусском языке, в отличие от западнорусского, где оно в это время входило в основной словарный фонд (ср.: Спринчак 1956а, 119). Однако вскоре и в западнорусском старый полонизм *мѣстичь* был заменен новым: *мѣщанинъ* (ср.: ССУМ 1977–1978, I, 630); при взятии Смоленска 1514 г. привели к крестному целованию уже «князеи и боярь Смоленских, и *мѣщанъ*, и всѣх людеи» (ПСРЛ XXVI 1959, 304; ср.: Золтан 1977). Слово *мѣщанинъ* в XVI в. оставалось еще экзотизмом (ср.: СРЯ 1975–2008, 9, 143–144); широкое распространение оно получило в великорусском, по-видимому, позже, в связи с основанием в Москве в XVII в. Мещанской слободы, заселенной военнопленными и добровольными выходцами из восточных областей Речи Посполитой после русско-польской войны 1655 г. (см.: Богоявленский 1980, 15–21).

Слово *посполно* «совместно» восходит к зап.-русск. *pospolno* «то же» (ССУМ 1977–1978, II, 205), заимствованному, очевидно, из др.-польск. *pospólnie* «то же» (ССтп 1953–2002, VI, 444–445).

Вопрос о западнорусском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе; преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. *доход*, польск. *dochód*, чешск. *důchod* «доход, прибыль» являются континуантами **dochodъ*, якобы существовавшего уже в праславянском (ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 5, 180; БЕР 1971–1979, I, 415–416; СПрасл. 1974–1983, IV, 29; бóльшую осторожность по отношению к этому слову проявляет О. Н. Трубачев, который не только не приводит отдельной статьи *dochodъ*, но и не упоминает о нем даже в статье *dochoditi*, см.: ЭССЯ 1974–1984, вып. 5, 52). Однако на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно иметь некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего весьма шаткая аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С. Младенова (цитированное в СПрасл. 1974–1983) на то, что болг. *доход* в данном значении является поздним русизмом; упускается также из виду то, что в сербско-

хорватском в данном значении выступает в основном не *доход* (которое, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствовано только в конкретных значениях), а *доходак* (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. *доходити* – в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов – имеет значение «приходить», значит, с.-х. *доходак* – это «то, что приходит» (ср. венг. *jövedelem* «доход» от *jön* «приходить», калькирующее, по-видимому, как раз с.-х. *доходак*), и поэтому не является безупречной параллелью к словам типа русск. *доход*, польск. *dochód*, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от глагола *dochoditi*, имеющего в восточно- и западнославянских языках другое значение («доходить до какого-либо предела»). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. *доход*, словен. *dohod* «доход» следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать о мак. *доход*, в котором уже само наличие -х- указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведенный в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Все это позволило бы рассматривать **dochodъ* «proventus, tributum» как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного **dochodъky*). Однако оказывается, что *доходъ* в данном значении нельзя считать даже общевосточнославянским, так как фиксация др.-русс. *доходъ* с XIV в. (принимаемая в СПрасл. 1974–1983 вслед за СРЯ 1975–2008, 4, 345) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово *доходъ* в указанном значении действительно засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. («Нѣции же рустии человѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко “много безчислено имать *дохода*, и злата, и сребра и всякаго богатства”»), ПСРЛ IX–XII 1965, X, 215), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. (по новейшим исследованиям – в период между 1526–1530 гг., Клосс 1980, 51). Примеры, приведенные И. И. Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 и 1379 гг., данных русским митрополитам (Срезневский 1893–1903, I, 719), также не могут свидетельствовать об известности слова *доходъ* в великорусском языке XIII–XIV вв., так как оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках сер. XV в. (см.: ПРП 1952–1959, III, 465–491), а читается только в т. н. «пространной» и «смешанной» коллекциях ханских ярлыков, возникших путем переделки и дополнения (т. е. фальсификации) т. н. «краткой» коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. (Приселков 1916, 47–50; слово *доходъ* в одном

из списков «смешанной коллекции» см.: Приселков 1916, 110). Таким образом, употребление слова *доходъ* в списках этих двух позднейших редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т. е. в 1-й пол. XVI в. Пример И. И. Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVII в.). Единственный пример у И. И. Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современного датировке употребления слова *доходъ*, восходит к жалованной грамоте Ягайло своему брату Скиригайлу 1387 г., изданной по подлиннику (см.: Пешак 1974, 74–79); эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а западнорусского делового языка. Таким образом, до указанной грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова *доходъ* в великорусском (в КДРС после указанной выше, вошедшей в СРЯ 1975–2008 цитаты из Никоновской летописи следует фиксация слова *доходъ* в цитируемой нами грамоте Ионы, а затем фиксации в великорусском актовом материале начиная с 1585–1586 гг.); имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в западнорусском начиная с последней четв. XIV в. (ССУМ 1977–1978, I, 323). В западнорусской деловой письменности XIV–XV вв. слово *доходъ* является самым частотным членом синонимического ряда *доходъ* (457 словоупотреблений в источниках ССУМ 1977–1978) – *приходъ* (76 раз, ССУМ 1977–1978, II, 249) – *пошлина* (92 раза, ССУМ 1977–1978, II, 218); между тем как в великорусской письменности до самого кон. XV в. случаи употребления этого слова являются sporadическими, и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополичьей канцелярии, связанном с Западной Русью. Отметим, что слово *доходъ* к этому времени закрепилось в западнорусском языке не только как общее название всякого рода поборов в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это следует, например, из жалованной уставной грамоты упомянутого выше киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1414 г., данной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре, Исидору: «есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему Сидору <...> села вся ц(е)рк(о)вьная, и земли, и съ всѣми *доходы*»; «а так же воиводы <...> не въступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди и въ вси *доходы*, и въ все пошлины, и ни въ что»; «съ всѣми *доходы* <...> и съ всѣми пошлинами» (Щапов 1976, 180). Слово *доходъ* часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: «нашимъ предкомъ и намъ дани шли и *доходы* съ тѣхъ волостей и наши

много пошлины <...> а нынѣ намъ отъ колка лѣтъ даний и *доходовъ* нѣтъ съ тыхъ нашихъ волостей» (СРИО 1882, 15); «абы наши данники тыи дани и *доходы* исполняли намъ по давному» (СРИО 1882, 48).

Закрепление слова *доходъ* в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в. Приведем пример в dokonчании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г.: «и Мещерские волости с оброки и з *доходы* по старинѣ» (ДДГ 1950, 339); многочисленные случаи употребления слова *доходъ* фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495–1501 гг.: «и всего *дохода* деньгами пол-шеста рубля ноугородцкая»; «и принимает к старому *доходу* денгами три рубли»; «а мелкого *дохода* тринадцать боранов» и т. д. (Кочин 1935, 107; ср.: Кочин Сл. 1937, 103). К сер. XVI в. слово *доходъ* становится повсеместным в великорусских документах, ср.: «а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и *доход* всякой со крестьян имати» (АФЗХ 1951–1961, II, 195); «пожаловал есми теми селы и деревнями <...> со всеми угоды <...> и з *доходом* з денежным и с хлебным» (АФЗХ 1951–1961, II, 260). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено разговорным языком. Уже в 1-й пол. XVI в. слово могло употребляться в церковнославянском языке, как, например, в речи против нестяжательских взглядов Максима Грека митрополита Даниила, произнесенной на соборе 1531 г.: «Да ты же, Максим, святые божия соборныя апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и *доходы*, и села имеют» (Клосс 1980, 97). Отметим, что слово *доход* в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении «окончание, приближение к концу»; известны лишь единичные записи производных от *доход* «прибыль»: *доходка* «прибыль, доход» (Московская губ., 1908 г.) и *доходный* «являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход» («Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60», Владимирская губ., 1912 г.; СРНГ 1965–1983, VIII, 160–161).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. *доход*, можно констатировать, что приведенный материал довольно убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из западнорусского. Правда, в русском языке второй пол. XVII в. отмечаются отдельные случаи употребления глагола *доходити* в значении «поступать в качестве дохода» (СРЯ 1975–2008, 4, 346), которое могло бы мотивировать существительное *доходъ* «прибыль»; однако, принимая во внимание путь распространения слова *доходъ* из западнорусского в великорусский, а также факт, что континуанты прасл. **dochoditi* в подобном значении не засвиде-

тельствованы ни в одном другом славянском языке (ср.: ЭССЯ 1974–1984, СПрасл. 1974–1983), несостоятельность этимологии, согласно которой *доходъ* на великорусской почве мотивировано глаголом *доходити*, становится очевидной. Следует принять, что, наоборот, позднее и редкое русск. *доходити* в указанном значении мотивировано прочно вошедшим в лексическую систему русского языка уже в XVI в. существительным *доходъ*.

Существительное *доходъ* не мотивировано глаголом *доходити* также в западнорусском. В староукраинских памятниках XIV–XV вв. глагол *доходити* засвидетельствован всего лишь два раза и в обоих случаях в конкретном пространственном значении (ССУМ 1977–1978, I, 322–323). В связи с этим можно предположить, что зап.-русск. *доходъ* было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, *dochód* засвидетельствовано несколько позднее (1428 г., ССтп 1953–2002, II, 906), чем в староукраинском, но, имея в виду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова *dochód* в древнепольском намного раньше его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное число несомненных полонизмов, зафиксированных в западнорусских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка (см.: Гумецкая 1969, 219–228; Гумецкая 1971, 113–918; Золтан 1978, 215–296). Поскольку, однако, глагол **dochoditi* в древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного *dochód* (ср.: ССтп 1953–2002, II, 105–106), нам кажется вполне вероятным, что данное слово и в древнепольский было заимствовано в готовом виде — из древнечешского, в котором *dóchod* засвидетельствовано в первичном своем значении «результат», мотивированном древнечешским значением глагола *dochoditi/docházěti* — «достигать» (см.: Гебауэр 1903–1916, I, 282–283), которое в древнепольский могло перейти в более узком, специально экономическом значении как «результат экономической деятельности, польза от нее, доход». Таким образом, современное общеславянское распространение данного слова обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей его миграцией, «цепной передачей» (по выражению А. Шенкера: Шенкер 1983, 257) из одного славянского языка в другой.

Отметим, что западнорусизмом в великорусском следует считать не только *доход*, но также *приход* в значении «прибыль», которое в великорусском деловом языке появилось, по-видимому, позже (в словаре И. И. Срезневского в данном значении еще не отмечается, см.: Срезневский 1893–1903, II, 1488–1489), а в XVII в. употреблялось не только как антоним слова *расход*, но как полноценный синоним слова *доход*, ср., у Котошихина *доход*

засвидетельствовано 37 раз, а *приход* (в синонимическом значении) – 26 раз (Пеннингтон 1980, 473, 644). В материалах КДРС слово *приходъ* в данном значении засвидетельствовано впервые в цитированной нами выше в другой связи соборной грамоте литовских епископов о поставлении Григория Цамблака 1415 г., в которой митрополит Фотий обвиняется в том, что он «ниже бо хотяше сѣдѣти у церкви <...>, но точію *приходы* церковныя сбирати и живяше индѣ. и старая устроєніа и честь кієвскоѣ церкви на ино мѣсто полагаше» (РИБ VI 1908, 310–311). В церковнославянских памятниках, а реже также в великорусских грамотах, в значении «прибыль, доход» на протяжении XI–XVII вв. употреблялось слово *прибытокъ* (КДРС), заимствованное, по-видимому, из ст.-сл. *прибытъкъ* «прибыль, доход» (Садник, Айцетмюллер 1955, 103). В указанной соборной грамоте наряду с *приходъ* употреблено и *прибытокъ*: «И царь Моноиль не восхотѣ послушати прошенія его [Витовта. – А. 3.] праведнаго, своихъ дѣля *прибытковъ* неправедныхъ» (РИБ VI 1908, 311). Поскольку в украинских грамотах XIV–XV вв. *прибытокъ* вообще не засвидетельствовано (ср.: ССУМ 1977–1978), несомненно, что в этом церковнославянском тексте *прибытокъ* является традиционным элементом книжного языка, а *приходъ* – отражением западно-русского разговорного субстрата (ср. аналогичное явление употребления титулов *господарь* и *господинъ* по отношению к Витовту в этом же тексте, см. ранее, гл. 1). Как было отмечено выше, слово *приходъ* в данном значении в западнорусском засвидетельствовано уже в памятниках XIV–XV вв. (ССУМ 1977–1978, II, 249); зап.-русс. *приходъ* имеет точную аналогию в др.-польск. *przychód* «доход» (ССТп 1953–2002, VII, 240–241).

Наличие западнорусских элементов в указанных грамотах митрополита Ионы о назначении митрополичьих наместников для западнорусской церкви было бы проще всего объяснить тем, что их составление было поручено кому-то из местного западнорусского духовенства во время пребывания Ионы в Литве; в пользу такого объяснения говорит место написания грамоты: «Данъ листь сій въ Новѣгородку», т. е. в Новгородке Литовском (совр. Новогрудок в Белоруссии). Такое объяснение, однако, представляется не единственно возможным и даже не самым вероятным. Как было указано выше, западнорусизмы встречаются уже в тех грамотах Ионы, которые были написаны до 1451 г. Анализ других грамот митрополита Ионы приводит нас к выводу о том, что такая грамота могла быть составлена в митрополичьей канцелярии в Москве, так как западнорусская лексика обильно представлена в тех грамотах, которые датированы в Москве.

Так, в послании смоленскому епископу Мисаилу 1454 г. митрополит Иона пишет: «Вѣдаете, сыну, и прѣжнее, что ся състало отъ того князя Ива-

на Андреевича надъ нашимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣишимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его Осподаремъ надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, какая *шкота* <...>, а сыну нашему Великому Князю, у нужи, по слѣду Князя Ивана *достати*, да въ обиду ему себе не мощно *поддати* <...>. А сыну нашему пану Михаилу *канцлерю* говорилъ бы еси, чтобы христіанства дѣля, также о томъ поберегль» (АИ 1841, 104).

Слово *шкота*, *щкота*, *шкода* «убыток, вред» было широко распространенным в западнорусском деловом языке XV в. (ССУМ 1977–1978, II, 559–560; Булыко 1972, 364; ср.: Ильенко 1958, 7); оно восходит через польск. *szkoda* к др.-в.-нем. *scado* (ср. нем. *Schade* «убыток, вред» (см.: Тамань 1960, 123; Гардинер 1965, 242; Кохман 1967, 145; Собик 1969, 366)). На неисконность глагола *доставати/достати* в значениях «раздобыть, приобрести; овладеть» в великорусском впервые обратил внимание С. Кохман (Кохман 1967, 106); к этой точке зрения присоединилась и А. Пеннингтон (Пеннингтон 1980, 387). Оба автора рассматривают глагол *доставати/достати* в данном значении как новое явление в русской лексике XVII в., возникшее под влиянием польск. *dostawać/dostać* «раздобыть, получить». Необходимо в связи с этим уточнить, что данный глагол, кроме цитированной грамоты митрополита Ионы 1454 г., засвидетельствован также в московском проекте договора Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: «А почнешь, брате, ты *доставати* своего отчъства Княжества Кіевскаго <...>» (ПДС 1851, 39; московский текст этого договора отличается, впрочем, явными западнорусизмами, ср. дальше: «а будетъ нам *валка* съ Казимиромъ съ Королемъ <...>»; другие ранние примеры из подобного рода памятников см.: СРЯ 1975–2008, 4, 333–334); кроме того, известны единичные случаи употребления глагола *доставати* в указанном значении также в московских грамотах 2-й пол. XV в., ср.: «доставати своеѣ ѡтчины и дѣдины» (ДДГ 1950, 200), так что широкое распространение данного глагола можно отнести к XVII в., но в московском канцелярском языке он был известен уже в XV в., и это обстоятельство свидетельствует о том, что новое значение русск. *доставати/достати* появилось не под непосредственным польским воздействием в XVII в., но уже раньше и, по-видимому, через посредство западнорусского языка.

Глагол *поддати*, *поддатися* и производные – *подданный*, *поддание* – рассматриваются исследователями единогласно как заимствования из польск. *poddać, poddać się, poddany, poddanie*, которые, в свою очередь, калькируют соответствующие латинские слова (ср. лат. *subditus* «подданный», см.: Фасмер 1953–1958, II, 383; Фасмер, Трубачев 1964–1973, III, 296; Кохман 1967, 130; Собик 1969, 299–300).

По КДРС первая фиксация глагола *поддати* относится к посланию Василия II константинопольскому патриарху 1441 г.: «[Исидор] къ сему же *подда* и поработи насъ подѣ отлученную многих ради ересей святыми и богоносными Отци Римскую церковь и Римскаго папу» (АИ 1841, 74; такая же грамота, но адресованная византийскому императору, включена также в Софийскую II летопись под 1438 г., см.: ПСРЛ VI 1853, 165). Судя по церковнославянскому языку этой грамоты, она была написана в митрополичьей канцелярии. Как известно, грамота эта не была послана, так как «прииде вѣсть, яко царь отъиде въ Римъ на царство и ста въ Латынскую вѣру; и [князь великий] пославъ пословъ възвратити воспать» (ПСРЛ VI 1853, 167); в 1460–1461 гг. она (или копия с нее) находилась, по-видимому, в митрополичьей канцелярии, так как Иона, несомненно, воспользовался ею при составлении своей грамоты 1460–1466 гг. тому же смоленскому епископу Мисаилу; ср. текстуальное совпадение этой грамоты с грамотой Василия II 1441 г.: «къ сему же *поддати* и поработити хотя насъ под отлученную, многих ради ересей, святыми Отци римскую церковь, подѣ римскаго папу» (РИБ VI 1908, 660). Данные ранние фиксации слова позволяют отнести его к западнорусизмам (ср.: ССУМ 1977–1978, II, 164–165) в великорусском языке.

Слово *канцлер*(ь) заимствовано не прямо из немецкого, как принято считать в этимологических словарях русского языка, которые датируют появление слова XVII в. (Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 182; ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 8, 50), а из западнорусского (ср.: ССУМ 1977–1978, I, 470), в котором оно восходит к немецкому источнику (*Kanzler*) через польское посредство (*kanclerz*) (ср.: Кохман 1967, 65).

В великорусских памятниках XV–XVII вв. это слово употреблялось только по отношению к польско-литовским и западноевропейским должностным лицам; в России должность канцлера была введена Петром I в 1709 г. (Сергеев 1971, 177–180; ср. также: СРЯ 1975–2008, 7, 60–61).

В 1458 г. Иона назначает своим западнорусским наместником полоцкого архимандрита Каллиста. В соответствующей грамоте он обращается к Каллисту как к «нареченному въ настоятельство того священного *столица*», т. е. киевской митрополичьей кафедры. В данном значении («трон, престол; архиерейская кафедра») в древнерусском, как и в старославянском, употреблялось слово *столь* (Срезневский 1893–1903, III, 517; Садник, Айцетмюллер 1955, 124); в западнорусском языке XV в. распространилась форма *столецъ* (ССУМ 1977–1978, II, 388–389) под влиянием др.-польск. *stolec* «трон; столица» (Булыко 1972, 308), которое в польском языке лишь в XVI в. было заменено богемизмом *stolica*, заимствованным позже (в нач. XVII в.) из польского также в русский язык (Кохман 1970, 73–75; Кохман 1975,

129–130). В великорусских памятниках *столиць* > *столець* засвидетельствовано в разных значениях, но в значении «трон; кафедра» поздно и в контекстах, относящихся явно к Западной Руси (Срезневский 1893–1903, III, 519–520; Кохман 1970, 73; Кохман 1975, 929; ср. также: КДРС). Слово *столець* засвидетельствовано, впрочем, также в настольной грамоте Казимира IV митрополиту Ионе 1451 г.: «и дали есмо ему *столець* митрополичь Кіевський и всея Руси» (РИБ VI 1908, 564–565).

Западнорусизмы встречаются и в грамотах Ионы, адресованных в великорусские области, как, например, в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу около 1451 г.: «А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, великіе *господаре*ве, будучи и не наша вѣры, также и *княжата* и *панове* тое вѣры <...> какую великую честь держать» (РИБ VI 1908, 574; ср.: АСЭИ 1952–1964, III, 25). Здесь употребление лексических западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение католических литовских князей и магнатов к православной церкви в Литве.

На западнорусское происхождение писца этой грамоты, известной по московскому списку около 1535 г., указывает наличие в тексте форм сложного будущего времени, образованных при помощи глагола *буду* + + инфинитив: *а не вѣборониш(ь) мена тѣ, мои с(т)ыниѣ, и тѣ поберегисѣ вѣзданиа шт б(о) га, іаъ бѣдѣ сѣ шт ни хъ боронити законом б(о)жымъ что ни бѣдѣт именувати(ь) християни* (АСЭИ 1952–1964, III, 25). Употребление этой конструкции как во время составления цитированной грамоты, так и во время возникновения сохранившегося списка можно объяснить только западнорусским влиянием, так как сложное будущее с *буду* + + инфинитив выступает в западнорусских грамотах XIV–XV вв. уже как обычная грамматическая форма (ср.: Станг 1935, 49; Укр. Морф. 1978, 328), между тем как в великорусском оно было чуждым письменному языку еще в сер. XVII в. (Котков 1974, 265–266; ср.: Кржижкова 1960, Пеннингтон 1968; Горшкова, Хабургаев 1981, 323–325). Характерно, что Котошихин в своем большом произведении «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667) употребляет эту конструкцию всего лишь один раз, и то вкладывая ее в уста иностранных послов, между тем как в своем коротком письме шведскому сенату 1666 г., изобилующем лексическими полонизмами, он употребляет ее три раза (Пеннингтон 1980, 281).

Есть случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста. В послании в Новгород, датированном условно 1448–1458 гг., засвидетельствован явный западнорусизм *збродень*: «еще же и наимовати на то на злое и богоненавистное дѣло <...> *збродней*, пьянчивыхъ

и кровопролитныхъ человекъ» (РИБ VI 1908, 549). Слово это приводится И. И. Срезневским в реконструированной форме *съброднь* и толкуется как «сброд» (Срезневский 1893–1903, III, 653); ср., однако, зап.-русс. *збродень* «преступник», заимствованное из др.-польск. *zbrodzień* «преступник» (см.: Булыко 1972, 118; ср.: Брюкнер 1970, 648; Варш. сл. 1900–1927, VIII, 392; Речек 1968, 636).

По КДРС (*сбродень*) это слово засвидетельствовано еще в грамоте Пскова Риге 1463–1465 гг.: «не даваите воли такимъ *зброднямъ* над нашими купчинамы» (ГВНП 1949, 323) – и в Рогожском летописце (сп. XV в.) под 1354 г.: «князь Олегъ <...> съ своими Рязанци съ потаковники ему *сбродни*, много зла христіаномъ сътвориша» (ПСРЛ XV 1965, I, 63). Слово это не получило распространения в великорусском, и, по-видимому, оно не связано прямо со словом *сброд*, которое в КДРС отмечается только с XVII в.

Возможно, что к западнорусизмам следует отнести наречие *зався*, *завсе* «всегда», которое засвидетельствовано в грамотах Ионы, адресованных как в великорусские области, так и в Литву, как, например, в послании в Вятку (ок. 1452 г.): «*зався* своему господарю, великому князю, грубите и приставае к его недругу» (РИБ VI 1908, 591); ср. также в послании 1459 г. в Литву: «желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быти у васъ» (РИБ VI 1908, 633). Под влиянием митрополичьей канцелярии могло попасть это слово в церковнославянскую грамоту Василия II византийскому императору Константину Палеологу 1451–1452 г.: «*Завсе* [так в издании. – А. З.] того жалахомъ и проискывахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ» (РИБ VI 1908, № 71, 582 – КДРС). Правда, *завсе/завсѣ/завсѣ* «всегда» широко распространено и в северновеликорусских говорах (СРНГ 1965–1983, IX, 342), однако следует учитывать, что на протяжении XV–XVI вв. наречие *завсе* употреблялось главным образом в языке московской дипломатии; ср., например, с наказом московским боярам, проводившим в 1495 г. Елену Ивановну в Литву: «да молвити о томъ, какъ пригоже, чтобы паніи не *завсе* сидѣли у княжны въ тапканѣ» (СРНО 1882, № 31, 167). Большинство фиксаций слова *завсе* в КДРС относится также к памятникам дипломатических сношений XV–XVI вв., великорусское диалектное *завсе* отражается, по-видимому, только в единственном примере кон. XV в., вошедшем в СРЯ 1975–2008 – в великорусской грамоте около 1492 г., в которой цитируется свидетельство местного жителя: «А Есип, г(о)с(поди)не, самъ *завсе* въ дворѣ жилъ у кн(я)зя Андрѣя Дмитриевича» (АСЭИ 1952–1964, II, 244 – СРЯ 1975–2008, 5, 160). Нам кажется, что в памятниках церковной дипломатии около сер. XV в. наречие *завсе* могло употребляться скорее под влиянием западнорусского делового языка, чем великорусской

диалектной речи. Зап.-русск. *завсе* «всегда» (ССУМ 1977–1978, I, 372) образовано по аналогии польск. *zawsze* «всегда» (Карский 1962, 247).

Если употребление западнорусской лексики в грамотах, адресованных в Западную Русь, объяснимо участием в их составлении выходцев из Западной Руси, хорошо знающих западнорусскую социально-экономическую терминологию, которые обличают себя иногда и употреблением нетерминологической западнорусской лексики (вроде *посполно* «совместно»), а также некоторых западнорусских грамматических форм (*есмо* вм. цсл. *есмы* или ст.-русск. *есмя*) и конструкций (*до* + род. п. вм. к + дат. п. при глаголах *послать*, *прийти*), то приведенные примеры из митрополичьих грамот, адресованных в великорусские области, свидетельствуют о том, что деятельность «западнорусского отделения» канцелярии митрополита Ионы не ограничивалась составлением документов, связанных с делами западнорусской церкви, но оно принимало участие в составлении некоторых посланий великорусским адресатам.

В «западнорусском отделении» канцелярии митрополита Ионы были, несомненно, составлены две грамоты около 1455–1456 гг., адресованные в Казань: «достоинѣю честь великому ти *господарьству* симъ нашим писаниемъ послали *есмо*, слыша, что же вышнаг(о) б(о)га силою держишь свое *господарьство*, всимъ кѣпцемъ нашимъ и иныхъ земель кѣпцемъ *щкоты* и убытковъ нѣтъ никоторыхъ ни ѿт кого <...>. И на то надѣяс(ь) послали *есмо до Казани* сего своего слѣгоу Агафона» (АСЭИ 1952–1964, II, 26); «Послалъ *есмо до Казани* сего своего слѣгоу Агафона <...> ѿ чемъ бѣдетъ томъ нашемъ ч(е)л(ове)ку надобѣ <...> *до волнаго ц(а)ра достѣпити*, и ты бы <...> печаловался <...> чтобы тот нашъ ч(е)л(ове)къ и *до нас* приѣхал *добровольно* и безъоубыточно» (АСЭИ 1952–1964, III, 27). В этих небольших текстах, сохранившихся, как и другие грамоты митрополита Ионы, в московских списках 1-й пол. XVI в., обращает на себя внимание большая концентрация лексических и грамматических западнорусизмов, что позволяет предположить, что оригиналы этих грамот были написаны вообще на западнорусском языке, т. е. мы имеем дело не с западнорусскими вкраплениями в великорусских текстах, а с западнорусскими текстами, сохранившимися в великорусских списках.

Из лексических западнорусизмов, кроме отмеченных в связи с предыдущими грамотами, укажем еще на глагол *достѣпити*, который в таком же значении («получить доступ») появляется позже у Ивана Пересветова (см.: Тамань 1960, 99–101), связанного своим происхождением с Западной Русью. Зап.-русск. *достѣпити* (ср. укр. *доступити* «приступить, подойти» – Гринченко 1907–1909, I, 432; ССУМ 1977–1978, II, 390; в староукраинском актовом материале засвидетельствована только форма несов. вида

доступоватыся – ССУМ 1977–1978, I, 321; ср. польск. *dostępować*, несмотря на слабую засвидетельствованность глагола *доступити* в украинских грамотах, его известность в западнорусском не подлежит сомнению ввиду его фиксации в Ипатьевской летописи в составе Киевского летописного свода, см.: СРЯ 1975–2008, 4, 341) калькирует польск. *dostąpić*; кроме засвидетельствованного в данной грамоте значения этот глагол встречается в великорусских памятниках XVI–XVII вв. также в военном значении «атаковать» (Срезневский 1893–1903, I, 717; Кохман 1967, 63, 106).

К западнорусизмам следует отнести, по-видимому, и наречие *добровольно* «беспрепятственно, свободно». В этимологических словарях русского языка слова *добровольно*, *добровольный* не приводятся. Их этимология, на самом деле, очевидна, однако их история в великорусских памятниках указывает на то, что они возникли не на великорусской почве, а были заимствованы в готовом виде из западнорусского. Характерно при этом, что наречие *добровольно* появляется в великорусских памятниках раньше, чем прилагательное *добровольный* (не считая приведенную И. И. Срезневским фиксацию прилагательного *добровольный* из сочинений Иоанна, экзарха болгарского, по списку XII в. в другом значении – «достойный», которое явно сюда не относится, ср.: Срезневский 1893–1903, I, 675). По КДРС первая известная фиксация наречия *добровольно* относится к жалованной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, датируемой 1435–1447 гг. и дошедшей до нас в списке XVI в.: «А торгуютъ и в озере у неводов *добровольно* сущом и рыбобоу» (АСЭИ 1952–1964, II, № 77, 48). Из грамот, сохранившихся в подлиннике, *добровольно* появляется почти одновременно в Новгороде и Москве; ср. в новгородско-ливонском договоре 1448 г.: «А приѣхати имъ на тои съѣздъ и розѣхатися *добровольно*, безо всякой пакости, по сему крестному челованью» (ГВНП 1949, 118) 0 и в договоре великого князя Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем, датируемом кон. 1448 – 1-й пол. 1449 г. Этот документ был составлен после поставления Ионы в митрополиты и по его «благословению»; как было отмечено выше (1.2), это первая известная договорная грамота, в которой московский великий князь называет себя «господарем» (а не «братом старейшим», как это было принято в более ранних княжеских договорах) по отношению к одному из удельных князей. В этой грамоте читается статья, согласно которой «А болюром, и дѣтем болюрьским, и слугам *добровольно* межи нас волным вола» (ДДГ 1950, 157, 159). В более ранних московских договорных грамотах статья подобного содержания была сформулирована без слова *добровольно*: «А болюром и слугам меж нас волным вола» (ДДГ 1950, 71; ср. так-

же: ДДГ 1950, 81, 83, 86, 88, 91, 94, 97, 99, 102, 104, 109, 111, 114, 116, 120, 122, 124, 126, 128, 131, 134, 137, 140, 145, 148); многочисленные фиксации данной статьи свидетельствуют о том, что она переходила автоматически из текста одного договора в другой без изменений; в грамоте 1448–1449 гг. в эту статью вдруг неорганически вставлено слово *добровольно*. Слово *добровольно* выступает в этой грамоте еще раз, в статье о торговле: «А гостем нашим всего нашего великог(о) кн(а)ж(е)ныа гостити и торговати в твои вотчинѣ, в твои державѣ, *добровольно*, без зацѣпок и без пакости» (ДДГ 1950, 157, 159); поскольку здесь выступает наречие *добровольно* рядом с другим несомненным западнорусизмом *зацѣпка* (о нем см. далее), мы должны предположить, что данная грамота была составлена не только «по благословению» митрополита Ионы, но и при активном участии его канцелярии (на участие митрополичьей канцелярии указывает, на наш взгляд, то, что Иона – сразу после поставления на митрополичий престол – назван в тексте «святым»: «А ѿ чем с[а] [судь]и сопрут, ино им третей ѿтець наш, с(ва)ты Іюна, митрополит всея Рус(и) – ДДГ 1950, 157, 159); ср. статью подобного содержания в тверско-литовском договоре 1427 г. (тверская грамота): «А людемъ нашимъ, гостемъ, гостити межи насъ путь ч(и)сть, без рубежа и без пакости» (ДДГ 1950, 63). Следующая фиксация наречия *добровольно* относится к dokonчанию Василия II с Казимиром IV 1449 г. (сохранилась московская грамота в западнорусском списке XVI в.): «А которыи люди с которых мѣсть вышли *добровольно*, ино тым людем волнымъ вола, где хотѣтъ, тутъ живѣтъ. А которые люди выведены ѿтоле невольнѣ <...>, ино их ѿпустити *добровольно* зъ их статьи къ ихъ мѣстомъ» (ДДГ 1950, 962); во втором случае наряду со словом *добровольно* выступает другой западнорусизм – *статки* (см. далее). Имея в виду наличие западнорусизмов в более ранней и сохранившейся в подлиннике московско-суздальской договорной грамоте, мы не вправе предположить, что эти западнорусизмы попали в текст московской грамоты при ее переписывании в Литве; они должны были быть уже в московском оригинале. Если учесть сказанное на основе исторических сведений об участии митрополита Ионы в дипломатической подготовке этого договора, то становится вполне вероятным, что его канцелярия участвовала в составлении этой великокняжеской грамоты. Все известные историческим словарям русского языка фиксации наречия *добровольно*, а также прилагательного *добровольный* относятся к более позднему времени (СРЯ 1975–2008, 4, 259; Срезневский 1893–1903, I, 674–675), между тем как в западнорусских грамотах данное слово богато засвидетельствовано уже начиная с 1366 г. как в значении «беспрепятственно, свободно», так и в значении, сохранившемся доныне в русском языке, – «без

принуждения, по собственной воле» (ССУМ 1977–1978, I, 306; в первом значении см. также в полоцкой грамоте 1407 г.: «штобы полочаном *добровольно* ехат(и) к Ризѣ, также рижаном к Полоцку без всакоа завады, ни одног(о) не выемши, *добровольно* ему купит(и) и продат(и)» – Полоцкие грамоты 1977–1978, I, № 38, 109). На неисконность наречия *добровольно* в великорусском указывает и то обстоятельство, что оно появляется в памятниках раньше, чем мотивирующее его прилагательное; можно допустить, что, наоборот, употребление прилагательного *добровольный* в сочетании *добровольные люди* в псковских летописях при описании событий 60–70-х гг. XV в. (СРЯ 1975–2008, 4, 259) мотивировано именно наречием *добровольно* в значении «свободно». Наречие *добровольно* «по собственной воле» засвидетельствовано в Геннадиевской Библии 1499 г., в составе переведенной с латинской Вульгаты книге Ездры (I. 4): «**что доброволно принесѣтъ црѣкви бѣжи**» (ср. лат. «*quod voluntarie offerunt templo Dei*» – КДРС).

Следует отметить, что как наречие *добровольно*, так и прилагательное *добровольный* засвидетельствованы в русских народных говорах весьма слабо: в СРНГ 1965–1983 (СРНГ 1965–1983, VIII, 77) *добровольно* представлено всего лишь одной записью в значении «постепенно, само по себе» (Курская губ., 1915 г.), а *добровольный* – двумя записями (*добровольная собака*, Якутия, 1901 г., и *добровольный рой*, без указания места, 1856 г.). В значении «добровольно, по доброй воле» фиксируется еще наречие *доброволь* (Якутия, 1901 г. и Костромская обл., 1945 г.); существительные *доброволец*, *доброволецка* «беглый крестьянин», «беглая крестьянка» засвидетельствованы только в смоленских говорах (1914). Все это подтверждает неисконность слов *добровольно*, *добровольный* в великорусском. Зап.-русс. *добровольный*, *добровольно*, *добровольнѣ* заимствованы, очевидно, из др.-польск. *dobrowolny*, *dobrowolnie* (ССТп 1953–2002, II, 78–80), где наречие *dobrowolnie* также имеет значение «свободно, беспрепятственно» и «по собственной воле, без принуждения», ср. также др.-чешск. *dobrovolný* «добровольный» и *dobrovolně* «добровольно» (с XIV в.), Гебауэр 1903–1916, I, 175); нам кажется, что значение «по собственной воле» возникло в западославянских языках под влиянием нем. *gutwillig* «добровольный, добровольно», так как сочетанием **dobra vol'a* непосредственно мотивировано лишь значение типа «благосклонный, доброжелательный», также засвидетельствованное в древнепольском (ССТп 1953–2002, II, 81), хотя в данном случае можно считать с влиянием лат. *benevolus*. Во всяком случае, история слов *добровольно*, *добровольный* на восточнославянской территории свидетельствует об их миграционном характере, поэтому, на наш взгляд, возникновение сложного прилагательного *dobrovol'nyъ*, а также наречия *dobrovol'no/*

dobrovol'ně нельзя отнести к праславянскому лексическому фонду, как это принимается на основе их общеславянского распространения в этимологических словарях праславянского языка (ЭССЯ 1974–1984, вып. 4, 45; СПрасл. 1974–1983, IV, 308–309).

В связи с указанными грамотами митрополита Ионы, адресованными в Казань, необходимо отметить, что имеется одно летописное известие, текст которого также свидетельствует о том, что около сер. XV в. западнорусский язык мог использоваться в великорусско-татарских сношениях. В летописном известии 1447 г.: «Татарове же рекоша: “а мы пришли ис Черкас <...>, слышали бо про великого князя, что братия над ним *израду* учинили и они пошли искати великого князя за преднее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его *до нас* было”» (ПСРЛ XXV 1949, 268; ср. также: ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII 1913, 120; СРЯ 1975–2008, 6, 201). Эти татары (или их переводчики) говорили, по-видимому, на западнорусском языке, ср. конструкцию *до нас* вм. *к нам*, а также слово *израда* «измена, предательство», заимствованное из зап.-русс. *зрада*, *израда* «измена» (Ильенко 1958, 12; ср.: ССУМ 1977–1978, I, 408), которое восходит к польск. *zdrada* (Тамань 1960, 114–115; Булыко 1972, 120), калькирующему ср.-в.-н. *verrât* (Брюкнер 1970, 650; Фасмер 1953–1958, I, 462, 475).

Если слова западнорусского происхождения, отмеченные в грамотах митрополита Ионы 1448–1458 гг., относятся преимущественно к светской сфере, то в его грамотах после 1458 г. засвидетельствовано большое число западнорусизмов, употребление которых обусловлено острой антиуниатской полемикой, вызванной тем, что в 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «чрезъ свой листь» (РИБ VI 1908, 709) принял в качестве киевского митрополита «Исидорова ученика» Григория, поставленного римским папой и константинопольским патриархом-униатом Григорием Маммой (см.: Прохаска 1923, 59–64; Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 414–531; Грушевский 1905, 385–422; Ходыницкий 1934, 50–63 и др.), и, таким образом, «сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ» (ПСРЛ VI 1853, 169). С этим событием связана оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами, в которой, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже со времен Флорентийского собора, а с другой – появляются также некоторые новые заимствования из западнорусского.

К новым заимствованиям, не встреченным в произведениях о Флорентийском соборе, относится слово *отщепенец* «схизматик». В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским: «Григорей не истинный митрополит, но ложный, носить съ собою *листы* папины <...>, а въ тѣхъ

листѣхъ пишеть на осподина нашего Іону, митрополита кїевскаго и всея Руси, а именуеть его *отщепенцемъ*» (РИБ VI 1908, 633); в послании, датируемом кон. 1460 г. или нач. 1461 г., сам Иона цитирует это обвинение: «Нынѣ пакъ, слышимъ, пришелъ туто къ вамъ въ литовское *господарство* отъ римския церкви ученикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григоріе (а именуеть себе митрополитомъ кїевскимъ и всея Руси) съ *папезьскими листы*, да и съ первоначалника отступника съ патриаршими Григорьевыми грамотами и съ Сидоровыми; и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, *кгардиналомъ*, а мене пишутъ *отщепенъцемъ*, а сами будучи зліи отступници отъ православія» (РИБ VI 1908, 558); последнюю фразу – по другому списку – ср.: «и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, *кгардиналомъ*, а мене пишутъ *отщепенъцемъ*, рекше *отступникомъ*» (АИ 1841, 505). Сохранение написания *кгардинал* в обоих московских списках 1-й пол. XVI в. однозначно указывает на то, что в данном послании цитируется западнорусский текст «папиных листов», т. е. на то, что соответствующие папские грамоты стали известны в Москве в западнорусском переводе. Один из переводов этих грамот на западнорусский язык (грамоты папы Пия II польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV) сохранился в составе Софийской II летописи (сп. XVI в.); в западнорусском тексте Иона на самом деле назван «отщепенцем»: «А которыи подѣ панствомъ твоего княженія и твоей опеки живутъ, отъ московскихъ и отъ сторонѣ высшіи, которыи стороны черезъ *отщепенца* и противника и тежѣ злочестиваго сына Іону черньца, который же учинился архіепископомъ Рускимъ, и отсѣлъ его, и отнялъ и отвернулъ и отдѣлилъ тую Кїевскую церковь <...>»; «а не припустилъ бы того Іоны *отщепенца*, алюбо которого иного на мѣсто его во архіепископство взяти» (ПСРЛ VI 1853, 168); перевод был сделан, по-видимому, с латыни в Западной Руси, ср. латинский текст: «et que sub tuo temporalі dominio existerent, a Moschouiensi et Russie Superioris partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem eandemque Chieuiensem ecclesiam <...>»; «non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* vel alium loco sui in illis partibus in archiepiscopum recipi» (Прохаска 1923, 69). Зап.-русск. *отщепенец* восходит к др.-польск. *odszczepieniec*, которое калькирует лат. (из греч.) *schismaticus* (см.: Виноградов 1947, 7–12; Булахов 1965, 47–48; ср. также: Кохман 1975, 15). В связи с этим необходимо указать, что папские грамоты о Флорентийской унии, а также грамота Исидора о том же, сформулированные параллельно на латинском и греческом языках, были переведены в Московской Руси на церковнославянский язык (по всей видимости, с греческого текста), и так они и попали в летописи (см., например, ПСРЛ VI

1853, 156–158, 159–160, 160–161), между тем как западнорусский перевод указанной грамоты с латинского языка был выполнен, очевидно, при посредстве польского языка (ср. хотя бы заключительную фразу этого последнего: «А ты, (отъ) того дѣла заслужишь себѣ отплату щастя вѣкуистого, и абы темъ мы высокость твою королевскую слухными хвалами у панѣ Божѣ могли-бысьмо вельбити» – ПСРЛ VI 1853, 169; ср.: «Tuque proinde consequaris premia felicitatis eterne ac nos eciam celsitudinem regiam condignis possimus in domino laudibus commendare» – Прохаска 1923, 69; западнорусский текст можно считать скорее морфонологической транскрипцией польского перевода, чем самостоятельным западнорусским переводом с латинского).

В западнорусском переводе стала известна Ионе латинская грамота Григория Маммы Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. (см.: Прохаска 1923, 71–72). Западнорусский перевод этой грамоты не сохранился, но имеется характерная цитата из него в окружном послании митрополита Ионы западнорусским епископам, датированном 1458–1459 гг.: «[Григорий Мамма] всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуютъ нынѣшня самая его писанія, еже пишетъ сице: “Григорій, милостию божіею *арцибискупъ* константиноградскій” <...>. Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ константиноградскій себе именовалъ “*арцибискупомъ* константиноградцкіимъ?”» (РИБ VI 1908, 622). Поскольку, как мы видели в произведениях о Флорентийском соборе, западнорусское слово *арцибискуп* как в западнорусском, так и в великорусском ассоциировалось однозначно с католическим архиепископом, употребление этого слова в нормальной, впрочем, титулатуре константинопольских патриархов показалось Ионе очевидным свидетельством того, что Григорий Мамма обратился в католичество. Если этот аргумент Иона считал серьезным, а не только риторическим приемом, то это свидетельствует о том, что он читал западнорусский текст как «свой текст», не отдавая себе отчета в том (или – во втором случае – нарочно игнорируя), что употребление в нем слова *арцибискуп* вм. *архиепископ* обусловлено только тем, что переводчиком текста был человек, который мало разбирался в различиях между католической и православной церковными терминологиями. Переводы латинских грамот о назначении митрополита Григория на западнорусский язык были выполнены, по всей вероятности, в литовской великокняжеской канцелярии, где переводчиком мог быть светский чиновник, быть может, даже католик, или, судя по тексту сохранившегося западнорусского перевода грамоты папы Пия II, можно также предположить, что был сделан сперва перевод с латинского языка на польский в латинском отделении литовской канцелярии, который потом был передан в «русское» отделение, где он был переписан западнорусским писцом.

Западнорусские переводы этих грамот были доставлены в Москву, по всей вероятности, посольством Казимира IV к Васлию II, которое имело своей целью уговорить московского великого князя признать митрополита Григория в Москве, «зане бо Іона митрополить престарѣлся уже». Из сообщения Софийской II летописи видно, что грамоты Ионы, в которых цитируются западнорусские переводы грамот Пия II и Григория Маммы, были написаны после приезда королевского посольства и отказа Василя Васильевича («Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же; а Іона митрополить посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не приѣмали благословеніа» – ПСРЛ VI 1853, 169; указание на это посольство имеется, впрочем, и в грамотах самого Ионы: «Нынѣ пакъ, сыну, приѣздили отъ короля къ великому князю посольствомъ о томъ отступницѣ о Григорѣи королевскый писарь Якубъ да Ивашенецъ, о томъ, чтобы его князь великій принялъ и держалъ себѣ отцемъ и богомолцемъ, митрополитомъ» – РИБ VI 1908, 668–669). В связи с этим посольством в великорусские летописи попадает слово *писарь* (заменившее в западнорусском др.-русс. *дьякъ* уже с кон. XIV в., ср. ранее): «Тоя же весны <...> пришелъ на Москву посоль отъ короля Казимира Якубъ *писарь* да Ивашенецъ» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 153; то же: ПСРЛ XXV 1949, 280; ср.: Ильенко 1958, 7–8). В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским кон. XV в. слово *писарь* выступает только как титул польско-литовских канцелярских чиновников, между тем как московский чиновник, занимающий соответствующую должность, продолжает титуловаться древнерусским грецизмом *дьякъ* (см.: Кохман 1971–1974, II, 72–73; ср. неудачную попытку доказать собственно великорусское происхождение слова *писарь* – Чурмаева 1968). Из церковнославянских памятников *писарь* впервые отмечается в Геннадиевской Библии 1499 г., в переведенной с латинской Вульгаты I книге Паралипоменон (XVIII, 16), где оно передает лат. *scriba*; характерно, что слово *писарь* здесь сопровождается на поле глоссой *книжчи* (КДРС).

Грамоты митрополита Ионы, в которых цитируются хотя и небольшие фрагменты западнорусских текстов, интересны между прочим и тем, что в них засвидетельствованы первые случаи того беспереводного цитирования западнорусских документов в великорусских ответных письмах, которым объясняется наличие показательного числа западнорусизмов в московских грамотах, адресованных в Польско-Литовское государство, в частности в дипломатических посланиях Ивана Грозного (ср.: Золтан 1983). Пример отражения посольства «королевского писаря» как в грамотах Ионы, так и в летописях подтверждает существование тесной связи посольской доку-

ментации с летописанием (ср.: Лихачев 1947, 345; Лурье 1955, 175; Казакова 1980, 100) и дает основание привлечь летописные материалы в качестве надежных источников для исследования лексики тех дипломатических актов, которые не сохранились, но пересказываются в летописных известиях, как, например, документы, связанные с женитьбой Ивана III на Софии (Зое) Палеолог в 1472 г. (см. далее).

Основная масса западнорусской лексики в грамотах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы (1448–1461), зафиксирована в документах, адресованных в Западную Русь (*арцибискупъ, достати, доходъ, канцлеръ, листъ, мѣстичъ, отщепенецъ, папезжский, писарь, поддати, польский, посполно, столец*), и это свидетельствует о том, что в обязанности «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии входило в первую очередь делопроизводство, связанное с западнорусской церковью как в годы совместного управления Ионы западно- и восточнорусской церковью (1451–1458), так и до этого времени (1448–1450) и после окончательного разделения двух митрополий (1458–1461). Вместе с тем небольшое число западнорусизмов засвидетельствовано в посланиях великорусским адресатам; часть их в этих грамотах связана с западнорусским контекстом (*княжа, панъ*), другие являются западнорусскими вкраплениями (*зався, збродень*); единственным западнорусским элементом, введенным в великорусский текст сознательно, является, на наш взгляд, элемент великокняжеского титула *отчичъ и дѣдичъ* (ср. 1.3); кроме того, грамоты митрополичьей канцелярии, адресованные в великорусские области, несомненно содействовали распространению и закреплению титула *господарь*, который был заимствован несколько раньше (ср. 1.2). Интересный эпизод представляет собой участие «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в сношениях митрополита Ионы с Казанским ханством; как было отмечено выше, сохранившиеся документы, относящиеся к посольству Ионы в Казань, были написаны на западнорусском языке, в них наряду с лексическими западнорусизмами (*добровольно, доступити; господарство, щкота*; последние два примера засвидетельствованы также в грамотах в Литву) отражаются грамматические особенности западнорусского языка.

В конечном счете количество западнорусских слов, засвидетельствованных в грамотах митрополита Ионы великорусским адресатам, весьма скромно. Тем не менее самый факт существования «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в центре Московского государства свидетельствует о непрерывности использования западнорусского делового языка в дипломатических сношениях Московской Руси, о той традиции использования западнорусского языка в качестве *lingua franca* в диплома-

тическом общении Москвы с Западом, которая отражается впоследствии в посольской документации, сохранившейся с кон. XV в. Немногочисленные, но все же имеющиеся западнорусские вкрапления в грамотах великорусским адресатам, а также некоторые указанные случаи вероятного влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую позволяют предположить, что некоторые западнорусские по происхождению слова, получившие впоследствии широкое распространение в великорусском деловом языке, закрепились в языке государственной администрации под влиянием митрополичьей канцелярии. В некоторых случаях, при решении вопроса о реальной истории отдельных русских слов, первая или ранняя фиксация того или другого слова в грамотах митрополита Ионы зарубежным адресатам не может, разумеется, считаться доказательством его распространенности в великорусском, но тем не менее может осветить ту предысторию этих слов в великорусском, знание которой столь необходимо для прослеживания межславянской миграции слов, особенно тех, которые никакими формальными признаками не обращают внимания на свое инославянское происхождение, как, например, слова типа *доход*, *добровольно*.

Глава 3. ЗАПАДНОРУСИЗМЫ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И В АКТАХ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В 40–70-х гг. XV в.

3.1. Возможность влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую в середине XV в.

В связи с историей слова *добровольно* мы попытались обосновать предположение о том, что «западнорусское отделение» канцелярии митрополита Ионы могло иметь отношение к составлению двух великокняжеских грамот 1448–1449 гг., поскольку в московско-суздальском договоре (ДДГ 1950, № 52) имеется прямое указание на участие митрополита Ионы в подготовке этого акта, а в случае литовско-русского договора (ДДГ 1950, № 53) имеются косвенные свидетельства о посредничестве Ионы между Василием II и Казимиром IV. В принципе, конечно, ничто не противоречит тому, что западнорусские элементы в московский текст грамоты Василия II Казимиру IV могли попасть без участия митрополичьей канцелярии, поскольку при составлении московской грамоты могли воспользоваться литовским проектом, из которого могли перенять формулировки, которые в конце переговоров оказались приемлемыми для московской стороны. Если бы мы ничего не знали о существовании «западнорусского отделения» митрополичьей

канцелярии в этот период, приходилось бы именно так объяснить наличие западнорусских слов в этом московском тексте (исходя из того обстоятельства, что эта грамота сохранилась в списке XVI в., внесенном в Литовскую Метрику западнорусским писцом, можно было бы также думать, что некоторые западнорусские слова попали в текст при переписывании). Такое объяснение представляется нам маловероятным; западнорусский писец мог ввести в переписываемый им великорусский текст свои орфографические навыки, диктуемые своим произношением, например, вм. *-чи-* он пишет *-чы-*, мог изменить и некоторые флексии, но едва ли решил бы заменить одно слово другим в тексте важного государственного документа. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания полагать, что лексические западнорусизмы, читающиеся в сохранившемся тексте, вполне могли иметься в подлиннике. Однако в таком случае трудно было бы найти удовлетворительное объяснение для наличия западнорусизмов в почти одновременном, но все-таки предшествующем этому акту московско-суздальском договоре, в оформлении которого литовская сторона никак не могла принимать участия. Поэтому нам представляется, что самым естественным звеном, соединяющим эти грамоты, является личность митрополита Ионы, который был причастен к обоим договорам, и, как показывает лексика других документов митрополичьей канцелярии, западнорусизмы в этих двух договорах вполне удовлетворительно могут объясняться участием в их составлении митрополичьей канцелярии.

В московско-суздальском договоре обращает на себя внимание употребление слова *зацѣпка* «помеха, препятствие» (ДДГ 1950, 157); это первая известная в литературе фиксация слова в великорусских документах (см.: СРЯ 1975–2008, 5, 336, где приводятся примеры из дипломатической переписки кон. XV – нач. XVI в.). В более ранних московских, а также новгородских и смоленских договорных грамотах (XIII–XV вв.) это же содержание – «право на свободное передвижение послов и купцов по территории другого княжества» – выражалось устойчивым словосочетанием *путь чистъ* (Сергеев 1978, 88–90). Как установлено М.-Е. Собик на основе более поздних материалов, слово это восходит в конечном итоге к польск. *zaszerpa* «помеха, препятствие»; русск. *ц* объясняется автором или как заимствование из польской диалектной формы *zaszerpa*, или как результат отождествления корневой морфемы с русск. *цепить*, *цепляться* (Собик 1969, 222–223). Первое объяснение маловероятно, поскольку предполагает непосредственные великорусско-польские контакты на междиалектном уровне; в западнорусском языке мы находим *зачепка*, ср. в тексте польско-литовского посольства в Москву в 1488 г.: «такии *зачѣпки* знакомиты почина-

ются и землямъ нашимъ шкоды велики дѣются» (СРИО 1882, № 4, 16). Поэтому приемлемо только второе объяснение, т. е. великорусск. *зацѣпка* нужно считать по существу словообразовательной калькой зап.-русск. *zaczepka*, заимствованного из польск. *zaczepka*. В некоторых случаях, как, например, в литовско-русском договоре 1494 г., великорусское выражение *путь чистъ* могло сочетаться с выражением западнорусского происхождения *без всяких зацепок*: «А посломъ нашим по н(а)шимъ землям на обе стороны *путь чистъ без всяких зацепокъ*» (ДДГ 1950, 331; ср.: Сергеев 1978, 89).

К литовско-русскому договору 1449 г. относится первая известная нам фиксация слова *статок* в великорусском тексте: «А которые люди выведены отколе невольню, <...> ино ихъ отпустили добровольно зъ ихъ *статъки* къ ихъ местомъ» (ДДГ 1950, 15 – КДРС).

О происхождении слова *статок* «(движимое) имущество», засвидетельствованного в великорусских памятниках XV–XVII вв. преимущественно делового характера, мнения ученых сильно расходятся. Я. А. Спринчак приводит слово *статокъ* «имущество нарушителя закона» в списке слов, употреблявшихся в московских грамотах XIV–XV вв., но неизвестных памятникам белорусского и украинского языков, т. е. как типичное великорусское слово, характеризующее великорусский деловой язык в противопоставлении с западнорусским (Спринчак 1956а, 121), несмотря на то что неизвестное современному русскому литературному языку слово *статок* широко распространено в украинском и белорусском языках (*статок* 1. «имущество», 2. «скот» – Гринченко 1907–1909, IV, 200; 1. «достаток, состояние, имущество»; *статки* мн. ч. «достатки», 2. обл. «скот» – УРС 1953–1963, V, 494–495; *статак* «стадо» – БРС 1962, 880), а также засвидетельствовано в смежных с ними великорусских областях, в том числе и псковских (*статок* «достаток, имение, стяжанье, нажитье или богатство», характеризуется В. Далем как «старое и западное, псковское» – Даль 1880–1882, IV, 310). А. В. Исаченко, характеризуя язык московских судебных кон. XV – XVI в., отмечает это слово в Судебнике 1497 г. (ср.: Судебники 1952, 25) и причисляет его к словам западнославянского происхождения. При этом указывается на чешск. *statky* «имущество» и польск. *statki* «посуда» с указанием того, что, по мнению А. В. Исаченко, значение «имущество» в польском не засвидетельствовано (Исаченко 1980, 241–242); это последнее замечание указывает, по-видимому, на то, что автор считал возможным возвести данное русское слово прямо к чешскому, без посредства не только западнорусского, но и польского языка. Между тем слово *статок* было хорошо известно западнорусскому языку. Правда, в словарных источниках оно приводится из несколько более поздних западнорусских

памятников, чем литовско-русский договор 1449 г. (ССУМ 1977–1978, II, 385 – с 1459 г.; Булыко 1972, 307 – с 1488 г.), однако оно засвидетельствовано в Крестоцеловальной записи князя Ф. Л. Воротынского Казимиру IV, написанной в Троках 5 февраля 1448 г., причем в такой же фразе, в какой мы его встретили в польско-русском договоре 1449 г.: «А люди г(о)с(по)д(а)ря нашего, короля, которые зашли из литовьского княженья в Московьскую землю, князю Ивану Аньдреевичу выпустити добровольно со всеми их *статки*» (ДДГ 1950, 150). Об известности слова *статок* в западнорусском языке в более раннее время свидетельствует его фиксация в Ипатьевской летописи под 1190 г., т. е. в составе Киевского летописного свода: «и дврь зажгоша, и *статокъ* его весь поимаша» (ПСРЛ II 1962, 669; ср.: Срезневский 1893–1903, III, 509). Из этого контекста видно, что *статокъ* означало «движимое имущество». Слово *статокъ* фиксируется также в псковских летописях при описании морового поветрия в Пскове в 1352 г.: «<...> и богатым бо всяким тщится послужити и въ животе и по смерти, да наследуютъ что отъ имения ихъ; аще кто кому отдаваху *статокъ* свои живота или дети, то и тии тако жъ мнози, на борзе разболевшеся, умираху» (Псковские летописи 1941, I, 22 – Псковская I летопись по списку кон. XVI в.; ср. то же в Псковской III летописи по списку 60-х гг. XVI в. – Псковские летописи 1941, II, 101). Отметим, что в Псковской II летописи, сохранившейся в списке кон. XV в., этот рассказ отсутствует, под 1352 (6820) г. в ней читается только ссылка на это описание: «Бысть моръ золь въ Пскове и по селомъ и по всеи волости хракотный; о сем пространне обрящеши в Русском летописци» (Псковские летописи 1941, II, 27), поэтому нельзя уверенно сказать, относится ли появление слова *статок* в псковском говоре только к XVI в. или к более раннему времени. Слово *статок* в цитированном отрывке И. И. Срезневским толкуется как «наследство» (Срезневский 1893–1903, III, 509), хотя здесь возможно и значение «имущество». В великорусских юридических текстах 2-й пол. XV – XVI в. слово *статок* могло употребляться также в значении «наследство», в списках Музейного вида Карамзинской группы Русской правды оно заменяет основной для Русской правды термин в этом значении – *задница* (РП 1940–1963, I, 385–387; ср.: Живов 1984, 67, прим. 24).

Для великорусского делового языка сер. XV в. слово *статок* является новым словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего су-

ществования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба.

После литовско-русского договора 1449 г. или почти одновременно с ним слово *статок* засвидетельствовано в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе, датированной 1448–1461 гг.: «<...> яз князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита Киевскаго и всея Руси, тех его христиан пожаловал того Левка *сстатком* и конми и животиною и рожью и ярью, и что ни есть того Левка *сстатка*, тем есмь всех тех митрополичих христиан пожаловал, и в того бы *сстаток* Левков никто ся не вступал. А хто ся имет вступати в тот Левков *сстаток*, и яз дал на того пристава своего <...>» (АФЗХ 1951–1961, I, № 16, 108 – по сп. XVI в.). Так как в других жалованных грамотах Василия II слово *статок* не встречается, можно предположить, что слово попало в этот текст из предшествовавшей жалованной грамоте челобитной митрополита Ионы, т. е. в великокняжеской грамоте отражается в конечном итоге языковая практика митрополичьей канцелярии (о механизме составления постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, см.: Шмидт 1958, 258–259). Таким образом, ранняя история слова *статок* в языке московской государственной дипломатии (литовско-русский договор 1449 г.) и в указанной великокняжеской грамоте может объясняться влиянием «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии. Закреплению слова в московском деловом языке могло способствовать частое его употребление в дипломатических документах литовской великокняжеской канцелярии, адресованных в Москву. Слово *статки* (обычно в форме мн. ч.) встречается постоянно при перечислении обид литовской стороны начиная с первых сохранившихся такого рода документов, ср.: «А платья и иных *статковъ* всего взяли на шесдесятъ рублевъ», «Кони и коровы и иную каждую животину, платья и все домовые *статки* побрали» (СРИО 1882, № 1, 2), «А животы и *статки* все побрали» (СРИО 1882, № 8, 36). Слово *статки* засвидетельствовано и в западнорусских юридических текстах, как, например, в Судебнике Казимира IV, данном Литве в 1468 г.: «А будет ли в дому *статков* татя того, и он домовыми *статкы* плати» (ст. 4, см.: Яковкин 1936, 12; ср. также: ст. 6).

В московских великокняжеских грамотах после упомянутых двух случаев около сер. XV в. *статки* встречается в поручной грамоте Ивана Воронцова великому князю Ивану III около 1474 г. (по списку кон. XV – нач. XVI в.): «а животы и села и *състатки* км(я)жи Даниловы всѣ, а то великомѣ кн(я)зю» (АСЭИ 1952–1964, III, 35).

В великорусских юридических памятниках слово *статок* «имущество», «наследство» часто встречается в Судебнике Ивана III 1497 г. Можно думать,

что значение «наследство» возникло в великорусском из более раннего значения «движимое имущество» как раз в юридической терминологии. В статье о наследстве Судебника 1497 г. *статок* относится определенно к движимому имуществу в составе наследства, так как упоминается о «статке» и о «землях» отдельно: «А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино *статок* весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода» (ст. 60, Судебники 1952, 27). В других статьях, в которых говорится о воровстве, слово *статок* может быть заменено по смыслу как словом *имущество*, так и словом *наследство*, но поскольку в этих контекстах оттенок наследства отодвигается на задний план (нет речи о наследниках, так как имущество вора конфискуется), можно принять, что слово *статок* употребляется в этих статьях в основном своем значении «имущество», ср., например, в ст. 11: «А поймают татя вьдругие с татбою, ино его казнити смертною казнию, исцево заплатити изъ его *статка*, а досталь его *статка* судье. А не будет у того татя *статка* с ысцеву гибель, его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью» (Судебники 1952, 20).

Слово *статок* впоследствии переходило из Судебника 1497 г. в более поздние судебники, а также в другие юридические акты. Сравним с Судебником 1550 г.: «А не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а исцево заплатити из его *статка*» (ст. 52, ПРП 1952–1959, IV, 245). В Судебнике 1589 г. появляется в данном месте форма множественного числа: «<...> а исцево заплатити из его *статков*» (ст. 103, ПРП 1952–1959, IV, 425). В Сводном Судебнике нач. XVII в. слово встречается в форме то единственного, то множественного числа в рамках одной и той же статьи: «<...> и заплатили исцево из его *статка*; а что его *статка* останетца за исцовым – и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихого столк *статков*, чем исцево заплатить, ино его исцу в его гибели не выдавати, казнити его смертною казнью» (грань 9, гл. 61, ПРП 1952–1959, IV, 507). Вне состава судебныхников это слово употреблялось обычно в форме множественного числа уже в кон. XV – 1-й пол. XVI в.; например, в правой грамоте рязанских писцов около 1535 г.: «а подворишка гне наши разграбили, а животы и *статки* поимали» (ПРП 1978, № 66, 103) – или в Губной белозерской грамоте 1539 г.: «<...> тех бы разбойников подворья, животы и *статки* отдавали б естя тем людем, которых учините у себя в головах» (ПРП 1952–1959, IV, 178). По наблюдениям Е. Н. Поляковой, слово *статки* «имущество» широко употреблялось в пермских деловых документах XVII в., но оно не оставило по себе никаких следов в народных говорах. Все это указывает на то, что данное слово было элементом не народного языка, а при-

надлежностью специальной приказной лексики (Полякова 1976, 46–47). Отметим еще наличие этого слова (в качестве двух самостоятельных заглавных слов *статки* и *статок*) в рукописном лексиконе XVIII в. (Аверьянова 1964, 390). В словарях современного русского литературного языка это слово не засвидетельствовано, оно вышло из употребления, по-видимому, в XVIII в.

Если вернуться к вопросу о происхождении этого слова в великорусском, констатация факта, что оно было заимствовано из западнорусского, подтверждает точку зрения А. М. Булыко, который *статок* в западнорусском (старобелорусском) рассматривает как заимствование из польск. *statek* (Булыко 1972, 307). Правда (и в этом отношении прав А. В. Исаченко), в современном польском языке *statek* имеет значение «корабль» (с нач. XVII в., Брюкнер 1970, 514; это значение засвидетельствовано и в русском переводе с польского XVII в.: *статки морские* в соответствии с польск. *statki morskie* – Двор цесаря тур., 42, КДРС) и *statki* (только мн. ч.) – «орудия, инструменты, посуда», но современные значения польского слова развились из более раннего значения «движимое имущество», хорошо засвидетельствованного в древнепольских памятниках начиная с кон. XIV в. (ССТп 1953–2002, VIII, 429–430). Поэтому нельзя согласиться с указанным предположением А. В. Исаченко о том, что великорусск. *статок* могло быть заимствованным прямо из чешск. *statek*. В древнечешском *statek* засвидетельствовано – как и в древнепольском – в значении «движимое имущество» (Гебауэр 1903–1916, I, 218, s. v. *dědina*). Нельзя согласиться и с мнением В. Махека, согласно которому чешск. *statek* – слово праславянского происхождения (Махек 1971, 575), так как приведенные им параллели из восточнославянских языков (в южнославянских языках это слово неизвестно), как мы видели, заимствованы из польского. Остается выяснить взаимоотношение чешского и польского слов; возможно, что в данном случае мы имеем дело с ранним богемизмом в польском языке.

3.2. ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЯХ О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЯХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Западной Европой до 1487–1488 гг. не дошли до нас в непосредственной форме (в виде грамот, договоров, посольской документации и т. п.), однако начиная со 2-й пол. XV в. официальное летописание все шире использует актовый материал, в летописи включаются документы, касающиеся дипломатических сношений (см.: Лихачев 1947, 354–360). Благодаря этому обстоятельству

летописные известия о дипломатических сношениях в некоторой степени могут заменить несохранившуюся документацию. Языковые особенности этих известий показывают, что западнорусский язык в 1460–80-е гг. выступал в качестве языка-посредника в сношениях Москвы с Западом.

3.2.1. Известия о русско-итальянских сношениях по случаю брака Ивана III с Софьей Палеолог

После Флорентийского собора контакты Москвы с папским двором и Италией возобновились в 1469 г., когда в Москву прибыл Юрий Грек с посольством от кардинала Виссариона, с предложением руки Софьи Палеолог Ивану III: «Прииде из Рима от гардинала Висариона Грекъ Юрьи именем к великому князю с *листомъ*, в нем же писано, что: “есть в Риму деспота Яморѣискаго Фомы Ветхословца от царства Костянтина града дочь ея Софиа именем, православная христьянка. Аще восхощещи поняти ея, то аз учиню в твоём государствѣ <...>» (ПСРЛ XXVI 1959, 225; ср. также: ПСРЛ XXV 1949). Термин *лист* для обозначения грамоты кардинала Виссариона свидетельствует о западнорусской языковой стихии, хотя, судя по церковнославянскому языку перевода, сама грамота была написана на греческом языке, что вполне естественно, так как кардинал Виссарион был также греком – митрополитом никейским, видным сторонником унии среди греков на Флорентийском соборе. Знаменательно также, что Юрий Грек (Траханиот) в Софийской II летописи назван «*паном* Юргой» (ПСРЛ VI 1853, 196; ср.: Хорошкевич 1980, 180).

Посредством западнорусского перевода стала известна в Москве папская охранная грамота для послов Ивана III, как об этом свидетельствует ее пересказ в Воскресенской летописи под 1469 г.: «А *листы* своя далъ Ивану Фрязину таковы: что посломъ великого князя ходити *добровольно* два года по всѣмъ землямъ, которые под его *папѣжствомъ присегаютъ*» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 155 – КДРС; ср. также: ПСРЛ XXV 1949, 281). Кроме западнорусских слов, отмеченных в более ранних памятниках (*лист*, *добровольно*, *папѣжство*, см. гл. 2), обращает на себя внимание глагол *присегаати*, который в великорусском тексте засвидетельствован здесь впервые (ср.: КДРС). Русск. *присяга*, *присягать/присягнуть* рассматриваются обычно как «общеславянские», т. е. праславянские образования посредством приставки *pri-* от *seġati* «касаться», т. е. *присяга* значит буквально «прикосновение (к предмету клятвы)» (ср.: КЭС 1979, 365; Брюкнер 1970, 445; Махек 1971, 535; Фасмер 1953–1958, II, 434; Сергеев 1978, 19–20). Слова *присага* «клятва», *присагати* «клясться» на самом деле были известны старославянскому языку (Садник, Айцетмюллер 1955, 105) и спорадически

попадали и в церковнославянские тексты русской редакции XI в. (Срезневский 1893–1903, II, 1476), но, по-видимому, они не получили распространения в древнерусском языке, в котором употреблялись в синонимическом значении слова **клатва** и **рота**. После введения христианства в Киевской Руси начинает распространяться обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов (Сергеев 1978, 5–19); основным термином в московском деловом языке XIV–XVII вв. для данного понятия оставалось *крестное целование* (обряд крестного целования для XVII в. подробно описан Котошихиным, см.: Пеннингтон 1980, 84; ср.: Сергеев 1978, 11). Московскому обряду *крестного целования* в памятниках дипломатических сношений кон. XV в. противопоставляется *присяга* как типичный западноевропейский обычай; см. в инструкции московским послам, отправленным к Максимилиану Габсбургу в 1490 г.: «А не захочеть Король *креста цѣловати*, а похочеть *присягу* дати по своему обычаю, и Король бы далъ *присягу* на докончалной грамотѣ по своему закону» (ПДС 1851, 41). В памятниках сношений Москвы с Польско-Литовским государством слова *присяга*, *присягати/присягнути* характеризуют речь представителей польско-литовской стороны; см. в речи литовского посла в 1437 г.: «и мы есмо ихъ *присяги* изъ ихъ записовъ не выпустили» (СРИО 1882, № 1, 3) – или в записи ответа Казимира IV московским послам в 1489 г.: «бо тот князь Дмитрей намъ и великому князству Литовскому *присягнулъ* и записался и докончаніе вчинилъ; про то мы съ тоѣ *присяги* не выпускаемъ» (СРИО 1882, № 9, 40). Слова *присяга*, *присягать* могут относиться только к польско-литовской стороне еще в XVI в.; см. в послании Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г.: «поругаючись нашему *крестному целованью*, что мы к тебе на грамоте *крест целовали*, и через *присягу* послов своих, которое они учинили за твою душу» (ПИГ 1951, 217), «ты на том *присягал*, что тебе Лифлянское земли доступати» (ПИГ 1951, 229). Слова эти глоссируются еще в московском переводе-редакции Литовского Статута: «*присягнутьъ, сирѣчь крестъ поцелуютъ*» (Лаппо 1916, 35), «очиститься *присягою, сирѣчь крестнымъ целованьемъ*» (Лаппо 1916, 37), «под *присягою* нашею, сирѣчь за *крестнымъ целованьемъ*» (Лаппо 1916, 85) и др. Из текстов, написанных на церковнославянском языке, глагол **присащи** отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., в ветхозаветной книге Неемии, переведенной с латинского: **и присагль на бѣ** (ср. лат. «et adiuravi in Deo», Неем. XIII, 25 – КДРС).

Ранняя история слов *присягати/присягнути*, *присяга* в великорусском свидетельствует о том, что они были заимствованы из западнорусского во 2-й пол. XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом, а не продолжают соответствующие церковнославянские слова, засвиде-

тельствованные sporadически в древнерусских памятниках. Повторное заимствование из западнорусского подтверждается тем, что на протяжении XV–XVII вв. эти слова в великорусском употреблялись в качестве экзотизмов – они обозначали не свой, а чужой обычай. Слова эти стали общеупотребительными в русском языке лишь к началу XVIII в., когда крестное целование выходит из употребления (ср.: Сергеев 1978, 14, 22). По свидетельству «Российской грамматики» А. А. Барсова (1783–1788), в языковом сознании 2-й пол. XVIII в. еще отражалось иноязычное происхождение слова *присяга*. Так, А. А. Барсов, возражая «прежним грамматикам», которые отвергали формы превосходной степени с префиксом *наи-* как «отъ польскаго языка къ намъ пришедшіе», приводит между прочим и аргумент, что «польское ихъ происхождение по сродству польскаго языка съ Россійскимъ чрезъ славенскій не должно имъ вредить, тѣмъ паче, что и кромѣ того есть польскія слова въ нашъ языкъ принятыя какъ: *присяга*, *опекунъ*, и проч. то должно и ихъ уже знать и употреблять безъ сомнѣнія» (Барсов 1981, 486–487).

В западнорусском языке *присяга*, *присягати/присягнути* (*присячь*) засвидетельствованы большим количеством примеров уже со 2-й пол. XIV в. (ССУМ 1977–1978, II, 249, 271). Слова *przysięga*, *przysięgać/przysiąc* с многочисленными дериватами широко представлены в древнепольских памятниках кон. XIV – XV в. (ССтп 1953–2002, VII, 344–355), поэтому можно предположить, что слова *присяга*, *присягати/присягнути* заменили цсл. *крестное цѣлование*, *цѣловати крестъ* в западнорусском (ср.: ССУМ 1977–1978, I, 512) под польским влиянием (ср.: Кохман, Шнигер 1984).

Западнорусская лексика широко отражена в переводе папской грамоты 1472 г., пересказанной в летописях: «Мѣсяца же Іуніа 24 отпустиша царевну Союію изъ Рима за великого князя <...>. И поидоша не тѣмъ путемъ, куды Орязинъ шель, но все (вар.: всею) областію *панежскою* къ морю. А папа по всѣмъ градомъ послалъ *листы* своя, такоже и по мѣстомъ, имиже имъ ити бяше <...>, а пиша имъ, чтобы всѣ князи земель тѣхъ и *панове* честніи и *бискупы* и вся земля, гдѣ ни придетъ царевна, стрѣчали бы есте ее и чтили и кормъ давали <...>. И по тѣмъ *листомъ панежскимъ* велику честь вси земли тѣ въздаша царевнѣ Союіи» (ПСРЛ IX–XII 1965, XII, 147; ср.: ПСРЛ XXV 1949, 296). Отметим в связи с этим, что непонятно, почему «изменение маршрута кортежа Софьи – не через Польшу и Великое княжество Литовское, а по Балтике – заставляет думать о большой роли поляков в подготовке брака», как пишет А. Л. Хорошкевич. Нам думается, что этот брак, призванный возвысить авторитет московского государя на международной арене, мог вызвать сопротивление польской дипломатии. Необходимо указать, что выделенные нами в цитированном пересказа-

зе папской грамоты полонизмы не свидетельствуют ни о какой-либо роли поляков в подготовке брака Ивана III с Софьей, ни об «участии в переводе польских толмачей» (Хорошкевич 1980, 182, прим. 637). Переводчиками латинской грамоты вполне могли быть выходцы из Западной Руси, находившиеся на службе московской дипломатии. В приведенной цитате нет ни одного слова, которое было бы неизвестным западнорусскому языку, и все они (*бискуп, лист, пан, папезжский*) встречаются в памятниках московской церковной дипломатии сер. XV в. (ср. выше, гл. 2). Наличие их в этом тексте свидетельствует лишь о продолжении в 70-е гг. XV в. той традиции использования западнорусского языка в сношениях Москвы с Западной Европой, которую мы обнаружили уже в произведениях о Флорентийском соборе.

Появление латинского «крыжа» и в этот раз вызвало резкое возражение в Москве. Посольство уже приближалось к Москве, когда великому князю стало известно, что «тотъ посол Антонии лягатос идеть со царевною, а пред ним *крыж* несут» (ПСРЛ XXV 1949, 299), при этом советники Ивана III прямо ссылаются на митрополита Исидора: «нѣсть се бывало в земли нашей, что почести быти Латынской вѣре, учинил бы то един Сидоръ, и он и погипе» (ПСРЛ XXV 1949, 299). После совещания с митрополитом Филиппом Иван III «посла к тому лягату, чтобы не шел пред ним *крыж*, но повелѣ скрыти его» (ПСРЛ XXV 1949, 299).

На западнорусское посредство в русско-итальянских контактах, завязавшихся в связи с посольствами в Рим, указывает и слово *муроль* (*муляръ*) «зодчий», появившееся в летописных известиях 1475 г., когда возвратился из Венеции в Москву посол Ивана III и «привел с собою мастера *муроля*, кои ставит церкви и полаты, Аристотеля именем», т. е. Аристотеля Фиораванти (ПСРЛ XXV 1949, 303; ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 181; ср.: Казакова 1980, 96); в том же известии засвидетельствован другой вариант этого слова – *муляръ*: «Венецѣйский *муляръ* Аристотель начать рвы копати на основание церкви Пречистой Богородици» (ПСРЛ XXV 1949, 303; ПСРЛ XVIII 1913, 260; ср.: СРЯ 1975–2008, 9, 307). Слово *муроль/муляръ* заимствовано не из итальянского, произошло не от прилагательного *murale* «стенной», как полагает Л. А. Хорошкевич (Хорошкевич 1980, 228), а из западнорусского *мураль, мурарь, муляръ* (см.: Ильенко 1958, 12), заимствованного из польск. *murarz, mularz* «каменщик» (Булыко 1972, 209), которое образовано от *mur* «стена» (ССтп 1953–2002, IV, 364–365); форма *mularz* возникла в результате диссимилиации из *murarz* (Брюкнер 1970, 348). В современных белорусском и украинском языках *муляр* «каменщик» является основным названием данной профессии; в великорусском это слово не получило распространения (ср. также образованный от того же корня

глагол *муровати*, отмеченный ранее в Хождении неизвестного суздальца на Флорентийский собор).

В том же известии Аристотель также титулуется словом *мистр*: «*Мистр Венецѣиский Аристотель начат разбивати церкви Пречистыя непадшия стены новыя*» (ПСРЛ XXV 1949, 303). Слово это встречается и в более ранних памятниках, но в другом значении – «магистр рыцарского ордена» (впервые по отношению к магистру ордена на Родосе в Хождении Зосимы 1420 г., см.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 627–628; позже по отношению к главе немецкого ордена в Прибалтике, см.: СРЯ 1975–2008, 9, 178); в значении «мастер» это слово засвидетельствовано здесь впервые (ср.: СРЯ 1975–2008, 9, 178–179, где цитируется форма *мистро* из летописного известия 1490 г., относящегося также к итальянскому специалисту: «И приведоша съ собою <...> лекаря, мистро Олена Жидовина, из Вѣнецѣи» – ПСРЛ XXIII 1910, 187). Быть может, форма *мистро* в данном случае представляет собой контаминацию итал. *maestro* и слова *мистр*, заимствованного посредством зап.-русск. *мистр* из польск. *mistrz*, которое вместе с чешск. *mistr* восходит к ср.-в.-н. *meister*, которое заимствовано из лат. *magister* (Булыко 1972, 204; Лиминг 1976, 80). Поэтому форму *мистр* в летописном известии 1475 г. Л. Хорошкевич необоснованно считает словом, вошедшим в русский язык «в венецианском произношении» (Хорошкевич 1980, 228). Эта форма характеризует второй член сложений, заимствованных русским языком из польского через западнорусское посредство, ср. *бурмистр*, *кухмистр* (Гардинер 1965, 152).

3.3. Известия о взятии Константинополя турками

На основе некоторых лексических особенностей известий о турках, встречающихся в великорусских летописях и в грамотах государственных и церковных деятелей 60–70-х гг. XV в., можно предположить, что некоторая информация о турецком наступлении в Южной Европе поступила в Москву и в другие великорусские области через Западную Русь или посредством выходцев из Западной Руси, находившихся на службе московской дипломатии. После падения Константинополя в 1453 г. появляется в московских источниках прилагательное *турецкий*, заимствованное из польск. *turecki* (Фасмер, Трубачев 1964–1973, IV, 125–126, s. v. *турок* и *Турция*), по-видимому, через западнорусское посредство. В связи с этим необходимо указать, что основной формой прилагательного, образованного от этнонима *турок*, на протяжении XV–XVII вв. и в нач. XVIII в. было не *турецкий*, а *турский* (*турской*) (см.: Живов 1982, 340). В ранних известиях о турках в великорусских памятниках выступает обычно *турский*; ср. с цитированной выше в другой связи заметкой неизвестного суздальца, автора «Хождения на Фло-

рентийский собор», о встрече с сербским деспотом Георгием Бранковичем в 1440 г. в Загребе: «запленено бысть црьство его серпское от *турьско-го* царя Амурата» (Хождение 1970, 70; ср.: Казакова 1980, 39). В такой же форме засвидетельствовано это прилагательное и в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера по списку нач. XVI в.: «проиде сквозе все рати морския *турьского*» (Русские Повести 1878, 61), хотя в этом тексте встречается ряд лексических западнорусизмов (*израда* «измена», *гуфа* «отряд», *башта* «башня», *дело* «пушка», *пищаль* «род огнестрельного оружия», *збруя* «снаряжение» и некоторые другие, см.: Штрикер 1979, 173–183); отметим, что около сер. XV в. форма *турский* не была еще чуждой западнорусскому языку; рассмотрим запись о падении Константинополя в Волынской краткой летописи (сп. нач. XVI в.) под 1453 г.: «Попущениемъ божиимъ взятъ бысть Царьградъ царемъ турьскимъ месяца мая 29». В староукраинских грамотах XV в. преобладает уже форма *турецкий* (19 раз, начиная с 1433–1443 гг., ССУМ 1977–1978, II, 450), но отмечается еще и *турский* (3 раза, ССУМ 1977–1978, II, 450). Форма *турский* совпадает с соответствующими прилагательными в южнославянских языках (ср. болг., с.-х. *турски*); можно полагать, что русск. *турский* было заимствовано из этих южнославянских форм, так как по историко-географическим соображениям вполне вероятно, что первые известия о турках могли распространиться как в Западной, так и в Московской Руси посредством балканских славян уже в XIV в.

Наряду с основной формой *турский* довольно рано появляется в великорусских памятниках и полонизм *турецкий*, который указывает на другой канал информации о турках – через Западную Русь. М. Фасмер указывает на Ивана Пересветова, в сочинениях которого ему впервые встретилась форма *турецкий*; у Пересветова, выходца из Западной Руси, как известно, встречается ряд западнорусизмов (см.: Тамань 1960, 98–104; Тамань 1961, 198–199). Отметим, что *турецкий* засвидетельствовано лишь в списках одной из редакций (т. н. неполной) сочинений Пересветова, например: «*Турецкий* царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *турецким*, а греческия книги прочет, и написал слово в слово *по-турецки*» (Пересветов 1956, 187); другие примеры см.: Пересветов 1956, 188, 189, 193; в т. н. полной редакции читается везде *турской*: «Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *по турским*, а с греческия книги прочел, и написал слово в слово *по-турски*» (Пересветов 1956, 151). Можно полагать, что в автографе употреблялась западнорусская форма *турецкий*, которая в одной из редакций была заменена более обычной для Московской Руси XVI–XVII вв. формой *турской*.

Указанная М. Фасмером фиксация формы *турецкий* в великорусских памятниках не является самой ранней. Эта форма засвидетельствована уже

в 60–70-е гг. XV в.; см. в послании Ивана III новгородскому архиепископу Ионе, датируемом 1465–1470 гг., в котором великий князь, ссылаясь на падение Константинополя, упоминает о том, что там «большіе церкви Божьи соборные *турецкий* царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патрярху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ; ни *звону* у нихъ нѣтъ, поють безъ *звону*» (РИБ VI 1908, 711). О западнорусском источнике этой информации свидетельствует и наличие слова *звон* «колокол», отмеченного В. В. Ильенко в сходном контексте в Тверской летописи под 1465 г. (Ильенко 1958, 92). Сравнение этих двух текстов показывает, что, несмотря на диаметрально противоположную интерпретацию того же факта, они восходят к одному и тому же источнику: «Того же лѣта взять былъ Царьградъ отъ *Турского* отъ салтанаа; а вѣры Рускыя не преставилъ, а патриарха не свель, но одинъ въ градъ *звонъ* отнялъ; у Софіи премудрости Божія и по всѣмъ церквамъ служатъ литургію божественную, и завтреню и вечерню поють безъ *звону*, а Русь къ церкви ходять, а пѣнія слушаютъ, а крещеніе Руское есть» (ПСРЛ XV 1965, 495). В общем западнорусском источнике читалось, по-видимому, *турецкий*, которое в летописи заменено формой *турский*, но сохранилось здесь другое западнорусское слово – *звон* «колокол» (ср. укр. *дзвін*, польск. *dzwon* «колокол»). Отметим, что в подобном контексте употребляется слово *звон* и в Большой челобитной Ивана Пересветова: «<...> Махмет-салтан, *турецкий* царь, разбойнический род, осилел, и Царьгород взял <...>, и красоту церковную обезчестил, *звоны* церковныя поотымал, и кресты с церквей поснимал, и образы чудотворныя из церквей повиносил, и в церквах мизгити поделал на свои скверныя молитвы» (Пересветов 1956, 205; ср. в полной редакции: «<...> турской царь <...> *звон* церковный поотнимал <...>», Пересветов 1956, 178 – КДРС). Слово *звон* употреблялось в великорусских памятниках XV–XVI вв. в других значениях («действие по глаг. *звонити*», «звучание, звук колокола, звон», «звук, гул, отзвук» и др., СРЯ 1975–2008, 5, 356–357; с западнорусским *звон* «колокол» может быть связано только отмечаемое с XVI в. значение «несколько колоколов разного размера, подобранных специально для гармонического звучания», см.: СРЯ 1975–2008, 5, 356–357).

На то же событие – взятие Константинополя турками – ссылается и митрополит Филипп в своей грамоте новгородцам 1471 г.: «а какъ оставя истину, да съединилъ Царь и Патриархъ Юсифъ съ Латиною <...>, не впаль ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ *Турьцкихъ* ли рукахъ и нынѣ?» (АИ 1841, 514); форма *турьцкий* является контаминацией форм *турский* и *турський*. По-видимому, более редкая форма *турецкий* в кон. XV в. воспринималась как более высокая, чем общеупотребительная форма *турский*;

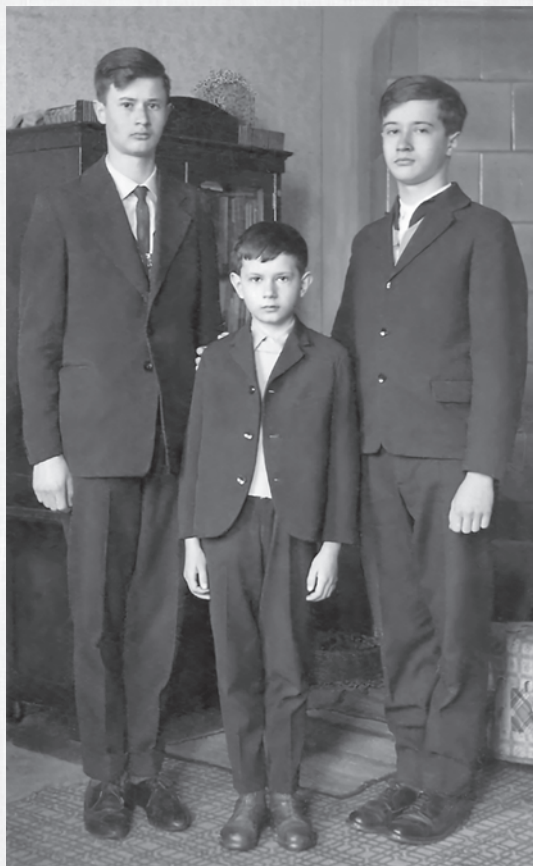
Андраш Золтан

Са старэйшым братам. 1953 г.

3 братамі. 1957 г.

Са старэйшымі братамі.
1964 г.

Атрыманне атэстата
аб сярэдняй адукацыі. 1968 г.

Будапешт, 2000 г.

Пушкінскі дом.
Санкт-Пецярбург, 2003 г.

За сяброўскай вячэрай з удзельнікамі IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў.
Злева направа: С. Запрудскі, К. Гутшміт, Э. Смулкова, А. Золтан,
 Г. Бідэр, Р. Марці. Чэрвень 2005 г.

Сярод удзельнікаў IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў.
У 1-м радзе злева направа: Н. Мячкоўская, І. Ратнікава, А. Золтан.
У 2-м радзе злева направа: Г. Цыхун, М. Прыгодзіч, Г. Бідэр,
 С. Запрудскі, Р. Марці, М. Хаўстовіч, К. Гутшміт.
 Чэрвень 2005 г.

Уручэнне медаля Францыска Скарыны
паслом Рэспублікі Беларусь у Венгрыі.
2010 г.

З жонкай Мартай і паслом. 2010 г.

На прэзентацыі ў Рыме. 2014 г.

На філфаку БДУ з дацэнтам М. Аляхновічам
(Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна)
і прафесарам М. Прыгодзічам.
VI Міжнародны кангрэс беларусістаў.
31 мая 2015 г.

З жонкай Мартай і дачкой.
2022 г.

во всяком случае, в исповедании епископов времени митрополита Симона (1495–1511) употреблялся как раз полонизм по происхождению *турецкий*, а не общая с южнославянскими языками форма *турский*: «Такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ [после Спиридона Сатаны. – А. 3.] когда случится кому прийти на Кіевъ отъ Рима латинскаго, или отъ Царяграда турецкія дръжавы» (РИБ VI 1908, 451–452, прим. 3; ср.: Малинин 1901, 483).

Слово *турецкий* засвидетельствовано также в Псковской II летописи (сп. кон. XV в.) под 1485 г.: «Того же лѣта волиньскыи [д. б. волошский, т. е. «молдавский». – А. 3.] воевода Стефанъ и угорскыи царь и ляцкыи литовскыи князь великыи король Андрѣи съ всѣми своими князми, и понаимовавше множество *жолныреи* немецких, идоша на поганого царя *турецкого* и отняша преже Бѣлгород и по том Келию град волиньскыи» (Псковские летописи 1941, II, 67). О западнорусском источнике этого известия свидетельствует и слово *жолнырь* «наемный солдат» (< польск. *żołnierz*, см.: Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 61; Лиминг 1976, 107).

В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом употребляется в кон. XV – нач. XVI в. обычно *турский* (СРИО 1884, 74 et passim), форма *турецкий* встречается редко, например в инструкции русским послам 1502 г., сформулированной, по-видимому, западнорусским писцом, находящимся на службе московской дипломатии: «да и про *турецкого* ему пытати, где будет и с ким *валчит*» (СРИО 1884, 405; ср.: Сергеев 1972, 43–44); на западнорусского автора указывает здесь *валчити* «воевать». В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским форма *турецкий* характеризует сначала только высказывания польско-литовской стороны; см. в ответе польского короля московским послам в 1490 г.: «ещо и чюжій товарь брали *турецкихъ купцовъ*» (СРИО 1882, 46), однако со временем этот вариант закрепляется в документах московской дипломатии, например в ответе Ивана III польско-литовским послам 1498 г.: «А мы, коли еще хотѣли <...> своихъ пословъ слати до Менли-Гирея и до *турецкого*» (СРИО 1882, 248) – или в речи московских послов в Литве: «А что послы наши ходять до перекопского и до волошского и до *турецкого* <...>» (СРИО 1882, 254).

Таким образом, если и не подлежит сомнению, что из вариантов *турецкий* и *турский* последний был основным, общеупотребительным в великорусском языке XV в., каким он и оставался до нач. XVIII в., то в определенных сферах письменности (в языке дипломатии, а также в некоторых памятниках церковной письменности) уже в 60–70-е гг. XV в. появляется вариант *турецкий*, который впоследствии (в XVIII в.) вытесняет вариант *турский*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный материал позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Использование лексических элементов западнорусского языка великорусским дипломатическим языком в общении с Западной Европой имеет более древнюю традицию, чем принято считать на основе посольской документации Московского государства, сохранившейся с кон. XV в. (1487–1488). Языковая практика, которая наблюдается в памятниках дипломатических сношений кон. XV в. и впоследствии прослеживается на протяжении XVI–XVII вв. в документах Посольского приказа, засвидетельствована уже для языковой практики членов русского церковного посольства на Флорентийский собор 1439 г. Непрерывность традиции использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии на протяжении 40–70-х гг. XV в. подтверждается сохранившимися или пересказанными в летописях документами как церковной, так и государственной дипломатии. Таким образом, отмеченное исследователями наличие большого числа западнорусских слов не только в документах сношений с Польско-Литовским государством, но также с другими европейскими странами, в частности с Германией, не является новшеством кон. XV в., а продолжением традиции, сложившейся уже в 1-й пол. XV в.

2. Западнорусский язык мог выступать в качестве дипломатического языка Московского государства в его сношениях с Западной Европой благодаря тому обстоятельству, что по историческим причинам этот язык в качестве административного языка восточнославянских областей Польско-Литовского государства стал эквивалентом средневековой латыни, употреблявшейся в качестве административного языка в других областях этого государства и в то же самое время функционировавшей в качестве языка дипломатии во всей Центральной и Западной Европе. Таким образом, под прямым влиянием латыни или чаще всего под влиянием ее польского разговорного субстрата западнорусский язык обогатился рядом терминов, соотносимых не только с польскими, но вообще западноевропейскими реалиями и понятиями. Близкое языковое родство (и в целом отсутствие каких-нибудь следов, которые указывали бы на отражение в языковом сознании XV в. факта распада восточнославянской языковой общности) позволило московским дипломатам воспринимать эти термины западнорусского языка как свои, великорусские экзотизмы, и использовать их для передачи западноевропейских реалий и понятий в сочинениях, предназначенных для великорусских читателей. Можно полагать, что наличие именно западно-

русской экзотической лексики в великорусских текстах, рассказывающих о контактах с разными западноевропейскими странами, объясняется тем, что в этих контактах с западноевропейской стороны в качестве языка-посредника выступала латынь, а с великорусской стороны – соотносимый с нею западнорусский язык. На такую языковую практику указывает и то обстоятельство, что в московских переводах с латыни XV в. постоянно встречаются западнорусизмы.

3. Закреплению элементов западнорусского языка в языке московской дипломатии несомненно способствовало и то обстоятельство, что окончательное разделение русской церкви наступило намного позже основного политического разделения восточнославянских земель между Литвой и Москвой. Как показал анализ документов, вышедших из канцелярии последнего общерусского митрополита Ионы (1448–1461), в годы его правления и западнорусской, и восточнорусской церковью (1451–1458), в московской митрополичьей канцелярии составлялись документы и на западнорусском языке. Документы эти были адресованы в большинстве случаев государственным и церковным деятелям Литовской Руси, но на основе двух западнорусских грамот митрополита Ионы, адресованных в Казанское ханство, можно предположить, что в практике митрополичьей канцелярии западнорусский язык воспринимался как язык дипломатии вообще.

4. Язык дипломатии, хотя и обслуживал специфическую сферу общения с иностранцами, не мог быть герметически изолированным от других сфер применения великорусского административного языка. Единичные западнорусские слова проникают и в те грамоты митрополита Ионы, которые адресованы в великорусские области; можно даже утверждать, что некоторые западнорусизмы, как, например, элементы великокняжеского титула *господарь*, *отчичь* и *дѣдичь*, были введены в великорусский деловой язык сознательно. Заслуживает внимания то обстоятельство, что около сер. XV в. западнорусизмы характеризуют прежде всего те московские великокняжеские грамоты, которые так или иначе связаны с деятельностью митрополита Ионы, что дает основание предположить, что к их составлению была причастна митрополичья канцелярия. Язык церковной дипломатии, таким образом, мог оказать влияние как на язык документов государственной дипломатии, так и на язык актов внутреннего управления.

5. Опыт – в том числе и языковой опыт – московской церковной дипломатии, накопленный начиная с участия в Флорентийском соборе, был использован, по-видимому, московской государственной дипломатией, когда Москва при Иване III завязала дипломатические контакты с рядом европейских стран. Летописные известия 1469–1475 гг., пересказывающие несохра-

нившиеся документы дипломатических сношений Московского государства с папским двором и с итальянскими городами, однозначно подтверждают, что государственная дипломатия продолжала ту же языковую практику, которая сложилась раньше в церковной дипломатии.

6. Анализ лексики памятников московской церковной и государственной дипломатии XV в. позволяет считать язык дипломатии важным каналом проникновения в великорусский деловой язык западнорусской лексики, в том числе прочно усвоенных западнорусским языком лексических и семантических европеизмов. Правда, большинство из анализируемых, около 50 слов, оставалось на периферии русской лексики не только в пределах XV в., но и позже, на протяжении XV–XVII вв.; они употреблялись в великорусских текстах в качестве экзотизмов, для обозначения чужих понятий и реалий. Однако позже, в нач. XVIII в., когда возникла потребность в словах, точно соотносимых с соответствующими словами западноевропейских языков, некоторые из них, например *право*, *присяга*, *справедливый*, вошли в основной словарный фонд русского литературного языка, вытеснив или оттеснив на периферию свои традиционные церковнославянские эквиваленты. Бытование таких слов в языке великорусской дипломатии XV–XVII вв., а также в переводных памятниках XVI–XVII вв., с точки зрения истории русской литературной лексики, можно назвать их предисторией.

7. Знание предистории таких великорусских слов, особенно тех, которые состоят из одних славянских морфем и на фоне русской литературной лексики не отличаются никакими признаками заимствованных слов, приобретает первостепенную важность при изучении межславянских языковых контактов. Как раз то обстоятельство, что некоторые великорусские слова, прежде чем стать элементами общеупотребительной русской литературной лексики, на первых порах их бытования в великорусских памятниках употреблялись в качестве экзотизмов или в составе языковых клише дипломатических документов, позволило в некоторых случаях «поймать с поличным» трудно уловимую иначе миграцию отдельных слов и лексических значений из одного близкородственного языка в другой и тем самым доказать миграционный характер некоторых великорусских слов и лексических значений, считавшихся на основе их общеславянского распространения принадлежностью праславянского наследия, как, например, *господарь* > *государь* «монарх», *господарство* > *государство*, *добровольно*, *доход*. Выявление межславянских заимствований имеет значение как для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда, так и для исторической лексикологии русского языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I (1294–1598).

Аванесов 1961 – Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. I / рэд. Р. І. Аванесаў. Мінск, 1961.

Аверьянова 1964 – Рукописный лексикон первой половины XVIII века / подгот. к печати и вступ. ст. А. П. Аверьяновой. Л., 1964.

АДБЛ 2003 – Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVII стагоддзя / навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. Мінск, 2003.

АЗР 1846–1848 – Акты, относящиеся к истории Западной России / изд. Археограф. комис. СПб., 1846–1848. Т. I–II.

АИ 1841 – Акты исторические / изд. Археограф. комис. СПб., 1841. Т. I.

АФ 1976 – Acta Slavica Concilii Florentini / edidit Krajcar J. S. I. Roma, 1976. P. 38–40.

Александрия 1965 – Александрия: роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965.

Алеф 1959 – *Alef G. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II // Speculum: A Journal of Mediaeval Studies. Cambridge, 1959. Vol. XXXIV. P. 1–19.*

АРГ 1975 – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

Арциховский, Борковский 1958 – *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

Арциховский, Борковский 1963 – *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Арциховский, Янин 1978 – *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

АСЭИ 1952–1964 – Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952–1964. Т. I–III.

Афанасий Никитин 1980 – Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 / предисл., подгот. текста, пер. и коммент. Н. И. Прокофьева. М., 1980.

АФЗХ 1951–1961 – Акты феодального землевладения и хозяйства / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1951–1961. Т. I–III.

АЮЗ 1863–1865 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России / изд. Археограф. комис. СПб., 1863–1865. Т. I–II.

Барсов 1981 – *Барсов А. А.* Российская грамматика / подгот. текста и текстол. коммент. М. В. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.

Басај 1966 – *Basaj M.* Bohemizmy w języku pism Marcina Krowickiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1966.

Басај 1979 – *Basaj M.* Stan i perspektywy badań nad wpływami polskimi na język rosyjski // *Slavia Orientalis.* Warszawa, 1979. Vol. XXVIII, z. 1. S. 3–13.

БЕР 1971–1979 – Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1971–1979 (издание продолжается). Т. I–II.

Бернштейн 1948 – *Бернштейн С. Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, М. ; Л., 1948. Т. I : Язык валашских грамот XIV–XV веков.

Богдан 1896 – *Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui / Studiu critic de Ioan Bogdan.* București, 1896.

Богдан 1908 – *Bogdan J.* Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden // *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića (Jagić-Festschrift).* Berlin, 1908. S. 369–377.

Богдан Д. 1933 – *Bogdan D. P.* În chestiunea autenticității inscripției Alexandru Basarab // *Revistă Istorică Română,* București. 1933. Vol. III. P. 270–271.

Богоявленский 1980 – *Богоявленский С. К.* Научное наследие: О Москве XVII века. М., 1980.

Бонфини 1568 – *Antonii Bonfinii.* Rerum Ungaricarum decades quatuor, cum dimidia. Basileae, 1568. P. 558.

Бонфини 1936 – *Antonius de Bonfinis.* Rerum Ungaricarum Decades / ediderunt I. Fögel et B. Iványi et L. Juhász. Lipsiae, 1936. T. III. P. 243.

Бошков 1977–1979 – *Boškov V.* Pitanje autentičnosti fojnice ahd-name Mehmeda II iz 1463 godine // *Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine.* Sarajevo, 1977–1979. Knj. XXVIII–XXX. S. 87–105.

Брицын 1965 – *Брицын М. А.* Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965.

БРС 1962 – Белорусско-русский словарь / под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

Брюкнер 1970 – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Булахов 1961 – *Булахов М. Г.* Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка // Начальный этап формирования русского национального языка / отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1961. С. 48–62.

Булахов 1965 – *Булахав М. Г.* Нататкі па гісторыі лексікі // Беларуская мова: даследаванні па лексікалогіі / гал. рэд. М. Р. Суднік. Мінск, 1965. С. 45–59.

Булаховский 1951 – *Булаховский Л. А.* К истории взаимоотношений славянских литературных языков // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М., 1951. Т. X, вып. 1. С. 37–49.

Булыко 1972 – *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.

Варш. сл. 1900–1927 – *Słownik języka polskiego / ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwieckiego.* Warszawa, 1900–1927. Т. I–VIII.

Виноградов 1947 – *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков) // Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ. М., 1947. Вып. 3. С. 7–12.

Виноградов 1982 – *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.

Виноградова 1965–1978 – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. М. ; Л., 1965–1978 (издание продолжается).

Висковатый 1935–1936 – *Висковатый И. К.* О «Секуле Дракуловиче (Драгуловиче)» югославянских народных песен // *Slavia.* 1935–1936. № 14. С. 160–163.

В-К 1980 – Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов ; под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

В-К 1983 – Вести-Куранты 1648–1650 гг. / изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бах-турина ; под ред. С. И. Коткова. М., 1983.

Водов 1978 – *Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme ‘tsar’ appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle // *Oxford Slavonic Papers*. Oxford, 1978. Vol. XI. P. 1–41.

Водов 1979 – *Водов В. А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. – 1425 г.) // *Исторические записки*. М., 1979. Т. 103. С. 325–350.

Ворт 1981 – *Worth D. S.* The French Captain’s Russian // *Russian Linguistics*. Dordrecht ; Boston, 1981. Vol. 5. P. 199–210.

Востоков 1842 – *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 511–512.

Выртосу 1960 – *Virtosu V. și E.* Titulatura domnilor și asociera la domnie în Țara Românească și Moldova pîna în sec. al XV-lea. București, 1960.

Галецкий 1915 – *Halecki O.* Ostatnie lata Swidrigiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.

Гардинер 1965 – *Gardiner S. C.* German Loanwords in Russian 1550–1690. Oxford, 1965.

ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л., 1949.

Гебауэр 1903–1916 – *Slovník staročeský / napsal Jan Gebauer*. Praze, 1903–1916. Díl I–II (A – netbalivost).

Генсёрский 1958 – *Генсёрский А. І.* Галицько-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). Київ, 1958.

Генсёрский 1961 – *Генсёрский А. І.* Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.

Гиббенет 1882–1884 – Историческое исследование дела патриарха Никона / сост. по офиц. док. Н. Гиббенет. СПб., 1882–1884. Ч. I–II.

ГЛБМ 1970 – Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / рэд.: А. Я. Баханькоў, А. І. Жураўскі, М. Р. Суднік. Мінск, 1970.

Глогер 1978 – *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska. Warszawa, 1978. Т. I–IV.

Годинка 1891 – *Hodinka A.* A szerb történet forrásai és első kora. Budapest, 1891.

Годинка 1916 – *Hodinka A.* Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916. P. 462, 472, 474.

Голубинский 1901–1911 – *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1901–1911. Т. I (ч. 1–2) – II (ч. 1–2).

Гонсиоровский 1907 – Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований, сообщенных О. Гонсиоровским, А. А. Куником, А. С. Лаппо-Данилевским, И. А. Линниченко, С. Л. Пташицким и И. Режабком. СПб., 1907.

Горшкова 1951 – *Горшкова О. В.* Язык московских грамот XIV–XV веков (лексика и фразеология). М., 1951.

Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Гринченко 1907–190 – Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / ред. Б. Д. Гринченко. Киев, 1907–1909. Фотомехан. перизд. 1958 г. Т. I–IV.

Гринчишин 1962 – *Гринчишин Д. Г.* Из спостережень над адміністративно-юридичною лексикою в українських грамотах XIV–XV ст. // Дослідження і матеріали з української мови. Київ, 1962. Т. V. С. 31–52.

Грицак 1958 – *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. Нью-Йорк, 1958.

Грушевський 1905 – *Грушевський М.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. V, ч. 2.

Грушевський 1902 – *Грушевський М.* Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва? (Критично-історична розвідка) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1902. Т. 45. С. 1–22.

ГСБМ 1982–2010 – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–2010 (издание продолжается). Вып. I (А – Биенье) – 30 (Ралець – Рушась).

Гумецкая 1967 – *Гумецкая Л. Л.* Чи впливала старочеська мова на мову українських грамот XIV–XV ст.? // Мовознавство. 1967. № 4. С. 92–95.

Гумецкая 1969 – *Гумецкая Л. Л.* К истории украинско-польских языковых связей // Исследования по польскому языку. М., 1969. С. 219–228.

Гумецкая 1971 – *Гумецкая Л. Л.* Заметки об украинско-западнославянских связях древнего периода // Проблемы истории и диалектологии славянских языков : сб. ст. к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. И. Борковского. М., 1971. С. 113–118.

Даль 1880–1882 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1880–1882. М., 1978–1980. Т. I–IV.

Дамерау 1963 – *Damerau N.* Russisches und westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963.

Дарко 1917 – *Darkó J.* A veszprémi apácamonostor alapítólevelének 1109.-i másolatáról // Egyetemes Philologiai Közlöny, 41. Budapest, 1917. P. 257–272, 336–351.

ДДГ 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печ. Л. Б. Черепнин ; отв. ред. С. В. Вахрушин. М., 1950.

Дельгер 1948 – *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.

Дельгер 1956 – *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik: 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956.

ДАИ 1848 – Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1848 (Дополнения к Актам историческим, относящимся к России, извлеченным из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1848).

Дурново 1924 – *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М. ; Л., 1924.

Дурново 1969 – *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

ЕСУМ 1982 – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982 (издание продолжается). Т. I.

Живов 1982 – *Живов В. М.* Margeretiana renovata // Russian Linguistics. Dordrecht ; Boston, 1982. Vol. 6. P. 335–351.

Живов 1984 – *Живов В. М.* История русского права как лингво-семиотическая проблема (в печати; ссылки даются на страницы машинописи).

Жуковская 1972 – *Жуковская Л. П.* О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода // Вопр. языкознания. 1972. № 5. С. 62–76.

Журавский 1978 – Журавский А. И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 185–191.

Закревская 1983 – Закревська Я. В. До історії українсько-південнослов'янських мовних зв'язків // 3 історії міжслов'янських зв'язків : збірник наукових праць. Київ, 1983. С. 147–155.

Зак. акты 1936 – Законодательные акты Великого княжества Литовского : сб. материалов / подгот. к печ. И. И. Яковкиным. Л., 1936. С. 12.

Записки Янычара 1912 – Pamiętniki Janczara czyli Kronika Turecka Konstantego z Ostrowicy napisana między r. 1496 a 1501 / wydał J. Łoś. Kraków, 1912. S. 102–107, 267–270.

Золтан 1977 – Золтан А. О старорусском «мѣстич» // Studia Slavica. Budapest, 1977. Т. XXIII. Р. 161–163.

Золтан 1977а – Золтан А. Studia Slavica. Budapest, 1977. Т. XXIII. Р. 191–198. Рец. на кн.: Кохман 1975.

Золтан 1978 – Zoltán A. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna // Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Linguistica. Budapest, 1978. Т. IX. Р. 211–219.

Золтан 1979 – Золтан А. К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях старшего периода // Studia Slavica. Budapest, 1979. Т. XXV. Р. 465–473.

Золтан 1983 – Золтан А. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию) // Hungaro-Slavica 1983. Budapest, 1983. Р. 333–344.

Золтан 1983а – Золтан А. К предистории русск. *государь* // Studia Slavica Hung. Budapest, 1983. Т. XXIX. Р. 71–110.

Золтан 1984 – Zoltán A. Beiträge zur Entstehung der russischen Drakula-Geschichte // Studia Slavica. Budapest, 1985. Т. 31. Р. 109–126.

Золтан 1985 – Золтан А. Западнорусская лексика в великорусских произведениях о Флорентийском соборе // Studia Slavica Hung. Budapest, 1985. Т. XXXI. Р. 245–262.

Золтан 1987 – Zoltán A. Fejezetek az orosz szókincs történetéből. Budapest, 1987.

Золтан 1988 – Золтан А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Studia Slavica Hung. Budapest, 1988. Т. XXXIV. Р. 81–124.

Иллич-Свитыч 1960 – Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М., 1960. Т. XIX, вып. 3. С. 222–232.

Ильенко 1958 – Ильенко В. В. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV–XVI веков. Днепропетровск, 1958.

Ильинский 1911 – Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей. М., 1911 (Древности: Труды Славянской комиссии императорского Московского Археологического общества ; т. V).

Исаевич 1967 – Исаевич Я. [Рэцэнзія] // Архіви України. Р. XXI. 1967. № 3. С. 83–84. Рец. на ст.: Мацурек 1966.

Исаченко 1970 – Isačenko A. V. Die Gräzismen des Großfürsten // Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1970. Bd. XXXV. S. 32–52.

Исаченко 1980 – *Issatschenko A.* Geschichte der russischen Sprache. Heidelberg, 1980. Bd. 1.

Казакова 1970 – *Казакова Н. А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. М. ; Л., 1970. Т. XXV. С. 60–72.

Казакова 1980 – *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Л., 1980.

Казакова, Лурье 1955 – *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М. ; Л., 1955.

Карплюк 1977 – *Karpluk M.* O języku Macieja Strykowskiego, historyka i poety z drugiej połowy XVI wieku: I. Regionalizmy, cechy ruskie i poetyzmy w dziedzinie fonetyki. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1977.

Карский 1955–1956 – *Карский Е. Ф.* Белорусы: Язык белорусского народа. М., 1955–1956. Вып. 1–3.

Карский 1962 – *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.

Каштанов 1970 – *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов 1982 – *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 26–51.

КДРС – Картотека Древнерусского словаря XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. АН СССР. Москва.

Кипарский 1963–1975 – *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Heidelberg, 1963–1975. Bd. I–III.

Клосс 1971 – *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI.

Клосс 1980 – *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Клюге 1999 – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache. Berlin ; New York, 1999. 23.

Конечный 1925–1926 – *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1925–1926. Т. III. S. 194–264.

Косман 1969 – *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Źródłoznawcze. Warszawa ; Poznań, 1969. Т. XIV. S. 91–119.

Котков 1974 – *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

Кохман 1967 – *Kochman S.* Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1967.

Кохман 1970 – *Kochman S.* Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria A: Filologia rosyjska. Opole, 1970. Nr. VII. S. 69–78.

Кохман 1971–1974 – *Kochman S.* Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487–1571). Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1971–1974. Cz. I–IV.

Кохман 1972 – *Kochman S. W.* Tredziakowski w kręgu polskich wpływów językowych // Acta Universitatis Wratislaviensis. N. 170: Slavica Wratislaviensia. Wrocław, 1972. III. P. 39–54.

Кохман 1974 – *Kochman S.* Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych // *Studia Śląskie*. Wrocław, 1974. T. XXVI. S. 145–159.

Кохман 1975 – *Kochman S.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.: Słownictwo. Opole, 1975.

Кохман 1977 – *Kochman S.* Z dziejów terminologii sądowniczej w językach wschodniosłowiańskich (*pravo, povod*) // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria A: Filologia rosyjska*. Opole, 1977. Nr. XV. S. 73–84.

Кохман 1978 – *Kochman S.* Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI–XVIII w. (1. *gramota*, 2. *list*) // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria A: Filologia rosyjska*. Opole, 1978. № XVI. S. 73–86.

Кохман 1981 – *Kochman S.* Stan badań nad dziejami terminologii dyplomatycznej w języku rosyjskim // *Uniwersytet Gdański: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego: Filologia rosyjska*. Gdańsk, 1981. T. 9. S. 197–201.

Кохман, Шнигер 1984 – *Kochman S., Szniгер Cz.* Czy ros. *prisjaga* jest polonizmem? // *Uniwersytet Gdański: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego: Filologia rosyjska*. Gdańsk, 1984. T. 12. S. 95–104.

Кочин 1935 – Памятники истории Велиного Новгорода и Пскова : сборник / подгот. к печати Г. Е. Кочиным. М. ; Л., 1935.

Кочин Сл. 1937 – Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г. Е. Кочин. М. ; Л., 1937.

КПМЛ I 1843 – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) / изд. М. Оболенским и И. Даниловичем. М., 1843.

КПМЛ II 1843 – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / изд. М. Погодиным и Д. Дубенским. М., 1843.

Кресценций 1549 – *Piotra Crescentyna* Księgi o gospodarstwie, y o opatrzeniu rozmnożenia rozlicznych pożytkow, każdemu stanowi potrzebne / drukowano w Krakowie u Heleny Florianowey roku 1542.

Кржижкова 1960 – *Křížková H.* Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině // *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis*. Praha, 1960. S. 3–24.

Курашкевич 1934 – *Kuraszkiewicz W.* Gramoty halicko-wołyńskie XIV–XV wieku: Studium językowe. Kraków, 1934.

Курашкевич 1937 – *Kuraszkiewicz W.* Rocznik Slawistyczny. Kraków, 1937. T. XIII. S. 39–58. Рец. на кн.: Станг 1935.

КЭС 1979 – *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. М., 1979.

Лаппо 1916 – *Лаппо И. И.* Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.

Ларин 1948 – *Ларин Б. А.* Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948.

Ларин 1959 – *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1698–1619 гг.). Л., 1959.

- Лет. Ипатск. сп. 1871 – Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 450.
- Лефельдт 2000 – *Lehfeldt W.* Eine serbisch-russische Sprachbegegnung vom Anfang des XVI Jahrhunderts: Zur Sprache der Moskauer Kopien von serbischen Briefen Sultan Selims I. an den Großfürsten Vasilij III Ivanovič. Göttingen, 2000.
- Лиминг 1967 – *Leeming H.* The Phonology of Russian Words in 16th-century English Sources // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1967. Т. XXV. S. 209–213.
- Лиминг 1976 – *Leeming H.* Rola języka polskiej w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696: Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1976.
- Линде 1854–1856 – *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Lwów, 1854–1856. Т. I–VI.
- Литвина, Успенский 2002 – Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1 : Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. В. Успенский. М., 2002.
- Лихачев 1947 – *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947.
- Лихачев 1951 – *Лихачев Д. С.* Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М. ; Л., 1951. Т. VIII. С. 17–30.
- Лихачев 1979 – *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1979. С. 205.
- Лось 1915 – *Łoś J.* Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543. Kraków, 1915.
- Лурье 1955 – *Лурье Я. С.* Из истории русского летописания конца XV в. // *ТОДРЛ*. М. ; Л., 1955. Т. XI. С. 156–186.
- Лурье 1961 – *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV века // *ТОДРЛ*. М. ; Л., 1961. Т. XVII. С. 130–168.
- Лурье 1963 – *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV–XVI вв. // *ТОДРЛ*. М. ; Л., 1963. Т. XIX. С. 262–288.
- Лурье 1970 – *Лурье Я. С.* Оригинальная беллетристика XV в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 360–368.
- Львов 1965 – *Львов А. С.* О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности // Проблемы современной филологии : сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 199–203.
- Львов 1966 – *Львов А. С.* К истории слова *грамота* в древнерусской письменности // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 88–103.
- Львов 1968 – *Львов А. С.* Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности // Славянское языкознание : докл. совет. делегации. VI Междунар. съезд славистов, Прага, авг. 1968 г. М., 1968. С. 316–338.
- Малинин 1901 – *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Мареш 1967 – *Мареш В. Ф.* Стих чешско-церковнославянской песни «Господи-не, помилуй ны» // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. The Hague ; Paris, 1967. Vol. II. P. 1261–1263.

Матушевский 1958 – *Matuszewski J.* O państwie i Państwie // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. Warszawa, 1958. T. X, z. 2. S. 77–104.

Махек 1971 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Мацурек 1958 – *Macúrek J.* Po stopách spisovně češtiny v jihezapadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století // Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Praha, 1958. S. 42–64.

Мацурек 1960 – *Macúrek J.* K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století // *Slovanské historické studie* III. Praha, 1960. S. 127–184.

Мацурек 1960a – *Macúrek J.* K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století // Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské University, r. IX. Řada historická (C), č. 7. Brno, 1960. S. 151–159.

Мацурек 1966 – *Macúrek J.* Působila česká listina na listinu moldavskou v 2. polovině 15. století? // Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university, r. XV. Řada historická (C), č. 13. Brno, 1966. S. 25–54.

Мельников 1967 – *Мельников Е. И.* О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков // *Slavia*. Praha, 1967. R. XXXVI. S. 98–114.

Мельников-Печерский 1979 – *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* На Горax: продолжение рассказов «В лесах». М., 1979. Кн. 1–2.

Миклошич 1862–1865 – *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

Миклошич 1858 – *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii* / ed. Fr. Miklosich. Vienna, 1858.

Миклошич и Мюллер 1871 – *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta* / ediderunt Fr. Miklosich et Ios. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV : *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis*. T. I.

Микуцкий 1953 – *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne I.: Les traités byzantino-russes du X-e siècle // Bulletin de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie – Classe d'Histoire et de Philosophie. Kraków, 1953. P. 1–40.

Миниковска 1980 – *Minikowska T.* Wyrazy ukraińskie w polszczyźnie literackiej XVI w. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1980.

Миниковска 1980a – *Minikowska T.* O rutenizmach leksykalnych w Libri Legationum // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. Warszawa, 1980. T. 19. S. 59–75.

Миту 1963 – *Mitu M.* Termeni de origine polonă în documentele slavo-moldovenești: I, 1388–1517 // *Romanoslavica*. București, 1963. Vol. VIII. P. 155–224.

Мольнар, Шимон 1977 – *Molnár J., Simon Gy.* Magyar nyelvelmékek. Budapest, 1977.

Моравчик 1938 – *Moravcsik Gy.* Görögnyelvű monostorok Szent István korában // *Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján*. Budapest, 1938. Köt. I. P. 387–422.

Моравчик 1984 – *Az Árpád-kori történet bizánci forrásai / Összegejtötte, fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Moravcsik Gy.* Budapest, 1984.

Мстиславово Евангелие 1983 – *Апракос Мстислава Великого / изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова ; под ред. Л. П. Жуковской.* М., 1983.

Назиратель 1973 – *Назиратель / изд. подгот. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова ; под ред. С. И. Коткова.* М., 1973.

Натансон-Лески 1922 – *Natanson Leski J. Granica moskiewska w eposie jagiellońskiej // Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej.* Lwów ; Warszawa, 1922. Cz. III.

НЛ I 1971 – *Die erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalshandschrift) 1016–1333/1352.* Leipzig, 1971.

Обнорский, Бархударов 1952 – *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952. Ч. I.

Олтяну 1961 – *Olteanu P. Limba povestilor slave despre Vlad Ţepeş.* Bucureşti, 1961.

Острогорский 1935 – *Острогорски Г.* Автократор и самодржац // *Глас Српске краљевске акадeмије.* Београд, 1935. Књ. CLXIV, Други разред, 84. С. 95–187.

Охманьски 1982 – *Ochmański J. Historia Litwy.* Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1982.

Павлов 1878 – *Павлов А.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

Пальцев 1973 – *Пальцаў Г. В.* Агульныя словы чэшскага паходжання ў беларускай і польскай літаратурных мовах // *Польские говоры в СССР.* Минск, 1973. Ч. I / ред. В. В. Мартынов. С. 120–131.

Панайтеску 1959 – *Bogdan I. Cronicile slavo-romînedin sec. XV–XVI / ediție revăzută și completată de P. P. Panaitescu.* Bucureşti, 1959. P. 198–199.

Панайтеску 1963 – *Panaitescu P. P. Revue roumaine d'histoire.* 1963. T. 2, № 1. P. 256. Рец. на ст.: Штридтер 1961, 398–427.

Панченко, Успенский 1983 – *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // *ТОДРЛ.* Л., 1983. Т. XXXVII. С. 54–78.

Пат. Печ. 1911 – *Патерик Киевского Печерского монастыря / изд. Археограф. комис. СПб., 1911.*

Пашкевич 1924 – *Paszkiewicz H. Ze studiów nad polityką polską, litewską i krzyżacką Bolesława Jerzego, ostatniego księcia Rusi Halicko-Włodzimierskiej // Ateneum Wileńskie.* Wilno, 1924. T. IV. S. 1–37.

Папуто 1950 – *Папуто В. Т.* Очерки по истории галицко-волинской Руси. М., 1950.

ПДС 1851 – *Сношения с государствами европейскими: Памятники дипломатических сношений с империею Римскою // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.* СПб, 1851. Т. I, ч. I.

Пеннингтон 1968 – *Pennington A. E. Future Periphrasis in 17th-Century Russian: Some Evidence from Translated Material // The Slavonic and East European Review.* London, 1968. Vol. XLVI, № 106. P. 31–47.

Пеннингтон 1980 – *Kotošixin G. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča / edited with a Commentary by A. E. Pennington.* Oxford, 1980.

Перени 1955 – *Перени Й.* Легенда о святом Владиславе // *Studia Slavica Hung. Budapest*, 1955. Т. I. P. 227–244.

Пересветов 1956 – Сочинения И. Пересветова / подгот. текста А. А. Зимин ; под ред. Д. С. Лихачева. М. ; Л., 1956.

Переясл. лет. – Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. / изд. М. Оболенским. М., 1851.

Пешак 1974 – Грамоти XIV ст. / упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пешак. Київ, 1974.

ПИГ 1951 – Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье ; под ред. В. Л. Адриановой-Перетц. М. ; Л., 1951.

Повесть 1878 – Повесть Симеона Суздальского об осьмом (Флорентийском) соборе: Исидоров собор и хождение его // Павлов 1878. Прил. X. С. 196–210.

Повесть 1964 – Повесть о Дракуле / исслед. и подгот. текстов Я. С. Лурье. М. ; Л., 1964.

Полоцкие грамоты 1977–1978 – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977–1978.

Полякова 1976 – *Полякова Е. Н.* Названия имущества в пермских памятниках XVII – начала XVIII века // *Живое слово в русской речи Прикамья* : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1976. С. 37–48.

Попов 1875 – *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.

Преображенский 1959 – *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. I–II.

Приселков 1916 – *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Прохаска 1923 – *Prochaska A.* Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce // *Ateneum Wileńskie*. Wilno, 1923. Т. I. S. 58–74.

Прохоров 1978 – *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

ПРП 1978 – Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край / изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова ; под ред. С. И. Коткова. М., 1978.

ПРП 1952–1959 – Памятники русского права. М., 1952–1959. Т. I–V.

Прыгодзіч 2010 – *Прыгодзіч М. Р., Прыгодзіч А. А.* Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў. Мінск, 2010.

Псковские летописи 1941 – Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л., 1941. Вып. 1.

ПСРЛ I 1962 – Т. I. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962.

ПСРЛ II 1962 – Т. II. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962.

ПСРЛ VI 1853 – Т. VI. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853.

ПСРЛ VII–VIII 1856–1859 – Т. VII–VIII. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1856–1859.

- ПСРЛ IX–XII 1965 – Т. IX–XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. М., 1965
- ПСРЛ XV 1965 – Т. XV. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
- ПСРЛ XVIII 1913 – Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
- ПСРЛ XX 1910–1914 – Т. XX. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910–1914.
- ПСРЛ XXII 1911 – Т. XXII. Ч. 1–2. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // Полное собрание русских летописей. СПб., 1911.
- ПСРЛ XXIII 1910 – Т. XXIII. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910.
- ПСРЛ XXV 1949 – Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М. ; Л., 1949.
- ПСРЛ XXVI 1959 – Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М. ; Л., 1959.
- ПСРЛ XXVII 1962 – Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. // Полное собрание русских летописей. М. ; Л., 1962.
- ПСРЛ XXXV 1980 – Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей. М., 1980.
- Пут. посл. 1954 – Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. М. ; Л., 1954.
- Пыпин 1857 – *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 217.
- Раб 1958 – *Raab H.* Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums // *Zeitschrift für Slawistik*, 3. 1958. S. 323–335.
- Радойчиц 1953–1954 – *Радойчиц Н.* Пет писам с краја XV века, II // *Јужно-словенски филолог*, 20. 1953–1954. С. 355–367.
- Радойчиц 1957 – *Радойчиц Б. Сп.* Стара српска књижевност у средњем Подунављу // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад*, 1957. Књ. II. С. 239–270.
- Речек 1961 – *Reczek S.* Rosyjska rozprawka o polonizmach w języku rosyjskim XVI w. // *Język Polski*. Kraków, 1961. T. XLI. S. 152–153.
- Речек 1968 – *Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1968.
- РИБ VI 1908 – Памятники древнерусского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.) // *Русская историческая библиотека*. Т. VI. СПб., 1908.
- Рогова 1978 – Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / введ., пер. и коммент. А. И. Рогова. М., 1978.
- Роман, Ветулани – *Roman S., Vetulani A.* Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1959.
- РП 1940–1963 – *Правда Русская* : в 3 т. / под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л., 1940–1963. Т. I : Тексты ; Т. II : Комментарии ; Т. III : Факсимильное воспроизведение текстов.

Русановский 1965 – Українські грамоти XV ст. / підгот. тексту, вступ. ст. і комент. В. М. Русанівського. Київ, 1965.

Русановский 1978 – *Русановский В. М.* Язык деловых документов восточных славян XIV–XV вв. // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 178–184.

Русские Повести 1878 – Русские повести XV–XVI вв. / сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958.

PXC 1880–1976 – *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1880–1976. I–XXIII.

Рыбаков 1964 – *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.

Садник, Айцетмюллер 1955 – *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg; 's-Gravenhage, 1955.

СГГД 1813–1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813–1819. Ч. I–II.

Седельников 1929 – *Седельников А. Д.* Литературная история повести о Дракуле // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1929. Т. II, кн. 2. С. 637.

Сергеев 1971 – *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.

Сергеев 1972 – *Сергеев Ф. П.* Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев, 1972.

Сергеев 1978 – *Сергеев Ф. П.* Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978.

Синайский патерик 1967 – Синайский патерик / изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина; под ред. С. И. Коткова. М., 1967.

Скок 1971–1974 – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. I–IV.

Славский 1952–1982 – *Ślawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1982 (издание продолжается). Т. I–V.

СЛП 1953 – Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce / pod red. M. Plezi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1953 (издание продолжается). Т. I–VI.

Смирнов 1910 – *Смирнов Н.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910 (Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук; т. 88, № 2).

Смокинэ 1939 – *Smochină N.* Elemente românești în narațiunile slave asupra lui Vlad Țepeș. Iași, 1939.

Смоленские грамоты 1963 – Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

Смолка 1890 – *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydziały: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny. Kraków, 1890. Т. VIII. S. 1–55.

Собик 1969 – *Sobik M.-E.* Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim; Glan, 1969.

Соболевский 1903а – *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: библиографические материалы. СПб., 1903 (Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук ; т. 74, № 1).

Соболевский 1910 – *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук ; т. 85, № 3).

Соболевский 1980 – *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980.

Соловьев 1959–1966 – *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М., 1959–1966. Кн. V, т. 9–10.

Соловьев 1961 – *Soloviev A. V.* APXΩN PΩΣIAΣ // Byzantion. Bruxelles, 1961. T. XXXI. P. 237–244.

Соф. Вр. 1820 – Софийский Временник, или русская летопись с 862 по 1534 год / изд. П. Строев. М., 1820. Т. 1. С. 126.

СП 1966–2011 – Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1966–2011 (издание продолжается). Т. I–XXXV.

СПрасл. 1974–1983 – Słownik prasłowiański / pod red. F. Sławskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1974–1983 (издание продолжается). Т. I–IV.

Спринчак 1956 – *Спринчак Я. О.* З історії давньоруського слова «Господа» та його похідних в українській мові // Українська мова в школі. Київ, 1956. Т. VI, № 5. С. 67–68.

Спринчак 1956а – *Спринчак Я. А.* К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV–XV вв. // Вопр. языкознания. М., 1956. № 6. С. 115–122.

Срезневский 1882 – *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): общее повременное обозрение. СПб., 1882.

Срезневский 1893–1903 – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903 (воспроизведение текста издания – М., 1958). Т. I–III.

СРИО 1882 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским // Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. Т. I.

СРИО 1884 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией // Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. Т. I.

СРНГ 1965–1983 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. М. ; Л., 1965–1983 (издание продолжается). Вып. 1–19.

СРЯ 1975–2008 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008 (издание продолжается). Вып. 1–28.

ССУМ 1977–1978 – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1977–1978. Т. I–II.

ССТп 1953–2002 – Słownik staropolski / red. naczelny S. Urbańczyk. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1953–2002. Т. I–VIII.

Станг 1935 – *Stang Chr. S.* Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935.

Станг 1939 – *Stang Chr. S.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

Стойкович 1973 – *Стойкович О.* Польские лексические элементы в языке древнейших славяно-молдавских грамот // Доклады и сообщения, представленные на VII Международном съезде славистов, Варшава, 21–27 авг. 1973 г. București, 1973.

Стоянович 1927 – *Стојановић Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд; Ср. Карловци, 1927. С. 245, 295.

Судебники 1952 – Судебники XV–XVI вв. / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. М.; Л., 1952.

СЯС 1958–1982 – *Slovník jazyka staroslověnského / hlavní red. J. Kurz.* Praha, 1958–1982 (издание продолжается). Т. I–III.

Тамань 1953 – *Тамань В. М.* О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. Л., 1953.

Тамань 1960 – *Тамань В. М.* Полонизмы в языке русских памятников XVI века // Ученые записки ЛГУ. Л., 1960. № 267. С. 9–124.

Тамань 1961 – *Тамань В. М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 197–204.

Тамаш 1966 – *Tamás L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.

Татищев 1979 – *Татищев В. Н.* Избранные произведения / под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979.

Творогов 1975 – *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Тихомиров 1969 – *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Томас 1971 – *Thomas G.* Russian Naval Terms from Middle Low German // The Slavonic and East European Review. London, 1971. Vol. XLIX, № 115. P. 173–188.

Томас 1976 – *Thomas G.* Средненижненемецкие заимствования в русском языке // Russian Linguistics. Dordrecht; Boston, 1976. Vol. 3. P. 55–62.

Трубецкой 1927 – *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.

Укр. лекс. 1983 – *Історія української мови: Лексика і фразеологія / відпов. ред. В. М. Русанівський.* Київ, 1983.

Укр. Морф. 1978 – *Історія української мови: Морфологія / відпов. ред. В. В. Німчук.* Київ, 1978.

Улуханов 1972 – *Улуханов И. С.* О языке древней Руси. М., 1972.

Унбегаун 1935 – *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). I.: La flexion des noms // Bibliothèque Russe de l'Institut d'Etudes Slaves. Paris, 1935. Т. XVI.

Унбегаун 1975 – *Унбегаун Б. О.* Четири писма турског султана Селима I на српском језику // *Xenia Slavica: Papers Presented to Gojko Ružičić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday / ed. R. L. Lencek, D. O. Unbegaun.* The Hague; Paris, 1975. P. 221–228.

Уо 1972 – *Уо Д. К.* Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси к Степану, королю польскому» // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 357–361.

УРС 1953–1963 – *Українсько-російський словник.* Київ, 1953–1963. Т. I–VI.

Успенский сборник, 1971 – Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Успенский 1968 – *Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968.

Успенский 1971 – *Успенский Б. А.* Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). М., 1971 (машинопись).

Успенский 1983 – *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Успенский 1983а – *Успенский Б. А.* Диглоссия и двуязычие в истории русского литературного языка // *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. The Hague, 1983. Vol. XXVII. P. 81–126.

Успенский, Живов 1983 – *Успенский Б. А., Живов В. М.* Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. The Hague, 1983. Vol. XXVIII. P. 149–180 (о кн.: Пеннингтон 1980).

Хабургаев 1980 – *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.

Хадрович 1947 – *Hadrovics L.* Le peuple serbe et son église sous la domination turque. Paris, 1947.

Хадрович 1955 – *Hadrovics L.* Der südslavische Trojaroman und seine ungarische Vorlage // *Studia Slavica*. Budapest, 1955. T. I. P. 49–135.

Хадрович 1960 – *Hadrovics L.* A délszláv Nagy Sándor-regény és középkori irodalmunk // *Magyar Tudományos Akadémia Nyelvés Irodalomtudományok Osztályának Közleményei*, 16. 1960. P. 235–293.

Хадрович 1985 – *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985. S. 147.

Хазай 1976 – *Hazai G.* Zur Rolle des Serbischen im Verkehr des Osmanischen Reiches mit Osteuropa im 15–16 Jahrhundert // *Ural-Altaische Jahrbücher*, 48. 1976. S. 82–88.

Ходыницкий 1934 – *Chodynicky K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny 1370–1632. Warszawa, 1934.

Хождение 1970 – Хождение на флорентийский собор (в приложении к ст.: Казакова 1970, 62–72).

Холлош 1979 – *Холлош А.* О языке грамоты Матиаша Корвина к Ивану III // *Studia Slavica Hung.* Budapest, 1979. T. XXV. P. 189–193.

Хорошкевич 1980 – *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

Хорошкевич 1982 – *Хорошкевич А. Л.* Право «вывода» и власть «государя» // Россия на путях централизации : сб. ст. / отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1982. С. 36–41.

Хрэстаматыя 1961 – Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы / рэд. Р. І. Аванесаў. Мінск, 1961. Ч. 1.

Христиани 1906 – *Christiani W. A.* Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906.

Хюттль-Ворт 1963 – *Hüttl-Worth G.* Foreign Words in Russian: A Historical Sketch 1550–1800. Berkeley ; Los Angeles, 1963.

Фасмер 1953–1958 – *Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953–1958. I–III.*

Фасмер, Трубачев 1964–1973 – *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.*

Фенне 1961–1971 – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607 / edited by L. L. Hammerlich, R. Jakobson, E. van Schooneveld, T. Starck and A. Stender-Petersen. Copenhagen, 1961–1971. Vol. I–II.*

Филин 1972 – *Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л., 1972.*

Филин 1974 – *Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка // Вопр. языкознания. М., 1974. № 3. С. 3–13.*

Фогараши 1958 – *Fogarasi M. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699) // Studia Slavica. Budapest, 1958. T. IV. P. 57–62.*

Цебе 1916 – *Czebe Gy. A veszprémvölgyi oklevél görög szövege. Budapest, 1916.*

Целунова 1989 – Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова / подгот. текста, сост. словоуказателя и предисл. Е. А. Целуновой. München, 1989.

Целунова 2006 – Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова / предисл., исслед., подгот. текста и сост. словоуказателя Е. А. Целуновой. М., 2006.

Чабан 1962 – *Чабан М. Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, р. XVI. Київ, 1962. № 6. С. 64–65. Рец. на ст.: Мацурек 1958, 1960, 1960а.*

Черных 1956 – *Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956.*

Чижевский 1954 – *Čyževský D. Lexikalisches I // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1954. Bd. 22. S. 333–362.*

Чурмаева 1968 – *Чурмаева Н. В. К истории слова писарь в русском языке // Русская историческая лексикология / гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1968. С. 228–233.*

Шахматов 1915 – *Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.*

Шахматов 1938 – *Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М. ; Л., 1938.*

Шевелев 1975 – *Shevelov G. Y. On Lexical Polonisms in Literary Ukrainian // For Wiktor Weintraub / eds. V. Erlich [et al.]. The Hague, 1975. P. 449–463.*

Шевелев 1979 – *Shevelov G. Y. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.*

Шенкер 1983 – *Шенкер А. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X–XVI вв.) // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Columbus, 1983. Vol. 1. P. 255–267.*

Шмидт 1958 – *Шмидт С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. XIV. С. 256–265.*

Штекль 1954 – *Stöckl G. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven // SAECVLVM: Jahrbuch für Universalgeschichte, München, 1954. Bd. 5. S. 104–118.*

Штекль 1966 – *Stöckl G.* Kanzler und Metropolit // Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas. Graz ; Köln, 1966. Bd. V. S. 150–175.

Штибер 1974 – *Stieber Z.* Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974.

Штольц 1978 – *Stolz B. A.* On the Language of Konstantin Mihailović's *Kronika turecká* or *Pamětníki janczara* // American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978 / ed. H. Birnbaum. Columbus, 1978. Vol. 1. P. 683–698.

Штридтер 1961 – *Striedter J.* Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung // Zeitschrift für Slavische Philologie. Heidelberg, 1961. Bd. 39. S. 398–427.

Штрикер 1979 – *Stricker G.* Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum moskovitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts: Die Erzählung über die Belagerung Pleskaus durch den polnischen König Stephan Bathory 1581/82 im Vergleich mit der Erzählung über die Eroberung Konstantinopels durch die Türken 1453 // Slavistische Beiträge. München, 1979. Bd. 127.

Шушарин 1965 – *Шушарин В. П.* Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 420–452.

Щапов 1976 – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Элекеш 1937 – *Elekes L.* Nagy István moldvai vajda politikája és Mátyás király. Budapest, 1937. P. 21–22.

ЭСБенг 1967–1984 – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára / Főszerkesztő L. Benkő. Budapest, 1967–1984. I–IV.

ЭСРЯ 1963–2007 – Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. М., 1963–2007 (издание продолжается). Т. I, вып. 1–5 ; Т. II, вып. 6–10.

ЭССЯ 1974–1984 – Этимологический словарь славянских языков: Общеславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–1984 (издание продолжается). Вып. 1–10.

Якобсон 1950 – *Jakobson R.* О стихотворных реликтах раннего средневековья в чешской литературной традиции // Slavistična Revija: Revue de Slavistique. Ljubljana, 1950. Vol. 3 (= Ramovšev Zbornik: Mélanges Ramovš). P. 267–273.

Якобсон 1952 – *Jakobson R.* New Slavic Etymological Dictionaries // Slavic Word: A Slavic Supplement to Word, Journal of the Linguistic Circle of New York, № 1 (= Word. Vol. 8, № 4). New York, 1954. P. 387–394.

Яковкин 1936 – Законодательные акты Великого княжества Литовского : сб. материалов / подгот. к печати И. И. Яковкиным. Л., 1936.

Якубинский 1953 – *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

Янин 1970 – *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I–II.

Ярошенко 1931 – *Ярошенко В.* Українська мова в молдавських грамотах XIV–XV вв. // Збірник Комісії для дослідження історії української мови. Київ, 1931. Т. I. С. 247–339.

Яцимирский 1909 – *Яцимирский А. И.* Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ¹

- арцибискуп 61, 96
(барка) 68
бискуп 59
(кардинал) 63
господарь 23, 34
господар(ь)ство 22, 29, 45
(господин) 38, 39
граница 66
грош 64
(держава) 50
добровольно 91, 92
доставати/достати 86
доступити 90, 91
доход 78, 80
(дука) 65, 68
(дукат) 65
жак 72
завсе, зався 89
зацепка 100, 101
збродень 88, 100
звон 'колокол' 112
золотой 'монета' 64
канцлер 87
каплан 63
клаштор 72
клячити 71, 73
княжа 78
коруна 72
костел 72
крыж 71
лист 'грамота' 22, 77
местич 79
миля 61
мистр 110
(мних) 64
муляр, муроль 109
муровати 62
мша, мшу мшити 70
(новци) 'монеты' 68
окрутный 73
отщепенец 94
отчич и дедич 49, 55
пан 38, 40, 61
папез, папезев, папезский 70, 108
папезство 70
писарь 25, 31, 97
(планина) 63
поддати 87
полонина, Полониные горы 'Альпы' 62, 63
польский 77
посполно 78, 90
право 60
приклякати/приклякнути 71
присягати 106
приход 'доход' 84, 85
(ратман) 67
справедливый 73
статок 101, 102
столец 'престол' 87
турецкий 110, 111
школа (шкота, щкота) 86

¹ Ва ўказальніку даюцца словы, што сустракаюцца ў аналізаваных крыніцах, пра паходжанне і гісторыю якіх утрымліваецца інфармацыя ў працы. Словы, якія не маюць заходнерускага паходжання, але выкарыстоўваюцца для параўнання, змешчаны ў дужках.

«ATHILA» М. ОЛАХА В ПОЛЬСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ПЕРЕВОДАХ XVI ВЕКА (РЕЗЮМЕ)¹

Во время правления Стефана Батория Речью Посполитой (1576–1586 гг.) существовали благоприятные условия для развития культурных и языковых контактов между разделенной на три части Венгрией и народами многонационального Польско-Литовского государства.

Едва ли может быть случайным, что как раз в это время (ок. 1580 г.) появилось в старобелорусской литературе первое переводное сочинение на венгерскую тему – **Исторыя о Атыли коро[™] Ѹгорьскомъ** (в составе т. н. Познанского сборника – рукописи № 94 Библиотеки Рачинских в Познани). Сборник был детально описан А. Брюкнером в 1886 г.², им же был определен и источник анонимного старобелорусского рукописного перевода – польский печатный перевод Циприана Базылика *Historia spraw Atyle Króla Węgierskiego* (Краков, 1574 г.) с латиноязычного произведения *Athila* венгерского гуманиста Миклоша Олаха (Nicolaus Olahus, 1493–1568)³. М. Олах после битвы при Мохаче (1526 г.) и гибели молодого короля Людовика II (Ягеллона) оказался на Нидерландах в качестве секретаря королевны-вдовы Марии Габсбург, которая стала наместницей Габсбургов в их нидерландских владениях. Во время своего пребывания в Брюсселе (1531–1542 гг.) он переписывался с Эразмом Роттердамским и сам начал писать в духе гуманизма. Его сочинение *Athila* было написано в 1538 г., а впервые было опубликовано в 1568 г. в Базеле в качестве вставки в большой труд Антонио Бонфини по венгерской истории⁴. Интересно отметить,

¹ Упершыню надрукавана: Zoltán A. Oláh Miklós *Athila* című munkájának XVI. századi lengyel és fehérórosz fordítása = «Athila» М. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века / az előszót írta: I. Udvari. Nyíregyháza : Örökségünk Kiadó Bt., 2004. P. 540–554. (Dimensiones Culturales et Urbanales Regni Hungariae 6).

² См.: Brückner A. Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczynski'schen Bibliothek in Posen // Archiv für slavische Philologie. 1886. Т. 9. S. 345–391.

³ Там же. S. 376–384 ; о филологических проблемах сочинения М. Олаха и о его переводах см. также обстоятельную статью С. Грачотти: *Graciotti S. L'«Athila» di Miklós Oláh fra la tradizione italiana e le filiazioni slave* // Venezia e Ungheria nel Rinascimento. A cura di Vittore Branca. Firenze, 1973. P. 275–316.

⁴ Antonii Bonfinii rerum ungaricarum decades quatuor cum dimidia etc. Basileae, ex officina Oporiniana, 1568. P. 107–136. См.: Brückner A. Указ. соч. S. 379–380 ; Kulcsár P., Miklós O. *Athila* // Humanista történetírók. Budapest, 1977. P. 1092–1095.

что хотя латинский текст сочинения М. Олаха переиздавался в Венгрии несколько раз¹, на венгерский язык оно было переведено лишь в 1977 г.², т. е. примерно 400 лет после выхода польского издания и возникновения старобелорусского рукописного перевода. Старобелорусский перевод был издан А. Н. Веселовским в 1888 г.³; все последующие немногочисленные переиздания старобелорусского текста основываются на этой публикации⁴.

Исторыя ѿ Атыли коро^{ль} Ъгорьскомъ как памятник старобелорусской письменности оценивается исследователями по-разному. Классики славянского языкознания подчеркивали главным образом слишком буквальный характер старобелорусского перевода по отношению к польскому тексту Ц. Базылика. Так, например, А. Брюкнер писал о том, что этот перевод является почти только транскрипцией польского текста⁵. По А. И. Соболевскому, это произведение «почти не заслуживает названия перевода. Это просто переписанный русским алфавитом польский текст с небольшими фонетическими и другими изменениями, т. е. с заменой польских носовых русскими *у* и *а*, польского *рж* русским *р* и т. п. Такой перевод годился только для тех, которые знали по-польски, но не умели читать латиницы; он мог быть понятен только тогда, когда читатели могли понимать польский оригинал»⁶. Е. Ф. Карский сделал вывод о том, что «такъ какъ Аттила сохранился только в одной рукописи, приходится допустить, что эта повѣсть не пользовалась большимъ распространѣнiемъ. Впрочемъ, имѣя въ виду время ея перевода, когда уже усилилось употребленiе польскаго языка среди западнорусской интеллигенціи, возможно допустить, что предпочи-

¹ См. комментарии к последнему – критическому – изданию: Nicolaus Olahus. Hungaria – Athila / Ediderunt Colomannus Eperjessy Et Ladislaus Juhász (= Bibliotheca Scriptorum Medii Recentisque Aevorum Iosepho Fögel Moderante. Redigit Ladislaus Juhász, Saeculum XVI). Budapest, 1938. P. 35–72.

² Oláh Miklós. Athila (Kulcsár Péter fordítása) // Humanista történetírók. Budapest, 1977. P. 329–390.

³ Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Санкт-Петербург, 1888. Приложения. С. 173–236. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности ; т. 44, № 3).

⁴ См.: Гісторыя аб Атыле (глава 9) // Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы, Мінск, 1961. С. 187–191. Т. 1 ; текст полностью воспроизводится с украинизированной орфографией и многочисленными опечатками в издании: Історія о Аттілі, королі угорськом // Українська література XIV–XVI ст. / ред. В. Л. Микитась. Київ, 1988. С. 396–441. (Бібліотека української літератури).

⁵ «... der “Athila” ist durch die Vorlage fast nur noch eine weissrussische Transscription polnischer Worte und Formen geworden». См.: Brückner A. Указ. соч. S. 346.

⁶ Соболевский А. И. История русского литературного языка / изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 65.

тали пользоваться печатнымъ польскимъ текстомъ, нежели рукописнымъ западнорусскимъ, большею частью буквально воспроизводящимъ польскій оригиналь»¹. С другой стороны, буквальность перевода может оцениваться и положительно. Так, например, в одном из обобщающих трудов по истории белорусской литературы говорится: «Белорусский перевод этой повести [...] почти буквально передает текст польского протографа и отличается чистотой языка, свободного от архаических, церковнославянских элементов» (разрядка наша. – А. З.)². И. Н. Голенищев-Кутузов подчеркивал, что в отличие от двух других переводных повестей в составе того же Познанского сборника («Повесть о Бове», «Повесть о Тристане и Изольде»), которые принадлежат к средневековому жанру рыцарского романа, **Исторыя ѿ Атыли коро[™] Ёгорьскомъ** принадлежит уже к ренессансной литературе³.

Старобелорусская **Исторыя ѿ Атыли коро[™] Ёгорьскомъ** не принадлежит к числу самых популярных памятников старобелорусского языка. В том же Познанском сборнике сохранилась и так называемая Летопись Рачинского («Лѣтописец Великого князства Литовского и Жомойтского»), опубликованная дважды – в 1907 г. Ст. Пташицким⁴, а в 1980 г. Н. Н. Улащиком⁵, здесь же находятся самые ранние дошедшие до нас списки двух рыцарских романов («Повесть о Тристане», «Повесть о Бове»), переведенных на старобелорусский с сербского языка, которые в свое время были опубликованы также А. Н. Веселовским⁶. Если, однако, языку двух рыцарских романов посвящена специальная монография⁷ и им отводятся отдельные статьи в недавней энциклопедии белорусского языка⁸, то специально

¹ Е. О. Карскій. Бѣлорусы. Петроградъ, 1921. С. 76–77. Т. III : Очерки словесности бѣлорускаго племени. 2. Старая западнорусская словесность.

² История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977. С. 252.

³ См.: Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963. С. 64–65.

⁴ Западнорускія лѣтописи. СПб., 1907. С. 295–355. (Полное собрание русских лѣтописей, изданное по высочайшему повелѣнію Императорскою Археологическою комиссією ; т. XVII).

⁵ Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 145–172. (Полное собрание русских летописей ; т. 35).

⁶ Веселовскій А. Н. Указ. соч.

⁷ Jasińska-Socha T. System fleksyjny starobiałoruskich zabytków II połowy XVI w. (Opowieść o Tristanie, Opowieść o Bowie). Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1979.

⁸ Жураўскі А. І. «Аповесць пра Баву» // Беларуская мова : энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 40–41 ; Суднік Т. М. «Аповесць пра Трышчана» // Там же. С. 41–42.

языку «Истории об Аттиле» до недавнего времени была посвящена только посмертно изданная, явно не законченная, небольшая статья венгерского слависта П. Шонкоя¹. Хотя лексический материал этого памятника вошел в список источников исторического словаря белорусского языка², а также двух основополагающих работ А. Н. Булыко по заимствованной лексике в старобелорусском языке³, он упоминается в общих трудах по истории старобелорусского литературного языка⁴, но в общем-то создается впечатление, как будто бы и сами белорусские языковеды считали «Историю об Аттиле» каким-то второстепенным, малохарактерным памятником старобелорусского языка последней трети XVI в. Винават в этом прежде всего сам А. Брюкнер, так как хотя у него были под рукой старобелорусский текст и его польский оригинал одновременно, в своем исследовании в качестве иллюстрации привел два коротких параллельных фрагмента белорусского и польского текстов, заверяя читателей, что соотношение текстов таково же на протяжении всего сочинения⁵. Другие слависты могли судить о качестве перевода только по изданию А. Н. Веселовского и по исследованию самого А. Брюкнера.

При параллельном чтении польского и белорусского текстов можно, однако, найти и такие фрагменты, в которых имеются характерные, прежде всего лексические, отступления от польского образца. Вот один такой отрывок, в котором отражается явное стремление старобелорусского писца дать самостоятельный перевод.

¹ Шонкой П. Замечания об «Исторыи о Атыли, короли угорском» // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1975. Т. IX–X. С. 207–217. – О П. Шонкое [Sonkoly, Pál] см.: *Том II*. Х. Пал Шонкой (1928–1975) // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1975. Т. IX–X. С. 255–258 ; *Его же*. Пал Шонкой (1928–1975) // *Studia Slavica Hung.* Budapest, 1975. Т. XXI. С. 233–234 ; *Кочии М.* Белорусское языкознание в Сегеде (до 1996 года) // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1996. Т. XXIV. С. 159–163.

² Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982. Вып. 1.

³ Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972 ; *Яго ж.* Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. Мінск, 1980.

⁴ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967. Т. I ; *Анічэнка У. В.* Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969.

⁵ «...der weissrussischer Uebersetzer hat nämlich Titel und Vorrede fortgelassen, während er sich sonst mit sklavischer Genauigkeit an seine Vorlage gehalten hat. Ich führe für dieselbe zwei kurze Stichproben an, die (verstümmelten) Anfang und Ende des polnischen Textes und den weissrussischen, mit der Versicherung, dass sich beide sonst genau ebenso decken...» – *Brückner A.* Указ. соч. S. 376–377.

Латинский оригинал

Athila Hungarice Ethele dictus statura media fuit, pectore et humeris latis, capite ad membra caetera aequo, fusca facie, oculis nitentibus, ipso intuitu severitatem quandam prae se ferentibus, rarus barba, simo naso, incessu superbus, pronus in venerem, corpore laboris, inediae, vigiliae et frigoris iuxta ac caloris patiente, magna vi animi, consilio bono, audax, manu strenuus et in rebus militaribus exercitatus, cupidus gloriae, in hostibus fallendis, dolis insidiisque struendis vitandisve et ingeniosus et callidus, in praeliis omnia circumspectans, nunc militis strenui, nunc ducis optimi agens officium [...], erga superbos ferox, supplices vero facilis et misericors.

Польский текст

Atyła tedy ktorego po węgiersku zową Etele był średniego wzrostu pierśi y rąmion byrokich, głowy wedle inbých członkow pomiermej, *twarzy* czarnáwey, oczu fwiátłyých, na *weźrzeniu frogość* iákąś w fobie máiących, brody rzadkiey, nofá zákrzywionego, pochodu hárdego, do Wenusá bárzo sklonny: na pracę cielesną, ná głód, *niespánie*, na *zimno* y gorączość bárzo *trwały*: wielkiego serca, rády dobrej, śmiáły, ręki *chybkiey* y mężney, w rzeczach rycerskich *ćwiczony*, do sławy bárzo *chćiwy*: w *ořbukaniu* nieprzyiaciela, w *řtroieniu* fortelow y zdrády, *bárzo dowćipny* y chytry, w bitwie wszystkiego dogládájący, czasem mężnego żołnierza, czasem spráwnego Hethimáná powinności dosyć czyniąc, przeciwko pysznym *furowy*, á przeciwko pokornym lácný i miłosierný.

(Bazylik 1574, B2–B2v)

Старобелорусский текст

Атыль^А тогды, которога по Ѣго^Рски^С зовуть Эгле, бы^Л сере^Нне^Г Ѣзо^Рту, персе^С и плече^С шыроки^Х, головы водле инышы^Х чло^Нко^В поме^Рное, *объли^ЧА* че^Рнавога, о^Чю свѣ^Тлы^Х, на *ѣзглáде быстро^{Смб}* *іакуюсь* в собѣ маючо^С, борода рѣ^Дькое, носа закрьвленого, походу го^Рдого, до вэну^{Са} велми склонны^С, на працу телесную, на голодь, на *студень* и на горячо^{Стб} велми *те^Рпливы^С*, великого сѣ^Рца, рады доброе и смѣ^Лы^С, руки *хи^{См}кое* и му^Жное, в рѣ^Ча^Х рыцѣ^Рскихъ Ѣ^Чоны^С, до славы *велми хо^Мливы^С* въ *о^Гглу^Ме^Чю* неприпáтєлє, в *нараже^Чю* [...] и зрады *велми ро^Стро^Нны^С* и хитры^С, в би^Тве всего догладуючы^С, часомъ му^Жного жо^Лнера, часо^М спра^Внаго гѣ^Тмана повинности досы^{Тб} чынечы, проти^Вко пышны^М *крнобрны^С*, а проти^В поко^Рныхъ ла^Чны^С и милосе^Рдны^С.

(Rps. Racz. 94, 178)

В этом предложении порядок слов точно следует польскому образцу, но лексический материал во многом отступает от него. Среди лексических замен есть и рутинные, характеризующие весь текст: *tedy* → → *тогды*, *bárzo* → *велми*, но есть и оригинальные: *twarzy* – *объли^ЧА* Gsg., *weźrzeniu* → *ѣзглáде* Lsg., *frogość* → *быстро^{Смб}*, *zimno* → *студень*, *trwały* → → *те^Рпливы^С*, *chybkiey* – *хи^{См}кое* Gsg. fem., *ćwiczony* → *Ѣ^Чоны^С*, *chćiwy* → → *хо^Мливы^С*, *ořbukaniu* → *о^Гглу^Ме^Чю* Lsg., *řtroieniu* – *нараже^Чю* Lsg., *dowćipny* → → *ро^Стро^Нны^С*, *furowy* → *крнобрны^С*. В данном отрывке старобелорусскому переводчику нельзя отказать в стремлении к избежанию буквализма, другое дело, что в большинстве случаев он заменил один полонизм другим.

Это совершенно ясно в случае замен *weźrzeniu* → ⁶*згладзе* Lsg. (ср. польск. *względ*; русск. *взгляд* отмечается только с XVII в.¹), *frogość* → *быстро*^{смь} (ср. польск. *bystrość*, в XVI в. также ‘самоуправство’²), *trwały* → *теп*^п*ливы*^с ³, *chćiwy* → *хо*^м*ливы*^с (ср. польск. *chętlivy*, *chutliwy* (*do czego*)⁴, *fioieniu* → → *нараже*^н*ю* Lsg. (ср. польск. *narządzić łapkę*, *narządzić zasadę* ‘подстроить ловушку’)⁵, *dowćipny* → *ро*^с*тро*^н*ны*^с ⁶, *furowy* → *крнобрны*^с ⁷. Однозначно восточнославянскому влиянию можно приписать только замены *zimno* → → *студень* (ср. укр. *студінь* ‘холод, мороз’) и *chybkiey* → *ху*^{см}*кое* Gsg. fem. (ср. укр. *хисткий* ‘умелый’). В случае замены *twarzy* → *объли*^ч A Gsg. и *ćwiczonу* → *щчоны*^с наряду с влиянием соответствующих польских слов (*oblicze*, *uczonу*) в принципе можно считаться и с влиянием соответствующих церковнославянских, но ввиду отсутствия сколько-нибудь заметного церковнославянского влияния на текст в целом, их следует считать скорее полонизмами. Форму *оглуме*^н*ю* Lsg., которым заменяется польск. *ośbikaniu*, ввиду слабой засвидетельствованности корня *ghum-* в польском, с одной

¹ ДПС 2. С. 145. Отступление от польского образца тем знаменательнее, что в подобном значении уже у Скорины встречается *возренье/возренье*, точно калькирующее структуру ст.-польск. *weźrzenie* (СлСкар. Т. I. С. 72).

² SiXVIw. Т. III. S. 88–89; в другом месте польск. *srogość* передается ст.-белорус. *срокгость*: „[...] Węgrowie, gdy już nąd wbytkimi [...] dofyć *frogości* używali [...]” (Bazylik 1574. K. F3) → „[...] Щрове кгда вже на^л всеми [...] досы^т *срокго*^{см}*и* ужывали [...]” (Rps. Racz. S. 206). Прилагательное *срокгий* (< польск. *srogi*) в старобелорусском отмечается с 1538 г. (Булыко 1972. С. 306). Ст.-белорус. *быстрость* в данном значении впервые засвидетельствовано как раз в этом памятнике (ГСБМ. Вып. 2. С. 272–273), ср. в другом месте: „Gdy thym nápomинaniem *byftróść* Węgierska nic się nie hánowála [...]” (Bazylik 1574. K. F2) → „Кгда ты^м намина^немь *быстрость* Щгорьскаа ничого са не гамова^л [...]” (Rps. Racz. 94. S. 205).

³ Ср. польск. *cierpliwy* (*na co*) (в XVI в. не только ‘терпеливый’, но и ‘стойкий, выносливый’, ср.: SiXVIw. Т. III. S. 497–498). В старобелорусском *травати* ‘длиться’ (< польск. *trwać*) отмечается с 1507 г.; засвидетельствовано также прилагательное *трвалый* (< польск. *trwał*; без точной датировки, см.: Булыко 1972. С. 324).

⁴ См.: SiXVIw. Т. III. S. 220–221, 341–342; ср.: Булыко 1972. С. 347 sv. *хуть*, *хоть*.

⁵ См.: SiXVIw. Т. XVI. S. 203; русск. *наряжение* (XVII в.) ‘наводка, прицеливание’ тоже является полонизмом, см.: ДПС. Т. 10. С. 236.

⁶ В XVI в. *dowćipny* и *roztropny* были синонимами в значении ‘сообразительный, находчивый’ (SiXVIw. Т. V. S. 518–519). В ст.-белорус. памятниках *ростропный* отмечается уже с XV в., а *довѣпный* (< польск. *dowćipny*) с XVI в., ср.: Булыко 1972. С. 287, 98–99.

⁷ Это первая известная фиксация данного прилагательного в старобелорусском, см.: Булыко 1972. С. 177.

стороны, и отсутствия деривата **оглумити* в старой восточнославянской письменности – с другой, следует считать польско-белорусским гибридным образованием.

Встречаются в тексте и последовательные замены, по которым можно судить о том, что некоторые полонизмы, совсем привычные в современном белорусском и/или украинском языке, в конце XVI в. еще были чужды старобелорусскому языку. Так, например, польский корень *trzym-* во всех без исключения случаях заменяется восточнославянским (праславянского происхождения) *держ-*. Это касается и польского идиоматического словосочетания XVI в. (ныне устаревшего) *otrzymać zwycięstwo*, калькирующее ср.-лат. *victoriam obtineo*, которое автоматически заменяется на *одержати звитяжство*, ср., например: *Otrzymawszy Węgrowie to zwycięstwo* (Bazylik 1574, B2) → *Ўдe^pжавшы Ёгрове тое звитя^{жс}тво* (Rps. Rac. 94, 177). Позже, в конце XVII в. вместе с западнорусскими текстами это словосочетание попадает и в Москву, где полонизм *звитяжство* заменяется церковнославянизмом *побѣда*¹.

Встречаются в тексте и некоторые собственно белорусские слова. К этому памятнику относится, например, первая известная фиксация слова *бусел* ‘аист’, распространенное только в белорусских и в прилегающих к ним говорах соседних славянских языков².

На основе приведенного материала можно сделать вывод о том, что этот переводной памятник может дать много ценного материала для исторической лексикологии и семантики белорусского, а также других славянских языков, показания памятника могут быть правильно оценены, однако только при сличении старобелорусского перевода с польским текстом.

Старобелорусский перевод, несмотря на его буквальный характер, даже благодаря ему, представляет собой большую филологическую ценность еще в одном отношении.

Польский печатный перевод Ц. Базылика сохранился всего лишь в одном-единственном, и то дефектном экземпляре, в котором утрачены листы, содержавшие начало повести³. Поэтому утраченное начало польского текста может быть восстановлено только на основе латинского оригинала

¹ Подробнее см.: Zoltán A. Почему русские *одерживают* победы? // Russian Linguistics. 1998. Т. 22. Р. 165–177.

² См.: Общеславянский лингвистический атлас. Сер. лексико-словообразоват. М., 1988. Вып. 1 : Животный мир. С. 128 и карта № 29.

³ Библиотека Польской Академии наук в Курнике, шифр: Cim O. 226, см.: Piekarski K. Katalog Biblioteki Kórnickiej. Kraków, 1929. Т. I : Polonica XVI-go wieku. S. 24, № 162 ; s. 31, табл. V.

и старобелорусского перевода. На основе латинского и старобелорусского текстов можно установить, что Атилу из короля гуннов в «угорского короля» превратил как раз польский переводчик. В начале повествования М. Олах говорит определенно о гуннах («Hunni»). Ц. Базылик – судя по старобелорусскому тексту – в своем польском переводе уже с самого начала отождествлял гуннов с венграми; при первых случаях употребления этнонима *гунны* он добавляет объяснения типа «гунны, которых теперь обычно зовут венграми», «в Паннонии, то есть в той стране, которую мы теперь называем Венгрией»¹, а дальше в ходе повествования он говорит только о венграх, приписывая тем самым все подвиги (а также все преступления) гуннов венграм. Таким образом, польские и белорусские читатели познакомились с венгерским, положительным образом Атилы и с преданием о гунно-венгерской преемственности, которое начиная с Средневековья составляло неотъемлемую часть венгерской национальной мифологии².

С венгерской точки зрения заслуживает внимания, что вместе с этими переводами стал известным польскому и белорусскому читателю довольно богатый венгерский лексический материал, прежде всего ономастического характера – личные имена и географические названия, в результате тройной транскрипции (венгерский > латинский > польский > белорусский) выступают они в старобелорусском тексте иногда в несколько искаженном виде. Из личных имен назовем *Бэла* < **Bela* < *Bela* < *Bela*, *Кэвэ* < *Kewe* < *Cheva* < *Keve*, *Кадыка* < **Kadyka* < *Cadica* < *Kadicsa*, *Хаба* < *Chaba* < *Chaba* < *Csaba*; как видим, в старобелорусском тексте XVI в. встречаются уже некоторые популярные донныне венгерские имена (*Béla*, *Csaba*, ср. также *Attila*). Из географических названий встречаются, в частности, *Лазазгелемь* (тв. ед.) < < ? < *Zaazhalom* < *Százhalom*, *Бузыни* (род. ед.) < *Budzyń* < *Buda* < *Buda*, *Кэленфэзльдэ* < ? < *Kelenfewlde* < *Kelenföld*, *Тарнокъ* < *Tarnok* < *Tharnok* < *Tárnok*, *Кэвегаза* < *Kewehazá* < *Kevehaza* < *Keveháza*, *Кэазо* < *Keazo* < *Keazo* < *Kajászó*, *Тэмэ*^с < **Thetes* < *Thétém* (Акц.) < *Tétény* и др.³

¹Ср.: *Zoltán A.* Rekonstrukcja zaginionych fragmentów Bazylikowego przekładu *Athili M. Oláha* (1574) // *Studia Slavica Hung.* 2001. Т. 46. Р. 13–23.

²Ср.: *Zoltán A.* Z węgiersko-polsko-białoruskich związków kulturalnych (“*Athila*” *M. Oláha* w przekładzie polskim i białoruskim) // *Acta Polono-Ruthenica.* Olsztyn, 1996. Т. 1. S. 427–435.

³Подробнее см.: *Золтан А.* Слова венгерского происхождения в белорусском языке: Книжные заимствования эпохи Стефана Батория // *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.), С. Запрудскі, Н. Мячкоўская. Мінск, 2001. С. 105–115. (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 19).*

Судьба польского перевода сочинения М. Олаха и тем самым венгерский этногенетический миф интересным образом переплетались с мифом о происхождении литовцев от римлян. Эта мысль, пущенная в ход Яном Длугошем в конце XV в., к концу XVI в. уже обросла разными вариантами. Польский историк М. Стрыйковский в своей «Хронике польской, литовской, жемайтской и всей Руси» (Кёнигсберг, 1582)¹ собрал эти варианты и упорядочил их по тому признаку, чем они объясняют бегство Палемона с пятьюстами знатными римскими семействами из Рима в устье Немана. М. Стрыйковский, прочитав тринадцать разных хроник, установил, что в них называются три причины переселения римских предков литовцев на современную их территорию: 1) гонения во время Нерона; 2) многолетняя засуха в бассейне Средиземного моря и 3) походы Аттилы на Западную Европу. Эта третья причина вдохновила М. Стрыйковского пересказать стихами всю гуннскую («венгерскую») историю. В стихотворный текст в одном месте он вставил в скобках обстоятельную вставку в прозе, чтобы при случае рассказать легенду о святой Урсуле. Если сравнить текст этой вставки с соответствующим местом перевода Ц. Базылика и оригинала М. Олаха, то нетрудно убедиться в том, что М. Стрыйковский практически списал текст Ц. Базылика. Таким образом, благодаря этому небольшому плагиату фрагмент текста М. Олаха в переводе Ц. Базылика, хотя и анонимно, но вошел в состав в популярное сочинение М. Стрыйковского. Ради справедливости следует отметить, что в одном другом месте М. Стрыйковский на полях ссылается на это сочинение („O tym czytaj Hiftorię od Baſilica Cypriana przełożoną” – с. 54).

Нами было высказано предположение, что рост интереса к личности Аттилы во время правления Стефана Батория едва ли может быть случайным. М. Стрыйковский, ссылаясь на старые летописи, утверждает, что «венгры» вышли из Югры, реки и области в России („Roku Bożego 401. powstał ieſt Atila, który zwan ieſt Bicz Boży, który wyſedł od Rzeki Juhri, á Jura i teraz ieſt w ziemi Iwaká [sic!] Cára” – с. 56). В одном месте мы читаем у него наивную, но интересную актуализацию о том, что Стефан Баторий как венгр с полным правом воюет против Ивана Грозного: он добивается только своей «вотчины» („y teras Krol Stephan ſłuſnie iáko Węgrzyn Oyczyzny ſwey Juhariey, pod Moſkiewſkim może dochodzić, którą on ſam Węgrom przyznawa” – с. 69). О том, что сравнение Стефана Батория с Аттилой в данный период не было

¹ Kronika Polska Litewska, Zmódzka, y wſyſtkiey Ruſi [...] / przez Macieia Osostewicivsa Striukowſkiego [...]. Drukowano w Królewcu v Gerzego Ofierbergera: M. D. LXXXII.

чем-то необычным, свидетельствуют и слова Иоахима Бельского по поводу смерти короля: “Był to Pan wyfokiey vrody, i krafny dofyć, twa-/rzy pośięgley, plci rumiano czarney, włofow czarnych, á zębow dži-/wnie białyich, *nofã kęs zãkrzywionego, z iákim / polpolicie Attyllę málujã*”¹.

В XVII в. «Хроника» М. Стрыйковского была переведена на старобелорусский язык и дважды на русский (русско-церковно-славянский) язык. Вместе с переводом всей «Хроники» была переведена и легенда о святой Урсуле в версии М. Олаха, заимствованная М. Стрыйковским из польского перевода Ц. Базылика 1574 г. Таким образом этот небольшой фрагмент сочинения венгерского гуманиста – хотя и анонимно – вошел не только в польскую и белорусскую, но и в русскую литературу².

Старобелорусская **Исторыя ѿ Атыли коро^{тм} Ъгорьскомъ**, сохранившаяся в составе Познанского сборника ок. 1580 г. (= А.), принадлежит к тем переводным памятникам, путь миграции которых точно установлен: непосредственный источник – это польский печатный перевод Ц. Базылика 1574 г. (= С.), сделанный с латиноязычного сочинения *Athila* венгерского гуманиста М. Олаха (1537/1568 г.; = О.). Несмотря на то что литературная история произведения была выяснена еще А. Брюкнером (Brückner 1886: 376–384), старобелорусский текст до сих пор изучался в отрыве не только от латинского оригинала, но и от промежуточного польского перевода.

Старобелорусский текст полностью издавался дважды: А. Н. Веселовским в 1888 г. (= В.) и ровно сто лет спустя В. Л. Микитасем в 1988 г. (= М.).

При сличении текста рукописи с изданием В. обнаруживается ряд лингвистически значимых отступлений. Ср., например:

А.	В.
ро ³ ные 173 ₅	разные
догорающее 173 ₁₈	догарающее
в шатро ^x 174 ₂₅	в шатрах
вта ^p гне ⁿ сьмь 174 ₃₀	вторгненсьмь
паметки 176 ₆	памети
нат ^p ли 177 ₁₀	наперли
набытые 178 ₆	набыто
оалили 180 ₈	хвалили

¹ Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioach. Bielskiego fyná iego wydána. W Krakowie, w Drukarni Jákuabá Sibeneycherá, Roku Páńkiego, 1597. S. 804.

² См.: Золтан А. Легенда о святой Урсуле в старой польской и восточнославянской письменности (XVI–XVII вв.) // Studia Slavica Hung. 2003. Т. 48. С. 323–334.

король 181₂₉
 швабомъ 184₂₁
 пэвне^s/шого 188_{14–15}
 стегалчюю 189₁₅
 налегає^t 190₂₆
 ѿгрѣтую 192₂₄
 му^жство 194₃
 небе³пе^чностями 195₁
 заховали 195₃
 прэмѣ^pа 196₁₅
 поки 197₁₈
 ѿбова^л 198₂₇
 крвавое 198₃₄
 молащого 202₄
 Ѹдамъ 204₁₃
 та^pгнуль 206₁₀
 провади^л 207₂₆
 Сэрцэ 212₁₃
 в ыⁿшы^x 214₃₂
 звычаю 215₅
 сътрати^{тн} 216₁₅
 пока^pмомъ 217₅
 ѿбо^bлаючы 218₁₇
 прыгле/дишь 219_{11–12}
 (Ѹ его) во^сщэ 220₂₁
 ѿ^чкну^bшы 222₁₂

кроль
 швабамъ
 пэвней того
 стегаячую
 налетает
 согретую
 мужество
 небезпеченностями
 доховали
 прэми^pа
 коли (2х)
 ѿбавял
 кровавое
 молащаго
 уфамъ
 торгнуль
 проводил
 Сэрдцэ
 в иныхъ
 ѿбычаю
 сътрати
 покормомъ
 ѿбавляючы
 прыгледимъ
 воисцэ
 ѿчнувши

В издании А. Н. Веселовского нередко пропускаются слова, фразы, иногда и целые строки:

ѿказаль бы по / собѣ нѣ^ыаки^s зна^k
 скро^m-ности, по^bстагливости и *справед-*
ливо^cти своее 181_{24–25}

А атыла Ѹтратившы прошлого д^на
 всю мо^ц / *люду своего, довѣда^вшы с^a ѿ^m*
ишѣ^жго^в Ѹмыслу тразимунѣдового / праве
 ѿ свой^x реча^x зво^{нт}пившы пры³ва^л до себе
 свои^x жо^лнеро^b 194_{20–22}

ѿⁿ самъ с^a пре^лс^a намы^шлалъ ѿ
звита^ж с^mве / если бы непры^тель налѣ^е
во^{нт}ишь всего с^a бо^ла^л ѿпатруючы / пере^л
 часо^m свое рече^и если бы *ѿака^m* прыгода
 прыпала 195_{17–19}

ѿказаль бы по собѣ нѣ^ыакии знак
 скромности, повстагливости своее

А Атыла, утратившы прошлого д^на
 всю мо^ц, праве ѿ своих речах звонтпив-
 шы, призвал до себе своих жолнеров

ѿн самъ с^a предс^a намышлалъ,
 ѿпатруючы перед часом свое рѣчы, если
 бы *ѿака^m* прыгода прыпала

Коли бы есмо мѣли ꙗкую надѣю
 ѡбороне^нА / мѣста 202_{27–28}
 тое ѡблеже^нА надзы до ꙗкого ко-
 ро^мкого ча^су выте^рпѣть 202_{28–29}
 даючы то по со/бѣ знати, же хотя
 бѣлаа голова, пре^оса пере^о ихъ ѡчыма
 хоче^{мб} то ѡ/казати же хотя бы непрѣпа-
 тель тѣлу ее муки задаваль 204_{24–26}
 с та^к много тисече^с люде^у ѡ^т наро-
 довъ на во^сну нарожены^х 222_{36–37}

Коли бы есмо мѣли ꙗкую надѣю
 ѡбороне^нА;
 тое ѡблежена надзы вытерпѣть
 даючы то по собѣ знати, же хотя бы
 непрѣпатель тѣлу ее муки задаваль
 с так много тисечеи ѡт народовъ на
 воину наражоныхъ

В ряде случаев неучитывание польского и/или латинского текстов при-
 водит к неправильному прочтению старобелорусского текста:

А.	В.	С.	О.
кадыко ^м 173 ₂	Надыком		Cadica
ляа ³ гале ^м 173 ₂₀	Лазагале ^м		Zaazhalom
которые ^м (...помени ^л) 185 ₄	которые А (...поменил)	ktorem (...pomienił)	
неѡпа/трне ^х 186 _{28–29}	неѡпарныхъ	nieopatrzne	
и сполны ^х 211 ₃₃	исполныхъ	y Ńpolnych	
чынено и 222 ₂₀	чыненои	czyniono y	
нарожены ^х 222 ₃₇	наражоныхъ	národzonych	
(А ^р кадове) тры харове (и ака ^н нанове ше ^с ть) 223 ₁₈	(аркадове,) трыхарове (и акарнанове ше ^с ть)		(Arcades) trium, Chares (et Acarnanes sex)

В случае имен более известных исторических лиц ошибки переводчи-
 ков исправляются без оговорок:

мэронэѸсомъ 188 ₂₅	Мэровзусомъ	Meroneufem	(cum...) Meroveo
мэронэѸсъ 188 ₂₇	Мэровзусъ	Meroneus	Meroveus
марыка 218 ₁₄	Аларыка	Maryká	Alarici

Издание М. следует В. и не только повторяет все его ошибки, но вводит
 и новые. Новшеством М. является украинизированная орфография (что
 нигде не оговаривается), ср. начало текста по А.: *Кѣды пере^о давными часы
 гу^ннове, або ꙗ^к ихъ нине по^сполите зовуть Ѹгрове и³ своими кнѣжаты Беле^м
 Кэво^м и кадыко^м...* и по М.: *Кѣди через давніми часи гуннове або, як їх нині
 посполиті зовуть, угрове із своїми княжати Белем, Кевом і Надиком...*,
 где к старой ошибке В. *Надыком* вм. *Кадыком* (см. выше) прибавляется
 новая – *через* вм. *перед*.

Другим новшеством М. является совсем произвольная реконструкция пропущенных переводчиком слов. Ср., например:

А.: з великою [.....] обычаємъ тата^Рскимъ погреб^Бли 176₁₅

В.: з великою обычаємъ татарскимъ погребли

М.: з великою [скорботою] з обичаем татарскимъ погребли,

хотя достаточно обратиться к польскому или к латинскому тексту, чтобы узнать, какое слово было пропущено в данном месте:

С.: z wielką *pompą* obyczaiem Tatarskim pogrzebli

О.: more Scythico magna *pompa* sepeliunt.

Другие примеры подобной «реконструкции»:

А.: нашо^Л на просторно^М поли, Коли шо^Л слѣдом раненое 179₂₈₋₃₀

В.: нашол на просторном поли, коли шол слѣдом раненое

М.: найшов на просторном полі, коли ішов слідом [неприятеля] раненос

С.: nálaží ná przestronym polu, gdy łzedł ślădem *iăłofzki* rănioney

А.: заразо^М / ѿ^Лного часу во^Сною 181₃₋₄

А.: заразом ѿдного часу войною

М.: заразом одного часу войною [остереглися]

В.: zărăzem iednego czăfu woynă *nie trapili*

А.: Ѱмысли^Л на споко^Сны^С живо^Т / вести 184₂₇₋₂₉

В.: умыслил на спокойный живот вести

М.: умислив на [далі] спокойний живот вести

А.: vmyślil ná wśi ſprokoyny żywot wieść

А.: А та^К коли его оскар^Ржоно **ѿ**къ бы ѿ^Н што ново^Г мѣ^Л 184₃₀

В.: А так коли эго оскаржоно, **ѿ**къ бы ѿн што нового мѣл

М.: А так, коли его оскаржоно, як би он што нового [ні] мѣл

С.: A ták gdy go ofkărżono iăkoby on co nowego *kowác* miał

А.: абы са его лю^Л за твоимъ поле^Пшы^Л 188₈

В.: абы са его люд за твоим полепшил

М.: абы ся его люд за твоім [панованням] поліпшив

А.: áby ſie iego lud zá twym *trapieniem* polepřzył

А.: не былъ **ѿ**ко ѿ^Т не^Пры/**ѿ**тела 208₂₂₋₂₃

В.: не былъ **ѿ**ко ѿт непри^Пятела

М.: не був **ѿ**ко от неприятеля [звѣтяжоний]

С.: nie był iăko od nieprzyciela *ofzkan*

А.: хотечы Атыле наза^Л 213₁₀

В.: хотечы Атыле назад

М.: хотячи Аттілі [дорогу зайти і погнати] назад

А.: chcąc Atyle *cofnąć* ná zad

А.: Атыла..... а намы^шлалъ што бы чыни^{ти} мѣль 221_м

В.: Атыля а намышлалъ што бы чынити мѣль

М.: Аттіла [виличав] а намішляв што би чинити мав

А.: Atyła *wahal* á namyŃlał czoby czynić miał

А.: Утекъ до кгрэцыи до гонорыѸса цэсара своего

В.: утекъ до Кгрэцыи до Гонорыуса цэсара своего

М.: утік до Кгреції, до Гонориуса, цесаря, [діда] свого

О.: in Graeciam ad Honorium imperatorem *avunculum* suum confugit

Как это видно по приведенному материалу, все «реконструкции» В. Л. Микитаса сделаны наугад, причем точность попаданий у него равняется нулю.

Существующие издания старобелорусской *Истории о Атыли*, таким образом, не соответствуют научным требованиям. Новое издание памятника целесообразно осуществить на основе рукописи и вместе с переизданием польского перевода 1574 г., с учетом латинского оригинала. Настоящее издание ставит перед собой именно такие цели.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Булыко 1972 – *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982– . Вып. 1– .

ДРС – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975– . Вып. 1– .

СлСкар – Слоўнік мовы Скарыны / склад. У. В. Анічэнка. Мінск, 1977–1994. Т. 1–3.

SlXVIw. – Słownik polszczyzny XVI wieku / pod red. M. R. Mayenowej. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1966– . Т. I– .

СЛОВА *ОРАШ* І *ОРАШЕЦ* ‘ВЕЛІКАН’ У СТАРАБЕЛАРУСКАЙ «ПОВЕСТИ О ТРЫЩАНЕ»¹

Пасля выхаду абагульняльных прац Р. Волаша па венгерскіх запазычаннях польскай мовы [1] і А. Холаша па венгерскіх элементах рускага слоўніка [2] наспей час таксама для стварэння аналагічнага агляду слоў венгерскага паходжання ў беларускай мове. Да гэтага часу намі былі спецыяльна разгледжаны запазычанні эпохі Стэфана Баторыя [3], а таксама зроблены некаторыя назіранні па гэтым пытанні ў працах больш агульнага характару [4]. Пераважная большасць беларускіх хунгарызмаў мае дакладныя суадпаведнікі ў польскай мове, што цалкам зразумела па гістарычных умовах працяглага суіснавання польскага і беларускага этнасаў у Польшка-Літоўскай дзяржаве. Выключна рэдка, але ўсё ж такі сустракаюцца ў беларускай мове і сепаратныя запазычанні з венгерскай. Прыкладам такой рэдкай з’явы і можа паслужыць указанае ў назве старабеларускае слова *ораши(ец)* ‘велікан’.

Слова гэта не прыводзіцца ў адпаведным выпуску гістарычнага слоўніка беларускай мовы [5]. Яно засведчана ўсяго ў адным помніку старабеларускай мовы – у старабеларускай версіі легенды пра Трыстана і Ізольду («Повесть о Трыщане»), якая захавалася ў адзіным спісе ў складзе т. зв. Познанскага зборніка каля 1580 г. (рукапіс № 94 Бібліятэкі Рачынскіх у Познані). У рукапісе слова *ораши* і яго вытворныя сустракаюцца ў наступных кантэкстах:

А коли слышалъ ижъ тыѣ / до^лниѣ островы по^лны людѣства, Иосиѡъ посла^л та^м / набо^жныхъ люде^нъ обрачати къ богу наро^ди и обратили / вси тыѣ островы кромѣ ѿднаго острова, которы^нъ сѧ зоветь *ораши* и тамъ мало было иныхъ люде^нъ то^лко / *ораши* А па^н ихъ былъ *орашиѣ*, и мѣлъ дванадцать / сыно^в и вси были *орашицы*: • ~ (с. 73);

и вселѣ Галиѡ^т и Трыща^н Ижота и вслѣ^х дружина вел/ми прудко, и коли прыехали на горѣ^л и^н замо^к которы^нъ сѧ зове^т *ораши* / ѿгледали ра^н Галиѡту и Трыщану (с. 84);

рекла сама к собѣ, Єще бы^х волела ѡв острове *орашиову* быти где єсми мѣла Трыщана по своѣ^н воли (с. 86).

Старабеларуская «Повесть о Трыщане» была перакладзена з сербскай мовы, на што маецца прамое ўказанне ў назве помніка («Починає(т)са пове^{сть} ѡвитези(х) / с книгъ сѧ^рбьски^х: а звлаща ѡ сла^вномъ рыцѣры Трыс-

¹ Упершыню надрукавана: Мовы Вялікага Княства Літоўскага : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., Брэст, 18–19 мая 2004 г. / пад агул. рэд. М. М. Аляхновіча. Брэст : Академия, 2005. С. 39–42.

чан[е]...», с. 1); сербскае паходжанне старабеларускай аповесці пацвярджаецца таксама наяўнасцю ў гэксце шэрагу лексічных сербізмаў, адзначаных ужо Л. Брукнерам [6]. Таму першы выдавец старабеларускага тэксту А. М. Весялоўскі, які заўважыў, што *ораиш* і яго вытворныя стаяць на месцы слова *gigante* ‘велікан’ французскай версіі рамана, стаў падазраваць сербізм таксама ў слове *ораиш*, і па адпаведную даведку пра гэтае слова ён звярнуўся да І. В. Ягіча. У лісце ў адказ І. В. Ягіч пісаў, што слова гэта (*оријаш*) на сербахарвацкай моўнай тэрыторыі «больш распаўсюджана па паўночных абласцях мовы, у харватаў, у асабліваасці кайкаўцаў, чым далей на поўдзень», і звярнуў увагу на тое, што «Міклошыч лічыць гэтае слова запазычаным з мадзьярскага *óriás*». А. М. Весялоўскі заўважыў яшчэ ад сябе, што «калі *ораиш* = *оријаш*, то першае слова можа быць патлумачана скажэннем, якое належала беларускаму перакладчыку або перапісчыку» [7]. Гэты апошні вывад А. М. Весялоўскага засноўваецца на назіранні А. Брукнера аб тым, што ва ўсім Познанскім зборніку пераважаюць напісанні, якія адлюстроўваюць беларускае зацвярдзенне $r' > r$ (*зора*, *горачость*, *порадокъ* і т. д.) [8].

Венгерскае паходжанне сербахарвацкага слова, на якое ўслед за Ф. Міклошычам указаў І. В. Ягіч у цытаваным вышэй лісце А. М. Весялоўскаму, было пазней пацверджана таксама даследаваннямі Л. Хадровіча [9]. Самым раннім сербахарвацкім помнікам, у якім засведчана слова *or(i)jaš*, *oreaš*, як Л. Хадровіч, так і харвацкі акадэмічны слоўнік называюць твор Главініча 1628 г. («*na priliku jednoga žiganta ali oriјаša*») [10], г. зн. фіксацыя слова ў старабеларускай мове апырэджае яго фіксацыю ў мове-перадагчыцы амаль на паўстагоддзя. Такім чынам, старабеларускі тэкст аказваецца каштоўнай крыніцай гісторыі дадзенага слова ў сербахарвацкай мове і дазваляе перанесці храналогію запазычання венгерскага слова *óriás* сербахарвацкай мовай як мінімум у XVI ст.

Л. Хадровічу належыць і распрацоўка этымалогіі венгерскага слова *óriás*, якое лічылася ў этымалагічных слоўніках венгерскай мовы словам невядомага паходжання [11]. Згодна Л. Хадровічу, венг. *óriás* ‘велікан’, засведчанае ў помніках венгерскай мовы з XIV ст., было запазычанае яшчэ да прыходу венграў у Карпацкі басейн з формы назоўнага склону множнага ліку старажытнарускага этноніма *варъгъ* : *варъзи*, які ў старажытнавенгерскай мове атрымаў значэнне ‘велікан’ нахшталь таго, як польск. *olbrzym* < *obrym* ‘велікан’ узыходзіць да этноніма *обринь* ‘авар’ [12].

Старабеларускае *ораиш(еу)*, такім чынам, праз сербскую і венгерскую мовы ўзыходзіць да старажытнарускага этноніма старажытнаскандынаўскага паходжання, прычым значэнне ‘велікан’ узнікла ў венгерскай мове.

Ігнараванне гэтага слова ў Гістарычным слоўніку беларускай мовы можа тлумачыцца рознымі абставінамі. Рэдактары слоўніка маглі аднесці яго да іншамовных украпванняў, якія згодна з прынцыпамі складання слоўніка не

былі выдзелены ў асобныя слоўніковыя артыкулы. З такой трактоўкай слова прыйшлося б пагадзіцца, бо гэтае слова ў старабеларускіх помніках нідзе больш не засведчана. Больш верагодна, аднак, што складальнікамі слоўніка *ораи* разглядалася як тапонім, а *ораицы* – як адтапанімічны назоўнік, які абазначае мясцовага жыхара. На карысць такой трактоўкі гаворыць параўнанне цытаваных мясцін рукапісу з існуючымі выданнямі помніка. Ужо А. М. Весялоўскі ва ўказанай вышэй працы гаварыў пра тое, што «слова *gigant* перакладзена было і нават зразумелае ў сэнсе ўласнага імя словам *ораиш* = сербск. *оријаш* (разрадка нашая. – А. З.). Услед за А. М. Весялоўскім *Ораиш* лічыцца тапонімам і ў маскоўскім выданні 1976 г., што адлюстравана і ў арфаграфіі («...кромя одного острова, который ся зовет *Ораиш*. И там мало было иных людей, толко *Ораиш*, а пан их был *ораиш*, и мел дванадцать сынов и вси были *ораишцы*») [13], а таксама ў заўвазе да слова *Ораиш* ў першым выпадку яго ўжывання – «Ораиш – т. е. острова Великанов французского романа» [14]. Між тым, на наш погляд, такая трактоўка апраўдана толькі ў першым выпадку («кромя одного острова, который ся зовет *Ораиш*»), у другім, аднак, гаворка ідзе дакладна пра людзей («там мало было иных людей, толко *Ораиш*»), г. зн. у гэтым месцы ў выданні павінна было б быць *ораиш*, а не *Ораиш* (у рукапісе ў абодвух выпадках стаіць *ораиш*).

Старабеларуская «Повесть о Трыщане» ў наш час некалькі разоў перакладалася на сучасныя замежныя мовы. Пры гэтым кожны перакладчык сутыкнуўся з праблемай інтэрпрэтацыі гэтага месца помніка. Безумоўную цікавасць уяўляе пераклад на сучасную сербскую мову, мэтай якога было вярнуць дадзены твор сербскай літаратуры, паколькі стары сербскі пераклад гэтага рыцарскага рамана, што лёг у аснову старабеларускай «Повести о Трыщане», не захаваўся. Пераклад на сучасную сербскую мову Ірэны Грыцкат быў апублікаваны ўпершыню ў 1966 г. [15]; нам было даступнае другое выданне, у якім у дадзеным месцы чытаем:

А пошто је чуо да су та Дога острва пуна народа, Јосиф посла онамо побожне људе да народ Богу приведе, те ови покрстише све то остраље осим једнога острва, које се звало *Ораиш*. Тамо је мало било дружичјих људи, већ сами *Ораиш*, господар им је био *оријаш*, имао је дванаест синова и сви су били *оријаш*.

Як мы бачым, нягледзячы на яўную нацяжку, Ірэна Грыцкат строга прытрымліваецца пункту погляду рускіх выдаўцоў старабеларускага тэксту, згодна з якім *Ораи* у абодвух выпадках з’яўляецца тапонімам, хоць, калі меркаваць на заўвазе да слова *Ораиш* («Овде и даље... речи *Ораиш*. *Ораиш* сведоче о српскохрватском *оријаш*, а по пореклу о Острву дивова, које се јавља у француском прозном роману»), яна разумее, што і ў гэтых выпадках гаворка ідзе пра *оријаш*’аў [16]. Першы англійскі пераклад помніка С. Дэ-

каніч-Жаноскі асноўваецца на сербскім перакладзе І. Грыцкат, але яна дае больш дакладны пераклад за сербскую даследчыцу: «When he heard that the Lower Islands were full of people, Joseph sent holy men there to lead people to God, and they administered baptism to all the islands except one, the name which was Oraši. There were few other people there except giants; their lord was a giant, he had twelve sons and they were all *giants*» [17]. Другі англійскі пераклад З. Кіпель не ўносіць нічога новага ў інтэрпрэтацыю дадзенага месца («When he heard that the Far Islands were well populated, Joseph sent pious people there to turn them to God; and they converted all the islands, except one, which is called *Orashy*. There were few other people on the island, the Orashy and their lord, who had twelve sons»). У заўвазе да слова *Orashy* З. Кіпель указвае на тое, што ў старафранцузскай версіі ў гэтым месцы стаіць *Isle del Jaiant* ‘востраў веліканаў’, а таксама цытуе этымалагічнае тлумачэнне І. В. Ягіча, прыведзенае ў кнізе А. І. Весаюўскага [18].

Адэкватны пераклад быў зроблены, на наш погляд, італьянскай даследчыцай Э. Сгамбаці, якая вывучала старабеларускі помнік у супастаўленні са старафранцузскай і стараітальянскай версіямі рамана: «E quando senti che queste Lontane Isole erano piene di genti, Iosif mandò là uomini religiosi a convertire a dio il popolo e convertirono | tutte queste isole tranne una che si chiama (isola) del *Gigante*. E là vi erano poche altre persone fuori dei *Giganti*, ed il loro signore era un *gigante* e aveva dodici figli e tutti erano *giganti*» [19].

Незразумелае перакладчыку старабеларускай «Повести о Трышане» сербскае слова венгерскага паходжання з пункту погляду гісторыі беларускай лексікі мае перыферыйнае значэнне. Калі ўлічыць, аднак, што менавіта дзякуючы яму выявілася, што ў згубленым сербскім арыгінале гэтага твора былі і раннія хунгарызмы, то яно набывае значэнне для гісторыі і шляхоў міграцыі ўжо не захаванага беларускага, а зніклага сербскага тэксту.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Wolosz R.* Wyrazy węgierskie w języku polskim I–II // *Studia Slavica Hung.* 1989. T. 35. S. 215–317 ; 1991–1992. T. 37. S. 3–27.
2. *Hollós A.* Az orosz szókincs magyar elemei [Венгерские элементы русской лексики]. Budapest, 1996. (A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 206.).
3. *Золтан А.* Слова венгерского происхождения в белорусском языке: книжные заимствования эпохи Стефана Батория // *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.), С. Запрудскі, Н. Мячкоўская. Мінск, 2001. С. 105–115. (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 19) ; Его жэ. Слова венгерского происхождения в белорусском языке: устные заимствования эпохи Стефана Батория // *Studia Russica.* 2003. T. XX. С. 492–494.*

4. Золтан А. [Рэцэнзія] // *Studia Slavica Hung.* 1995. С. 392–396. Рэц. на кн.: Булыка А. М. Слоўнік іншамоўных слоў. Мінск : Нар. асвета, 1993 ; *Ego же*. Об иноязычной лексике в современном белорусском языке // *Literatury i języki Słowian wschodnich, Stan obecny i tendencje rozwojowe : materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Opole, 24–26 września 1996 / redakcja naukowa: B. Kodzis, S. Kochman, I. Danecka. Opole, 1997. S. 134–140 ; Idem. A régi magyar-fehérorosz nyelvi és kulturális érintkezések történetéből // Annus Albaruthenicus 2003 = Год Беларуска 2003 / рэд. С. Яновіч. Кrynki, 2003. P. 201–223.*

5. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2002. Вып. 22 : Оддыханьне – Осьць.

6. *Brückner A.* Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen // *Archiv für slavische Philologie.* 1886. Т. 9. S. 373–374.

7. *Веселовский А. Н.* Изъ истории романа и повѣсти. СПб., 1888. С. 226. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности ; т. 44, № 3).

8. *Brückner A.* Указ. соч. S. 364.

9. *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985. S. 383–384.

10. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / na svijet izdaie Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. Zagreb, 1880–1976. Dio 1–23. P. 166.*

11. *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–III / Főszerk. L. Benkő. Budapest, 1967–1976. T. 2. P. 1091.*

12. *Hadrovics L.* Szavak és szólások. Budapest, 1975. P. 67–70. (Nyelvtudományi Értekezések 88); ср. также: *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–II / Herausgeber L. Benkő. Budapest, 1993–1995. T. 2. P. 1068.*

13. Легенда о Тристане и Изольде / изд. подгот. А. Д. Михайлов. М., 1976. С. 434. (Литературные памятники).

14. Легенда о Тристане и Изольде / изд. подгот. А. Д. Михайлов. М., 1976. С. 726. (Литературные памятники).

15. Повест о Триштану и Ижоти // превод и предгов. И. Грицкат. Београд, 1966. (Библиотека Стара српска книжевност).

16. *The Serbo-Russian Romance of Tristan and Isolt / translated by S. Dekanic-Janoski // The Tristan Legend – Texts from Northern and Eastern Europe in Modern English Translation / ed. by J. Hille. Leeds, 1977. С. 100. (Leeds Medieval Studies 2). Слово *Oraši* переводчица снабдила примечанием: «‘Giant’ in Serbian is *orijaš*, and the name of the island (*Oraši*) suggests to native speakers something like, ‘the place of the giants’».*

17. *The Serbo-Russian Romance of Tristan and Isolt / translated by S. Dekanič-Janoski // The Tristan Legend – Texts from Northern and Eastern Europe in Modern English Translation / ed. by J. Hille. Leeds, 1977. P. 100. (Leeds Medieval Studies 2). Слово *Oraši* переводчица снабдила примечанием: «‘Giant’ in Serbian is *orijaš*, and the name of the island (*Oraši*) suggests to native speakers something like, ‘the place of the giants’».*

18. *The Byelorussian Tristan / translated by Z. Kipel. New York ; London, 1988. P. 81. (Garland Library of Medieval Literature. Ser. B. Vol. 59).*

19. *Sgambati E.* Il Tristano biancorosso. Firenze, 1983. S. 2–61. (*Studia Historica et Philologica* XV, Sectio slavomanica 4).

ШЛЯХІ СУПРАЦОЎНІЦТВА І ПАРАЗУМЕННЯ: БЕЛАРУСКА-ВУГОРСКІЯ МОЎНАКУЛЬТУРНЫЯ СУВЯЗІ¹

УСТУП²

Дадзены тэкст быў апублікаваны ўпершыню на вугорскай мове ў якасці прадмовы да першага падручніка беларускай мовы для вугорцаў аўтарства Ларысы Станкевіч і Жужы Каткіч³. Ідэя пра стварэнне такога падручніка першапачаткова была выказана нашым юбілярам (М. Аляхновічу ў студзені 2013 г. споўнілася 60), які ў якасці першага запрошанага выкладчыка беларускай мовы быў піянерам выкладання гэтай мовы ў Будапешцкім універсітэце. Вугорскі перыяд жыцця і працы М. М. Аляхновіча пакінуў значны след у вугорскай славістыцы – дзякуючы яму з’явілася беларуская тэматыка на старонках вугорскіх славістычных часопісаў, ім быў напісаны вялікі артыкул пра беларускую мову ў вугорскай энцыклапедыі «Мовы свету», пры яго ўдзеле была створана Венгерская асацыяцыя беларусістаў, мы разам з ім арганізавалі першую вугорска-беларускую філалагічную канферэнцыю ў 1996 г. і разам друкавалі яе тэзісы⁴. М. М. Аляхновіч вельмі цікавіўся і вугорскай культурай, перш за ўсё як лінгвіст, мовай і як паэт, канечне, паэзіяй. Пры дапамозе сваіх студэнтаў ён ажыццявіў мастацкі пераклад на беларускую мову шарагу шэдэўраў вугорскай паэзіі. Віншуючы Міколу Мікалаевіча з круглым юбілеем, я хачу выразіць таксама сваю ўдзячнасць яму за яго працу ў нашай краіне для развіцця беларуска-вугорскіх навуковых, культурных і проста чалавечых кантактаў.

¹ *Упершыню надрукавана*: Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся : зб. навуц. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, Каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі ; рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. Брэст : Альтэрнатыва, 2013. С. 3–10.

² Пераклад з вугорскай мовы Л. Ф. Станкевіч.

³ Larisza Sztankevics – Katkits Zsuzsa. 20 találkozás Fehéroroszországgal = Ларыса Станкевіч – Жужа Каткіч. Дваццаць сустрэч з Беларуссю : Fehérorosz nyelvkönyv kezdők számára / Szekesztette A. Zoltán. Budapest, 2006. P. 9–16. Сп. такжэ на сайце Венгерскай нацыянальнай бібліятэкі: <http://mek.oszk.hu/04900/04911/04911.pdf>.

⁴ Hungaro-Alborthenica 1996 : Az 1996. április 19-i konferencia anyaga / Szerkesztették: M. Aljahnovics és A. Zoltán. Budapest, 1996.

Чытач трымае ў руках першы складзены для вугорцаў падручнік па беларускай мове, таму варта закрануць пытанне пра выкладанне і даследаванне гэтай мовы на Вугоршчыне, а таксама пра гісторыю вугорска-беларускіх моўных і культурных сувязяў.

Беларусь як самастойная краіна (пасля кароткачасовага існавання Беларускай Народнай Рэспублікі ў 1918 годзе) з'яўляецца на карце Еўропы толькі з 1990 года. Раней – з 1919 года – яна існавала ў складзе Савецкага Саюза, з межамі, якія час ад часу змяняліся, і мела толькі фармальную дзяржаўнасць. З 1919 па 1939 год толькі палова беларускай моўнай тэрыторыі адносілася да Савецкай Беларусі, у гэты ж час другая палова была тэрыторыяй Польшчы. Беларуская мова і беларускі народ існавалі, канечне, намнога раней, чым беларуская дзяржава.

З 1572 года і да канца II Сусветнай вайны назва мовы і народа ў вугорскай мове была выключна *fehérorosz*, што з'яўляецца дакладным эквівалентам прыметніка *беларускі* і назоўніка *беларус*. Гэтая назва ў ранні перыяд трапіла ў вугорскую мову не прама з беларускай, а, напэўна, праз нямецкую і/або польскую мовы¹. Спачатку этнонім быў, аднак, не саманазвай беларусаў: азначэнне *белы* было дададзена суседзямі, каб адрозніваць іх ад іншых народаў, якія выкарыстоўвалі ў якасці саманазвы вытворныя ад этноніма *Русь*. На Вугоршчыне пасля 1945 года на карты, у падручнікі па географіі і ў моўныя зносіны ўводзіцца запазычаная з рускай мовы назва народа *belorusz*. У гэтым адлюстравалася залішняе палітычнае «ўдыганне», мэтай якога было пазбегнуць нават намёку на ўдзельнікаў «белага» руху часоў рускай грамадзянскай вайны, праціўнікаў вызваліцеляў – «чырвоных» рускіх. Аднак аўтарытэтныя вугорскія вучоныя-мовазнаўцы і ў гэты час працягвалі ўжываць традыцыйную назву *fehérorosz*, якая пасля палітычнага перавароту

¹Параўн.: Mollay K. Német-magyar nyelvi érintkezések a XVI. század végéig. Budapest, 1982 (= Nyelvészeti Tanulmányok 23). P. 260. Магчыма, што назва *fehérorosz* у вуснай вугорскай мове ўжывалася намнога раней, чым з'явілася ў пісьмовых помніках. Па выніках даследаванняў апошніх гадоў назва народа першы раз з'яўляецца ў легендзе пра Святую Юнгу, у складзе тытула «кароль белых рутэнаў» (пех *Ruthenorum Alborum*), што быў ужыты ў адносінах да Кальмана, сына Андраша II, які стаў каралём Галіча ў 1217 годзе. Параўн.: *Latyszonek O., Bely A.* Magyar-fehérorosz kapcsolatok a középkorban és az újkor kezdetén [Электронны рэсурс] // *Annus Albaruthenicus 2006 – Год Беларускі 2006* / рэд. С. Яновіч. Krynki, 2006. P. 77–91. URL: <http://kamunikat.net.iig.pl/pdf/annus/annus2006.pdf> (дата доступу: 15.03.2021) ; *Latyszonek O., Bely A.* Ungarisch-weißrussische Beziehungen im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit // *Studia Slavica Hung* 51. 2006. S. 15–29.

1989 года ўсё больш вяртаецца на старонкі вугорскіх атласаў, падручнікаў і газет. У сваім падручніку мы ўжываем азначэнне *fehérorosz* як назву мовы і народа і гэтым самым працягваем традыцыю Іштвана Кніежы, Лаяша Кіша і рэдактараў «Гісторыка-этымалагічнага слоўніка вугорскай мовы» («A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára»).

Пасля нашэсця татараў на Кіеўскую Русь усе беларускія землі і большая частка ўкраінскіх паступова аказаліся пад уладай Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ). Літоўцы ўжо ў XIII ст., у часы ўладарання Міндоўга (1230–1263), далучылі некаторыя ўсходнеславянскія тэрыторыі: перш за ўсё суседнія (прага) беларускія княствы. Потым Альгерд (1345–1377) далучыў да ВКЛ большую частку тэрыторыі сённяшняй Украіны – Валынь, Падолію, Кіеўскае і Чарнігаўскае княствы. У часы ўладарання Вітаўта (1392–1430) і Смаленскае княства ўвайшло ў склад ВКЛ. Такім чынам, Вялікае Княства Літоўскае ўжо ў самым пачатку свайго фарміравання было шматнацыянальнай дзяржавай, у якой усходнеславянскае насельніцтва мела перавагу. Прапорцыя этнічных літоўцаў і ўсходніх славян у 1341 годзе складала 1 : 2,5, у час самага вялікага пашырэння дзяржавы ў 1430 годзе – 1 : 12, а пасля Люблінскай уніі 1569 года, калі ўкраінскія тэрыторыі былі далучаны да Польшчы, – 1 : 7. Пасля таго, як ўкраінскія тэрыторыі адышлі да Польскага каралеўства, самай распаўсюджанай мовай Вялікага Княства Літоўскага стала беларуская мова.

У шматмоўным Вялікім Княстве Літоўскім, акрамя літоўцаў і ўсходніх славян (продкаў сучасных беларусаў, украінцаў і рускіх), жылі яшчэ немцы, татары, яўрэі, палякі, караімы, і да канца XVII ст. афіцыйнай мовай кіравання была «руская» (стараўкраінская-старабеларуская) мова. «Руская» мова была распаўсюджана сярод літоўцаў яшчэ ў эпоху язычніцтва і не толькі ў сем’ях князёў і знаці, а таксама сярод народу. Пачатак літоўскай вялікакняжацкай канцылярыі ўзыходзіць да ўладарання Ягайлы (1351–1434, з 1377 года вялікі князь літоўскі, з 1386 года польскі кароль Уладзіслаў), які, калі быў польскім каралём, сутыкнуўся з фактам, што ў Кракаве ўжо існуе «рускі» аддзел каралеўскай канцылярыі, які абслугоўвае патрэбы Галіча, далучанага раней да польскай кароны. Таму самыя раннія граматы Вялікага Княства Літоўскага маюць рысы галіцкага (украінскага) дыялекту, і толькі з часам дыялектнай асновай канцылярскай мовы становяцца беларускія гаворкі, якія бытавалі ў наваколлі Вільні. Аднак асаблівасці беларускіх дыялектаў не сталі адзінымі. Гэтая канцылярская мова абслугоўвала ўсё насельніцтва вялікай дзяржавы, якая аб’яднала ў сабе ў час свайго самага вялікага пашырэння поруч з беларускай амаль усю будучую ўкраінскую моўную тэрыторыю. З часам зніклі з канцылярскай мовы

выключна ўкраінскія дыялектныя асаблівасці, але не з’явіліся ў ёй і выключна беларускія. Гэтая мова стала свайго роду агульнай украіна-беларускай мовай, якая ўключыла моўныя асаблівасці абедзвюх моў (напрыклад, вымаўленне зычнага *г* як *у*), і ў той жа час не дапусціла такіх тыповых ўкраінскіх асаблівасці, як, напрыклад, вымаўленне галоснага *é* як *i*, або такіх тыповых беларускіх рысы, як, напрыклад, вымаўленне ненаціскага *о* як *а*. На аснове вышэйсказанага «руськую» канцылярскую мову Вялікага Княства Літоўскага нельга называць выключна стараўкраінскай або старабеларускай, паколькі гэтая мова была агульнай стараўкраінска-старабеларускай літаратурнай мовай. У XVI ст. на аснове гэтай канцылярскай мовы ўтварылася новая «руская» мова (*проста мова* або *руська мова*), якая стала канкурэнткай царкоўнаславянскай мове. І тым самым на ўкраінскіх і беларускіх землях спыняецца ўсходнеславянска-царкоўнаславянская дыялогія, характэрная раней для ўсёй усходнеславянскай моўнай тэрыторыі. Увогуле можна сказаць, што Вялікае Княства Літоўскае было месцам інтэнсіўнага ўзаемадзеяння заходняй – лацінскай – і ўсходняй – візантыйскай – хрысціянскіх культур. Царкоўная ўнія ў Берасці ў 1596 годзе прымусіла прыхільнікаў праваслаўя да значнай філалагічнай працы, каб абараняць пазіцыю царкоўнаславянскай мовы. Самымі значнымі творамі эпохі былі: *Царкоўнаславянская граматыка Мяленція Смятрыцкага* (Еўе [сёння: Vievis, Літва], 1619) і *Царкоўнаславянска-рускі слоўнік Памвы Бярынды* (Кіеў, 1627, Кутэін [сёння: Беларусь], 1653); абодва творы можна знайсці на сайце <http://litopys.org.ua/mdex.html>.

Першым помнікам беларуска-вугорскіх культурных зносінаў з’яўляецца язычніцкая клятва на старабеларускай мове вялікага літоўскага князя Кешутыя (Kęstutis), якая прагучала перад вугорскім каралём Лаяшам I у 1351 годзе і была ўвекавечана безыменным вугорскім манахам-мінарытам з дакладнасцю відавочцы. Яго сведчанне захавалася ў рукапіснай Дубніцкай хроніцы (Chronicon Dubnicense) XV ст., якая захоўваецца сёння ў Нацыянальнай бібліятэцы імя Сечані (Országos Széchényi Könyvtár) у Будапешце (Cod. Lat. Med. Aevi 165). Нягледзячы на шматразовае моўнае пасрэдніцтва і скажэнні ў выніку шматразовага перапісвання, тэкст, які захаваўся – *Rogachina Roīnenachy Gozpanany* (f. 79v), – сведчыць пра тое, што літоўскі князь даваў клятву на старабеларускай мове, хоць сам манах, які яе запісваў, лічыў, што клятва прагучала на літоўскай мове. Вось знакаміты тэкст, які выклікаў столькі палкіх спрэчак у міжнароднай літаратуры прадмета:

Rogachina Roīnenachy Gozpanany

Безыменны мінарыт, відаць, здолеў запісаць на зразумелай яму лацінскай мове толькі некаторыя фрагменты пачутага ім незразумелага тэксту. Наколькі нам вядома, гэта самы стары беларускі тэкст, які захаваўся ў вугорскіх крыніцах.

У 1386 годзе ВКЛ уступіла ў асабістую ўнію з Польшчай, і дынастыя Ягайлы мела цесную сувязі з вугорцамі. Вугорскія каралі з гэтай дынастыі – Уладзіслаў I (1440–1444), Уладзіслаў II (1490–1516) і яго сын Лаяш II (1516–1526) – хоць і не былі адначасова літоўскімі князямі, але падчас іх уладарання сувязі Польшчы і Літвы з Вугоршчынай былі вельмі жывыя, нягледзячы на тое, што Польшчай і Літвой кіравалі іншыя члены дынастыі. І нарэшце, быў адзін кароткі перыяд (1576–1586), калі вугорац Стэфан Баторый быў і польскім каралём, і літоўскім вялікім князем. Праўда, у гэты час вугорскае каралеўства ў выніку турэцкага заваявання было падзелена на тры часткі, і Стэфан Баторый валодаў усходняй трэцю тэрыторыі былой Вугоршчыны – Трансільваніяй і некаторымі сумежнымі абласцямі, але ўсё ж можна сцвярджаць, што ў гэты час беларусы і частка вугорцаў мелі агульнага гасудара ў асобе Стэфана Баторыя.

Уладаранне Стэфана Баторыя было важным з пункту погляду вугорска-беларускіх адносін таму, што ў час войнаў з рускім царом Іванам Грозным (1579–1582) сам Стэфан Баторый кіраваў польска-літоўскім войскам, у якім было шмат вугорцаў. Кароль Стэфан Баторый з задавальненнем праводзіў шмат часу на беларускіх землях ВКЛ, перш за ўсё ў Гародні, дзе пабудаваўны быў новы замак (тут ён і памёр 12 снежня 1586 года).

Інтэнсіўныя вугорска-польска-беларускія кантакты пакінулі трывалыя сляды ў беларускай лексіцы XVI ст. Што датычыцца вугорскіх запазычанняў у старабеларускай мове, то звычайна мяркуецца польскае пасрэдніцтва, але гэта не ў кожным выпадку абавязкова. Як мы заўважылі, былі ўмовы і для прамых вугорска-беларускіх кантактаў, асабліва ў эпоху Стэфана Баторыя.

Вугорскі ўплыў быў заўважным перш за ўсё ў ваеннай лексіцы. Ужо да Стэфана Баторыя некалькі вугорскіх слоў трапілі ў старабеларускую мову: *гайдук* (1568 < польск. *hajduk* < вуг. *hajdú[k]*), *гусарь* (1565 < польск. *husarz* < вуг. *huszár*), *кордь* ‘меч’ (1434 < польск. *kord* < вуг. *kard*), *кгермекь* ‘паж’ (1567 < польск. *giermek* < вуг. *gyermek* ‘дзіця’), *котчий* (*котчий*, *коччий*) ‘павозка’ (1565 < польск. *kotczy* < вуг. *kocsi*), *шишакь* ~ *шышакь* ‘шлем’ (1565 < польск. *szyszak* < вуг. *sisak*).

У эпоху Стэфана Баторыя з’яўляюцца наступныя вугорскія запазычанні ў помніках старабеларускай мовы:

антелокгь ‘тып бочкі’ (1583 < вуг. *antalag*; польскае слова *antalek* засведчана толькі з XVIII ст.);

бакгазия (1579 < польск. *bagazyja* 1574 < вуг. *bagázia* < з турэцкай мовы); *капти* (*капци*) (1578 < вуг. *kapca*); польск. *kapcie* засведчана толькі з 1586 года;

палашъ (1582 < вуг. *pallos*), польск. слова *palasz* вядома толькі з XVII ст.;

чekanъ (1582 < польск. *czekan* 1595 ~ *czakan* 1564 < вуг. *csákány*);

чуга ‘род кафтана’ (1582 < польск. *czucha* ~ *czuha* 1568 < вуг. *csuha*).

З прыведзеных слоў *антелокгъ* і *палашъ* можна лічыць прамымі запазычаннямі з вугорскай мовы, бо адпаведныя ім польскія словы паяўляюцца ў крыніцах значна пазней, а словы *капти* (*капци*), *бакгазия*, *чekanъ* – паралельнымі запазычаннямі.

Слова *макгерка* (*магерка*) ‘від шапкі’ (1577) не з’яўляецца запазычаннем, але мае прамыя адносіны да вугорцаў, бо ўзнікла на базе саманазвы вугорцаў у польскай і/або беларускай мовах (пар.: польск. *magierka* 1585). Падобны лёс мае слова *бекешка* ‘род верхняга адзення’ (1599), якое засведчана пасля ўладарання Стэфана Баторыя, але мяркуецца, што слова ўзнікла пры ім і паходзіць разам з польскім словам *bekieszka* (1586) ад прозвішча Гашпара Бекеша (вуг. *Bekes Gáspár*, польск. *Kasper Bekiesz*, 1520–1579). Гашпар Бекеш у барацьбе за трансільванскі княжацкі прастол быў сапернікам Стэфана Баторыя, потым ён прымырыўся з ім. Падчас уладарання Стэфана Баторыя ў Польшчы і Літве Гашпар Бекеш стаў яго военачальнікам. Слова *bekieszka* намнога пазней перайшло з польскай мовы ў вугорскую ў форме *bekes*, *beecs*, дзе яго паяўленне засведчана з 1774 года.

У канцы XVI ст. (1598) у старабеларускіх моўных помніках пры пасрэдніцтве польскага дыялектнага варыянту *szereg* з’яўляецца слова *шеренгъ* ‘рад’, якое паходзіць ад вугорскага слова *sereg*. Гэтае слова са старабеларускай мовы перайшло і ў расейскую мову, дзе яно стала ваенным тэрмінам (*шеренга*), а потым было запазычана назад у сучасную беларускую мову (*шэрэнга*). Разам з тым у сучаснай беларускай мове шырока ўжываецца слова *шэраг*, а ў дыялектах сустракаецца таксама форма *шэрэнг*. У польскай мове слова *szereg/szereg* засведчана з XVII ст. Слова *шэраг* і сёння з’яўляецца жывым элементам беларускай лексікі, тады як іншыя вышэйпералічаныя словы адносяцца да архаізмаў або да гістарызмаў.

Таксама з 1598 года ў беларускіх моўных помніках пры пасрэдніцтве польскай мовы з’яўляецца слова *гарць*, *герць* ‘паядынак перад бітвай’ (польск. *harc*), якое паходзіць ад вугорскага назоўніка *harc* ‘барацьба’, ад яго паходзіць і слова *гарцовати* ‘ўдзельнічаць у паядынку перад бітвай’. З XVII ст. праз польскую мову паяўляюцца і словы *кунтушъ* ‘род верхняга адзення’ (1663) і *добошъ* ‘барабаншчык’ (1679) (адпаведна польск. *kontosz* (у дыялектах таксама *kuntusz*) і *dobosz*), якія паходзяць ад вугорскіх слоў *köntös* і *dobos*.

Нам не вядома, калі трапілі ў беларускую мову некаторыя словы, якія здаюцца ўстарэлымі і ўжываюцца толькі ў дыялектах. Да такіх слоў адносяцца *дэраш* ‘конь любой масці з прымессю іншага колеру’, якое паходзіць пры пасрэдніцтве польскай мовы (*deresz*) ад вугорскага слова *deres*, і *шалаш* (рэдка *салаш*), якое паявілася ў польскай мове з 1471 года ў формах *szalas* і *szalas*.

У сучаснай беларускай мове ёсць яшчэ некалькі новых запазычанняў з вугорскай мовы, якія трапілі ў яе ўжо не праз польскую мову, а, напэўна, праз рускую. Да іх адносяцца, напрыклад, *гуляш* < *gulyás*, *лэча* < *lecsó*, *чапдэш* < *csárdás*¹.

Самы важны помнік вугорска-беларускіх культурных сувязяў XVI ст. – гэта старабеларуская рукапісная *Аповесць пра Атылу (Історыя о Атыли королі угорском)* у складзе кодэкса змешанага зместу каля 1580 года (с. 173–224). Рукапіс захоўваецца ў Бібліятэцы Рачынскіх у Познані (шыфр: № 94).

Гэтая ананімная беларуская гісторыя Атылы з’яўляецца перакладам з польскай мовы. Яго непасрэдная крыніца – кракаўскае друкаванае выданне 1574 года, на якім адсутнічае імя аўтара, а прыводзіцца толькі імя перакладчыка – знакамітага польскага перакладчыка, паэта, кампазітара і музыканта эпохі – Цыпрыяна Базыліка. Крыніцай польскага тэксту быў лацінскі твор *Athila* вугорскага гуманіста Міклаша Олаха (вуг. *Oláh Miklós*, лац. *Nicolaus Olahus*, 1493–1568), які з’явіўся ў друку першы раз у 1568 годзе. Напэўна, польскі пераклад быў звязаны з падрыхтоўкай да выбарання на польска-літоўскі прастол Стэфана Баторыя, а беларускі – з цікавасцю да паходжання ўжо выбранага на прастол гасудара, які паспяхова вярнуў згубленыя землі Літвы.

¹ Пра вугорскія элементы старабеларускай і сучаснай беларускай моў падрабязней гл.: *Zoltán A.* Об иноязычной лексике в современном белорусском языке // *Literatury i języki słowian wschodnich. Stan obecny i tendencje rozwojowe : materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Opole, 24–26 września 1996 ; redakcja naukowa: B. Kodziś, S. Kochman, I. Danecka. Opole, 1997. Т. II. С. 134–140 ; Его же. Слова венгерского происхождения в белорусском языке: Книжные заимствования эпохи Стефана Батория [Электронны рэсурс] // *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый»* (1 сесія – 21–25 мая, 2 сесія – 4–7 снеж., Мінск, 2000 г.) ; рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.), С. Запрудскі, Н. Мячкоўская. Мінск, 2001. С. 105–115. (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 19). URL: http://gw.lingvo.minsk.by/mab/%40book/BOOKS/Albaruthenica/AB_19/Ab_19.htm (дата доступу: 07.11.2020) ; *Его же. Слова венгерского происхождения в белорусском языке: устные заимствования эпохи Стефана Батория* // *Studia Russica. 2003. Т. XX. С. 492–494 ; Idem. Magyar szavak az ófehëroroszban* // *101 Írás Pusztai Ferenc tiszteletére / Szerk.: A. Mártonfi, K. Papp, M. Sliz. Budapest, 2006. С. 495–500.**

Дзякуючы ананімнаму беларускаму рукапіснаму перакладу ў старабеларускую мову літаратурным шляхам папала пэўная колькасць вугорскага моўнага матэрыялу – асабліва ўласных імёнаў. У выніку шматразовага перапісвання (вугорскі > лацінскі > польскі > беларускі) некаторыя вугорскія імёны падпалі пад моцнае скажэнне (пар., напр.: *Csaba* > лац. *Chaba* > польск. **Chaba* > бел. *Хаба*). Па сваім гістарычным матэрыяле твор Олаха носіць кампільватыўны характар, элементы гісторыі гунаў былі запазычаныя з розных сярэднявечных вугорскіх хронік, таму ўжо самі яго крыніцы былі гетэрагенныя, і з-за няўстойлівасці традыцыі перадачы імёнаў ужо ў лацінскім тэксе Олаха былі варыянты ў напісанні некаторых з іх (*Chewa* ~ *Kewe*, *Cadica* ~ *Kaydicha*). У гісторыі гунаў паяўляюцца продкі і нашчадкі Атылы і іншыя персанажы «вугорскай» гісторыі. Некаторыя асабовыя

імёны, па традыцыі сярэднявечных храністаў, былі выкарыстаны Олахам для этымалагізацыі тапонімаў, і дзякуючы гэтым перакладам польскія і беларускія чытачы маглі пазнаёміцца са значэннем некаторых вугорскіх агульных імёнаў (Keveháza, Kelenföld): «*Кэвегаза*, то ест *дом Кэвы*»; «*Кэленфэульдэ*, то ест земля переезду або перепроважэня». У сувязі з занадта фантастычнай этымалогіяй назвы Іспаніі, у якую сам Олах не вельмі верыў, з’яўляецца слова *ишпан* < *ispán* ‘ваявода’¹.

Аналіз вугорска-беларускіх гістарычных і культурных сувязяў новага часу чакае яшчэ сваіх даследчыкаў. Вывучэнне вугорскай рэцэпцыі беларускай літаратуры ўжо пачалося. У 50-ю гадавіну вугорскай рэвалюцыі 1956 года варта прыгадаць такі эпізод: у кастрычніку 1956 года жыхары вёскі Плотніцы, што ў Заходняй Беларусі (Столінскі раён Брэсцкай вобласці), узбунтавалі таму, што чуткі пра вугорскія падзеі палічылі сігналам да агульнага паўстання супраць савецкай дэспатыі. Яны захапілі тэрыторыю калгаса і ўтапілі ў возеры старшыню. Армія ўмяшалася толькі праз пяць дзён, на месцы былі застрэлены тое калгаснікаў, а астатніх удзельнікаў бунту асудзілі на дзесяць-дваццаць гадоў турэмнага зняволення².

Беларуская філалогія на Вугоршчыне да нядаўняга часу займалася перш за ўсё моўнымі і культурнымі сувязямі мінулых часоў, хоць у 1980–81 навучальным годзе лектар Міхаіл Корчыц ужо вёў факультатыўныя заняткі па беларускай мове ва ўніверсітэце г. Сегед³. Рэгулярнае выкладанне беларускай мовы ў вышэйшай адукацыі Вугоршчыны пачалося з верасня 1994 года, калі на кафедры рускай філалогіі (з 1995 года – усходнеславянская і балтыйская філалогія) філалагічнага факультэта Будапешцкага

¹ Пар. вугорскую і міжнародную літаратуру па гэтым пытанні: *Шонкой П.* Замечания об «Истории о Атыли, короли угорском» // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1975. T. IX–X. C. 207–217 ; *Graciotti S.* L’«Athila» di Miklós Oláh fra la tradizione italiana e le filiazioni slave // *Venezia e Ungheria nel Rinascimento*. A cura di Vittore Branca. Firenze, 1973. S. 275–316 ; *Misley P.* Oláh Miklós Attila-monográfiájának XVI. századi keleti szláv fordítása // *Filológiai Közlöny*. 1981. T. 27. P. 289–299 ; *Zoltán A.* Oláh Miklós Athila című munkájának XVI. századi lengyel és fehérorosz fordítása – «Athila» M. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века / *Az előszót írta: I. Udvari. Nyíregyháza*, 2004. (= *Dimensiones Culturales et Urbanales Regni Hungariae* 6).

² Пар.: *Szybieka Z.* Historia Białorusi 1795–2000. Lublin, 2002.

³ Пра пачатак сегодскай беларусістыкі гл.: *Кочини М.* Из истории сегодской белорусистики // *Hungaro-Alboruthenica* 1996 : *Az* 1996. április 19-i konferencia anyaga ; Szerkesztették: M. Aljahnovics és A. Zoltán. Budapest, 1996. C. 7–9 ; *Его же.* Белорусское языкознание в Сегеде (до 1996 года) // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1996. T. XXIV. C. 159–163.

ўніверсітэта імя Лоранда Этвеша пачаў працаваць першы лектар з роднай беларускай мовай, загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы і дыялекталогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, дацэнт Мікалай Аляхновіч. Ён з вялікай энэргіяй пачаў выкладанне беларускай мовы і культуры, адразу ўключыўся ў вугорскую навуковую працу, і не толькі. Як пазней выяснілася, Мікалай Аляхновіч займаўся таксама і перакладчыцкай працай: з дапамогай сваіх студэнтаў і калег пераклаў шэраг вершаў вугорскіх паэтаў на беларускую мову. Не ў апошнюю чаргу трэба заўважыць, што да сённяшняга дня самую падрабязную інфармацыю пра сучасную беларускую мову па-вугорску можна знайсці ў напісаным ім артыкуле пра беларускую мову для вугорскай энцыклапедыі моў свету¹. Да сённяшняга дня ў Будапешце працуюць у якасці лектараў беларускай мовы яго калегі і вучні. Многія з будапешцкіх студэнтаў беларускіх лектараў ужо заявілі пра сябе сваімі першымі навуковымі працамі або літаратурнымі перакладамі.

Ужо сам Мікалай Аляхновіч планаваў складанне падручніка беларускай мовы, але гэта здзейснілася толькі зараз па канцэпцыі і ў выніку аўтарскай працы яго вучаніцы і калегі, Ларысы Станкевіч. Ларыса Станкевіч на працягу сваёй шматгадовай будапешцкай выкладчыцкай працы стварыла вучэбны матэрыял і апрабавала яго са сваімі студэнтамі. Сааўтарам яна абрала сваю студэнтку-вугорку Жужу Каткіч, якая стварыла тэксты на вугорскай мове. Мэта гэтага падручніка – задаволіць запыты вышэйшай адукацыі, значыць, ён патрабуе пэўных ведаў у галіне славістыкі і веданне кірыліцы. Паколькі беларуска-вугорскі слоўнік яшчэ не з’явіўся, у падручніку змешчаны параўнальна вялікі слоўнік, які ўключае перш за ўсё лексіку падручніка. У падручнік увайшлі – з дазволу аўтараў – літаратурныя пераклады Мікалая Аляхновіча і Гергея Кошы, а таксама фразеалагічны слоўнічак Эстэр Смолінкі, за што выражаем ім сваю ўдзячнасць. Таксама мы ўдзячны рэцэнзенту нашага падручніка – Міхаю Кочышу – за яго каштоўныя парады і заўвагі. Дзякуем таксама Атылу Голашу, які сваёй руплівай працай дапамог нам пазбегнуць многіх памылак, а таксама сваімі каштоўнымі прапановамі палегчыў працу рэдактара. Дзякуем Атылу Голашу і Сабалчу Янурыку за крэатыўную, добрасумленную вёрстку.

¹ *Aljahnovics M. Fehérország // A világ nyelvei / Főszerk. I. Fodor. Budapest, 1999. P. 366–399.*

СПИС ПРАЦ ПРАФЕСАРА АНДРАША ЗОЛТАНА, ПРЫСВЕЧАНЫХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ І МОВАЗНАЎСТВУ

A cirillbetűs átírás szabályozásának időszerű kérdései [Актуальные вопросы нормирования кириллическо-венгерской транскрипции] // Magyar Nyelvőr. – 1979. – № 103. – P. 287–299.

Die aktuellen Probleme der Regelung der kyrillisch-lateinischen Transkription in der ungarischen Orthographie // Österreichische Osthefte. – Wien, 1979. – T. 1. – S. 296–300.

Актуальные проблемы нормирования кириллическо-венгерской транскрипции в венгерской орфографии // Studia Russica. – 1980. – Т. 3. – С. 75–81.

A cirillbetűs írású szláv nyelvek szavainak és neveinek magyar helyesírása (Az orosz, az ukrán, a belorusz, a bolgár és a macedón átírás kérdései) [Венгерская орфография слов и имен кириллописующих славянских языков (Вопросы транскрипции с русского, украинского, белорусского, болгарского и македонского языков)] // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományok Osztályának Közleményei. – 1981. – Т. 32. – P. 171–192.

Из опыта работы над орфографическим пособием по кирилловско-венгерской транскрипции // Current Transcription Problems / Universitetet i Oslo, Slavisk-Baltisk Institutt, Meddelelser. Oslo, 1982. – № 29. – С. 47–53.

Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию) // Hungaro-Slavica / Hrsg. von L. Hadrovics. Budapest ; Köln–Wien, 1983. – С. 333–344.

Einige Aspekte der polnisch-ostslavischen lexikalischen Beziehungen // IX Международный съезд славистов : резюме докл. и письм. сообщений, Киев, сент. 1983 г. – М. : Наука, 1983. – S. 102.

К предыстории русск. *государь* // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1983. – Т. 29. – С. 71–110.

Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV–XVII вв. (*статок/статки*) // Russica. In memoriam E. Balczyk. – Budapest : ELTE, 1983. – С. 31–40.

Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 208 л. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10831/11334>. – Дата доступа: 15.02.2022.

Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 24 с.

A cirill betűs szláv nyelvek neveinek magyar helyesírása – Az újjörög nevek magyar helyesírása [Венгерская орфография имен кириллописующих славянских языков – Венгерская орфография новогреческих имен] / Főszerkesztő L. Hadrovics, Szerkesztő A. Zoltán. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1985. – 239 p.

Западнорусская лексика в великорусских произведениях о Флорентийском соборе // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1985. – № 31. – С. 245–262.

Из истории русской лексики = Fejezetek az orosz szókincs történetéből. – Budapest : Tankönyvkiadó, 1987. – 136 с.

Се азъ... К вопросу о происхождении начальной формулы древнерусских грамот // *Russian Linguistics*. – Dordrecht ; Boston, 1987. – Т. 11. – С. 179–186.

N. M. Karamzin's linguistic observations in his 'History of the Russian State' // *Europa Orientalis*. – Roma, 1987. – Т. 5. – P. 475–480.

Восточнославянские и западнославянские традиции в языке и формуляре галицко-волинских грамот XIV в. // *Hungaro-Slavica* 1998. 10. Internationaler Slavistenkongress, Sofia, 14.-22. September 1988 / Hrsg. von P. Király, A. Hollós. – Budapest, 1988. – С. 85–91.

Ost- und westslavishe Traditionen in der Sprache und in den Formeln der galizisch-wolynischen Urkunden des 14. Jahrhunderts // X Международен конгрес на славистите, София, 14–22 септември 1988 г. Резумета на докладите. – София : Наука и изкуство, 1988. – С. 271.

Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1988. – № 34. – С. 81–124.

Мнимое праславянское **bitva* 'сражение' // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1990. – № 36. – С. 445–451.

Karácsony [Этимология венг. *karácsony* 'рождество'] // *Emlékkönyv Benkő Loránd hetvenedik születésnapjára* / Szerkesztette M. Hajdú és J. Kiss. – Budapest, 1991. – P. 664–670.

Заметки о суффиксе *-инъ* в славянских языках // Труды по славяноведению = *Szlavisztikai tanulmányok*. – Budapest : ELTE, 1992. – С. 172–180.

Проблеми на транскрипцията на собствените имена от някои стари славянски езици на унгарски език (Върху примери от западноруския език на Великото Литовско княжество) // *Български език*. – София, 1992. – Т. 43/2. – С. 145–148.

Zur Frage des Ursprungs des Nominalsuffixes *-unъ/-unь* in den slavischen Sprachen // XI. Medzinárodný zjazd slavistov : Zborník resumé. – Bratislava : Veda, Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Ved, 1993. – S. 144.

К вопросу о происхождении суффикса *-unъ (-unь)* в славянских языках // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1993. – № 38. – С. 221–227.

[Рэцэнзія] // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1995. – № 40. – С. 392–396. – Рэц. на кн.: Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў / А. М. Булыка. – Мінск : Нар. асвета, 1993.

[Рэцэнзія] // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1995. – № 40. – С. 396–398. – Рэц. на кн.: Беларуская мова : энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 1994.

Előszó [Прадмова] // Hungaro-Alboruthenica. – Budapest, 1996. – P. 3–4 (у суаўтарстве з М. Аляхновічам).

3 гісторыі беларуска-венгерскіх духоўных сувязяў // Hungaro-Alboruthenica. – Budapest, 1996. – С. 5–7.

Z węgiersko-polsko-białoruskich związków kulturalnych (“Athila” M. Oláha w przekładzie polskim i białoruskim // Acta Polono-Ruthenica. – Olsztyn, 1996. – T. I. – S. 427–435.

К вопросу об общевосточнославянской лексике // III Міжнародний конгрес україністів. Мовознавство (Харків, 26–29 серпня 1996). – Харків, 1996. – С. 73–75.

Oláh Miklós “Athilá”-jának őfehérorosz fordításáról // Дни славянской филологии 24–26 января 1996 г. – Debrecen : KLTE, 1996. – P. 39–40. – (= Debreceni Szlavisztikai Füzetek 4).

Oláh Miklós *Athilá* jának lengyel és fehérorosz fordításáról // Hungaro-Slavica 1997. Studia in honorem Stephani Nyomárkay. – Budapest : ELTE, 1997. – P. 354–357.

Об иноязычной лексике в современном белорусском языке // Literaturny i języki słowian wschodnich, Stan obecny i tendencje rozwojowe : materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Opole, 24–26 września 1996 / redakcja naukowa: B. Kodziś, S. Kochman, I. Danecka. – Opole, 1997. – T. II. – С. 134–140.

О западнорусско-великорусских языковых контактах в XV веке // Беларуская-руська-польскае супастаўляемае мовазнаўства і літаратуразнаўства : матэрыялы IV Міжнар. канф. : у 2 ч. – Віцебск, 1997. – Ч. 2. – С. 194–195.

«Батура – сабачча натура» (Hungarica ў «Гісторыі беларускай літаратуры» М. Гарэцкага) // Studia Russica. – 1997. – Т. 16. – С. 211–214.

«Батура – сабачча натура» (Hungarica ў «Гісторыі беларускай літаратуры» М. Гарэцкага) // Гарэцкія чытанні : матэрыялы дакл. і паведамл. Першых міжнар. чытанняў, Мінск, 23–24 крас. 1996 г. – Мінск, 1997. – С. 117–121.

[Рэцэнзія] // Кантакты і дыялогі : інфарм.-аналіт. бюл. – Мінск, 1997. – № 3. – С. 24. – Рэц. на кн.: Szemusin, D. Alba Ruthenia: Belorusszia rövid története / D. Szemusin. – Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 1996. – (= Posztszovjet Füzetek XII).

A Litván Nagyfejedelemség és a mai Közép- és Kelet-Európa nyelvei: Analógiák és folytonosság = Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность ; Az 1998. május 25–26-i konferencia anyaga / Szerkesztették: A. Laczházi, E. Szmolinka, A. Zoltán. – Budapest : ELTE, 1998. – 101 c.

Előszó [Предисловие] // A Litván Nagyfejedelemség és a mai Közép- és Kelet-Európa nyelvei: Analógiák és folytonosság = Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность ; Az 1998. május 25–26-i konferencia anyaga / Szerkesztették: A. Laczházi, E. Szmolinka, A. Zoltán. – Budapest : ELTE, 1998. – P. 3–11.

Палемон и Атила (Из истории языковых и культурных контактов венгров с народами ВКЛ) // A Litván Nagyfejedelemség és a mai Közép- és Kelet-Európa nyelvei: Analógiák és folytonosság = Языки в Великом Княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность ; Az 1998. május 25–26-i konferencia anyaga / Szerkesztették: A. Laczházi, E. Szmolinka, A. Zoltán. – Budapest : ELTE, 1998. – С. 93–94.

“Régi” szavak új szótárakban (A keleti szláv nyelvtörténeti szótárak néhány furcsasága) [«Старые» слова в новых словарях (О некоторых курьезах исторических словарей восточнославянских языков)] // Hungaro-Ruthenica / Szerk. M. Kocsis. – Szeged, 1998. – T. 1. – P. 163–168.

Почему русские *одежживают* победы? // Russian Linguistics. – Dordrecht ; Boston ; London, 1998. – T. 22. – С. 165–177.

Этнонім *Беларусь* у венгерскай мове // Святло сакавіцкага слова : навуk. выд. да 60-х угодкаў праф. Г. М. Малажай. – Брэст : Брэсц. дзярж. ун-т, 1998. – С. 226–230.

Из наблюдений над лексикой старобелорусской «Истории о Атыли королі угорском» // VI. Međunarodni slavistički dani – VI. Nemzetközi Szlavisztikai Napok / Uredio (Szerkesztette): K. Gadanji. – Sambotel ; Pečuh, 1998. – С. 200–205. – (= Bibliotheca Croatica Hungariae, Knjiga 3/2).

Der “Athila” von Nicolaus Olahus in altpolnischer und altweißrussischer Übersetzung: Ein vergleichendes Studium des Wortschatzes // XII Międzynarodowy Kongres Slawistów: streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo, Kraków, 27 VIII – 2 IX 1998 / opracowanie J. Rusek, J. Siatkowski, Z. Rusek. – Warszawa : Wydawnictwo Energeia, 1998. – S. 290–291.

Венгерский вклад в книжную культуру Великого княжества Литовского эпохи ренессанса: *Athila* М. Олаха в польском и старобелорусском переводе // Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века / ред. кол.: Ю. Будрайтис [и др.]. – Вильнюс : Baltos lankos, 1999. – С. 72–92.

Sonkoly Pál és Oláh Miklós *Athilá* jának ófehérorosz fordítása [П. Шонкой и старобелорусский перевод «Аттилы» М. Олаха] // *Ötvenéves a szegedi szlavisztika* / Szerk.: H. Tóth Imre, K. Bibok, I. Ferincz. – Szeged, 1999. – P. 277–288.

Роль западнорусского канцелярского языка в западноевропейско-московских языковых контактах (XV–XVI вв.) // Место России в Европе = The Place of Russia in Europe : материалы междунар. конф. / ред. Д. Свак. – Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1999. – С. 145–153. – (= Ruzsisztikai Könyvek V.).

Палемон и Аттила (Из истории языковых и культурных контактов венгров с народами Великого княжества Литовского) // *Studia Russica*. – 1999. – T. 17. – С. 141–153.

Hungaro-Baltoslavica 2000. Abstracts [Тезисы] / ed. by A. Laczházi, E. Szmolinka and A. Zoltán. – Budapest : ELTE, 2000. – 164 c.

Предисловие // Hungaro-Baltoslavica 2000. Abstracts [Тезисы] / ed. by A. Laczházi, E. Szmolinka and A. Zoltán. – Budapest : ELTE, 2000. – С. 5–6.

К изучению старобелорусской *Истории о Атыли* // Hungaro-Baltoslavica 2000. Abstracts [Тезисы] / ed. by A. Laczházi, E. Szmolinka and A. Zoltán. – Budapest : ELTE, 2000. – С. 149–150.

Maciej Strykowski esete a Szent Orsolya-legendával [М. Стрыйковский и легенда о св. Урсуле] // *Polono-Hungarica* 8, Nyelvészet – Irodalom – Történelem – Kultúrtörténet, Az 1998. november 9-én és 10-én tartott nemzetközi tudományos konferencia anyaga / Szerk. J. Bańcerowski. – Budapest : ELTE, 2000. – P. 169–179.

Славянское и балтийское языкознание на кафедре восточнославянской и балтийской филологии Будапештского университета // Current State and Further Perspectives of Slavonic Studies in Central Europe : Proceedings of the International Workshop, Prague 11th–12th November 1998 / ed. by V. Vavřínek. – Prague : Slovanský ústav AV ČR : Euroslavica, 2000. – С. 59–63.

К вопросу о межславянской миграции фразеологизмов: показания переводных памятников // *Frazeografia słowiańska: teoria i praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość* : tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Opole, 6–8 września 2000 r. / pod red. M. Balowskiego i W. Chlebdy. – Opole : Komisja Frazeologiczna Międzynarodowego Komitetu Sławistów : Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego, 2000. – С. 127–128.

К изучению старобелорусской *Истории о Атыли* (О существующих изданиях текста) // *Studia Russica*. – 2000. – Т. 18. – С. 328–332.

Az ófehérorosz Attila-történet szövegkiadásairól [Об изданиях текста старобелорусской «Истории об Артиле»] // *Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára* / I. Jáger, N. Manova, I. Szögi, A. Vidovenyecz ; közreműködésével szerkesztette G. Zoltán. – Szeged : SzTE, 2000. – P. 339–346.

Hunok Vilnában, avagy *Atilla és Bendeguz* az ófehéroroszban [Гунны в Вильне, или Имена *Атылля* и *Бэндекгоуз* в старобелорусском] // *Köszöntő Fodor István 80. születésnapjára* / Szerk. H. Mihály. – Budapest : ELTE : Magyar Nyelvtörténeti, Szociolingvisztikai és Dialektológiai Tanszéke – Magyar Nyelvtudományi Társaság, 2000. – P. 53–54.

Callimachus vagy Olahus? (Egy régi tévedés nyomában) [Каллимах или Олах? (По следам старого недоразумения)] // *Hungaro-Slavica* 2001. *Studia in honorem Iani Bańcerowski / Adiuvantibus S. Ráduly, A. Zoltán et I. Kálmán editionem curante P. Pátrovics redigit I. Nyomárkay*. – Budapest : ELTE : Szlav és Balti Filológiai Intézet, 2001. – P. 318–321.

Rekonstrukcja zaginionych fragmentów Bazylikowego przekładu *Athili* M. Oláha (1574) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2001. – № 46. – P. 13–23.

Azon van, rajta van ‘arra törekszik’ [Выражения *azon van, rajta van* ‘стремиться к чему-л.’] // *Magyar Nyelv*. – 2001. – № 97. – P. 210–211.

К вопросу о межславянской миграции фразеологизмов: показания переводных памятников // *Frazeografia słowiańska : księga pamiątkowa poświęcona prof. dr hab. Halinie A. Lilicz ; redakcja naukowa: M. Balowski i W. Chlebda*. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2001. – С. 111–116.

A Strykowski-krónika egy magyar forrása [Об одном венгерском источнике Хроники Стрыйковского] // *Lengyelek és magyarok Európában. Nyelv, irodalom, kultúra – párhuzamok és kapcsolatok / Tanulmányok D. Molnár István professzor tiszteletére ; Válogatta és szerkesztette N. László Kálmán*. – Debrecen – Debreczyn : Kossuth Egyetemi Kiadó, 2001. – P. 102–106.

Слова венгерского происхождения в белорусском языке: Книжные заимствования эпохи Стефана Батория // *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.), С. Запрудскі, Н. Мячкоўская*. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. – С. 105–115. – (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 19).

Межславянские этимологии (русск. *добровольно, доход*) // *Nyelv – etnográfia – kultúra = Язык – этнография – культура : Nemzetközi tudományos konferencia Vladimir Dal születésének 200. évfordulója tiszteletére* / Szerk.:

L. Vohmina, E. Nagy. – Szombathely ; Budapest : Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola : Orosz Kulturális Központ, 2001. – C. 64–78.

Etnikai sztereotípiák: a lengyelek fehérorosz szemmel // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 126–127. – Рэф. на: Кошалеў, М. Paláki vačyma belarusau: Z gistoryi farmiravanná ètničnyh stèrèatypaŭ / M. Košaleŭ // Golas Radzimy. – 2000. – № 50. – P. 6 ; № 51. – P. 6.

Fehérorszországi kisebbségek // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 128–130. – Рэф. на: Mantvidas, U. Tak prahodziŭ III Usebelaruski Festyval' nacyânal'nyh kul'tur / U. Mantvidas // Kantakty i dyâlogi. – 2000. – № 10 (58). – P. 3–7 ; Gorbač, T. Nemcy: "Vidèrgeburty" – 10 god / T. Gorbač // Там жа. – P. 7–9 ; Radaškovicki, G. Palâki: Knížka minskaga karèspandènta / G. Radaškovicki // Там жа. – P. 9–10 ; Tkačou, M. Ruskiâ: Dalučanast' da klasičnaj spadčyny / M. Tkačou // Там жа. – P. 10–13 ; Bagdanaŭ, I. Tatory i baškiry: "Cyšma" zaprašae da supracouñictva / I. Bagdanaŭ // Там жа. – P. 13–15 ; Macveeŭ, U. Cygany: "Dzeci sonca" majuc' svajgo prèzydènta i parlament / U. Macveeŭ // Там жа. – P. 15–17 ; Bykaŭ, K. Čuvašy: Ci vedaece vy taki narod? / K. Bykaŭ // Там жа. – P. 17–18.

A kisebbségi szláv nyelvek szociolingvisztikai tipológiája // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 139–142. – Рэф. на: Gustavsson, S. Sociolinguistic Typology of Slavic Minority Languages / S. Gustavsson // Slovo. Tidskrift av Slaviska institutionen vid Uppsala universitet. – 1998. – № 46. – P. 75–98.

Miért szorul ki a használatból a fehérorosz nyelv? // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 143–146. – Рэф. на: Plotnikaŭ, B. A. Äussere Ursachen für die begrenzte Verwendung der weissrussischen Sprache / B. A. Plotnikaŭ // Die Welt der Slaven. – 2000. – Bd. XLV. – P. 49–58.

A fehérorosz nemzeti mozgalom szétverése // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 186–190. – Рэф. на: Kandybovič, S. Razgrom nacyânal'naga ruhu u Belarusi / S. Kandybovič. – Minsk, 2000. – 160 p.

Lettek Fehérországon egykor és ma // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/2. – P. 310–312. – Рэф. на: Tugaj, U. V. Latyšy na Belarusi / U. V. Tugaj. – Minsk : Vydavec Ul. M. Skakun, 1999. – 135 p.

Fehérorosz jelenlét Litvániában // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/2. – P. 312–313. – Рэф. на: Muraška, L. Belarускаâ prysutnasc' u Litve / L. Muraška // Golas Radzimy. – 2001. – № 6. – P. 6 ; № 7. – P. 6 ; № 8. – P. 6.

Nyugat-Poleszje nyelvi helyzete // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 329–331. – Рэф. на: Bidèr, G. Moŭnaâ situacyâ na Zahodnim Palessi / G. Bidèr // Ázyk i socium : materialy III Meždunar. nauč. konf., Minsk, 4–5 dek. 1998 g. – Minsk : Belorus. gos. un-t : Belorus. Assoc. komunikat. lingvistiki, 1998. – P. 26–32.

A fehérorosz zsidók sorsa a német megszállás alatt // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/2. – P. 375–379. – Pəф. на: K’ary, B. Lës belaruskih gabrëu u “General’nym kamisaryâce Belarutëni”. Sproba nablizicca da nezrazumelaga / B. K’ary // Belarus. gîst. aglâd. – 2000. – T. 7. – P. 29–68.

A Litván Nagyfejedelemség kulturális és nyelvi helyzete // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/3. – P. 486–491. – Pəф. на: Celunova, E. A. Kul’turnââ i âzykovaâ situaciâ Velikogo knâžestva Litovskogo / E. A. Celunova // Annali dell’Istituto universitario Orientale di Napoli (AION). Slavistica 5. – Napoli, 1997–1998. – P. 33–109.

Nyelvpolitika és nyelvi helyzet a Szovjetunió utódállamaiban // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/1. – P. 577–581. – Pəф. на: Bieder, H. Sprachenpolitik und Sprachensituation in den Nachfolgestaaten der Sowjetunion / H. Bieder // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. – 2000. – Bd. 5. – P. 123–139.

Felekezet, etnikum és nyelv a XX. századi Fehéroroszországban // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/3. – P. 549–553. – Pəф. на: Bieder, H. Konfession, Ethnie und Sprache in Weißrußland im 20. Jahrhundert / H. Bieder // Zeitschrift für Slawistik. – 2000. – Bd. 45. – P. 200–214.

A szláv mikronyelvek helyzete és fennmaradási esélyei // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/3. – P. 534–537. – Pəф. на: Duličenko, A. D. Âzyki malyh ètničeskih grupp: status, razvitie, problemy vyžyvaniâ / A. D. Duličenko // Âzyki malye i bol’sie. ... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi ; red. A. D. Duličenko. – Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus : Tartu University Press, 1998. – P. 26–36. – (= Slavica Tartuensia IV).

A fehéroroszok képe a mai lengyelek tudatában // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/3. – P. 512–513. – Pəф. на: Kažaneŭska-Barčyn’ska, I. Vobraz sennâšnâga belarusa ŭ pol’skaj masavaj svâdomasci / I. Kažaneŭska-Barčyn’ska // Kantakty i dyâlogi. – 2001. – № 2/3 (62/63). – P. 3–8.

A hagyományos zsidó oktatási rendszer Litvániában // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/3. – P. 601–603. – Pəф. на: Lempertene, L. Tradicionnoe evrejskoe obrazovanie v Litve / L. Lempertene // Slavistica Vilnensis. – 2000. – P. 91–103. – (= Kalbotyra 49 [2]).

Lengyel-fehérorosz sztereotípiák a két világháború között // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/4. – P. 131–134. – Pəф. на: Radzik, R. Polsko-białoruskie stereotypy w międzywojennym dwudziestoleciu / R. Radzik // Miasto, migracje, ekorozwój : Księga Pamiątkowa dedykowana prof. dr hab. Włodzimierzowi Mirowskiemu / red. S. Kosiński. – Lublin : Wydawnictwo Lubelskiego Towarzystwa Naukowego, 2000. – P. 154–175.

A lengyelországi fehérorosz irodalom // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/4. – P. 148–150. – Pəф. на: Ânovič, S. Pol’skaâ belaruskaâ litaratura / S. Ânovič // Belaruskaâ dyâspara âk pasrëdnica ŭ dyâlogu cyvilizacyj / red. N. Davydenka. –

Minsk, Belarus. knìgazbor, 2001. – P. 118–123. – (Belarusika = Albaruthenica ; кн. 17).

A protestantizmus szerepe a fehérorosz nemzeti tudat kialakulásában // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/4. – P. 158. – Рэф. на: Nasevič, Ū. Rolâ pratestantizmu ŭ farmiravanni ètničnaj samasvâdomasci belarusau u drugoj palove XVI – pačatku XVII st. / Ū. Nasevič // Hrysciânstva i belaruskaâ kul'tura / rëd. D. Čarkasava. – Minsk : Belarus. knìgazbor, 2001. – P. 187–189. – (Belarusika = Albaruthenica ; кн. 18).

A litvániai tatárok szláv nyelvű kéziratai // Kisebbségkutatás. – 2001. – № 10/4. – P. 167–168. – Рэф. на: Miškinienė, G. Seniausi lietuivos totorių rankraščiai / G. Miškinienė. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2001. – 263 p.

Чым быў 2001 год для венгерскіх беларусістаў? // Кантакты і дыялогі : інфарм.-аналіт. і культурал. бюл. – Мінск, 2001. – № 12. – С. 8.

Báthori és Attila // Cirill és Metód példáját követve... Tanulmányok H. Tóth Imre 70. Születésnapjára ; Szerk.: K. Bibok, I. Ferincz, M. Kocsis. – Szeged : JATEPress, 2002. – P. 599–602.

К предыстории русск. *государь* // Из истории русской культуры. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – Т. II, кн. 1 : Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – С. 554–590.

Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – Т. II, кн. 1 : Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – С. 766–804.

“Athila” M. Oláha w przekładzie polskim i białoruskim (Z wyników analizy porównawczej słownictwa) // Wielojęzyczność i wielokulturowość na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim : materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, Białystok – Supraśl, 27–29 maja 2002 r. / pod red. Z. Abramowicz. – Białystok : LIBRA, 2002. – P. 15–20. – (= Studia Slawistyczne 3).

Szláv analógiák magyar szólásokhoz // Studia Slavica Savariensia 1–2. VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok 2002. május 24–25. – Szombathely, 2002. – P. 496–501.

Keleti szláv ortodox művelődés a két világháború közötti Lengyelországban // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/1. – P. 215–216. – Рэф. на: Labyncev, Ū. A., Šavinskaâ, L. L. Belorussko-ukrainsko-russkaâ pravoslavnaâ knižnost' mežvoennoj Pol'shi: Issledovaniâ i publikacii po materialam èkspedicii 1996 g. / Ū. A. Labyncev, L. L. Šavinskaâ. – M. : Indrik, 1999. – 312 p.

[Рэцэнзія] Egy különleges szláv nyelv: a fehérorosz // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/2. – P. 602–606. – Рэц. на кн.: Plotnikaŭ, B. A. Belaruskaâ mova ŭ sistème slavânskih moŭ : vuč. dapamožnik / B. A. Plotnikaŭ. – Minsk : Akad. kiravannâ pry Prëzidënce Rësp. Belarus', 1999. – 119 p.

A nemzeti kérdés és a nemzeti kisebbségek Kelet-Európában (1944–1948) egy moszkvai kerekasztal-beszégetés tükrében // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/1. – P. 194–196. – Pəф. на: Stykalin, A. S. Nacional'nyj vopros i nacional'nye men'sinstva v Vostočnoj Evrope. 1944–1948 gody (materialy kruglogo stola) // Slavônovedenie. – 2001. – № 5. – P. 90–105.

A két világháború közötti Vilna fehérorosz és litván irodalma // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/1. – P. 180–181. – Pəф. на: Lapinskene, A. Belaruskaâ i litoŭskaâ litaratura miŭvaennaj Vil'ni / gal. rêd. U. Konan // Skarynaznaŭstva – Knigaznaŭstva – Litaraturaznaŭstva. – Minsk : Belarus. knigazbor, 2001. – P. 275–279. – (Belarusika = Albaruthenica ; кн. 20).

A fehérorosz nyelv funkcióinak bővülése az I. világháború éveiben // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/1. – P. 182–183. – Pəф. на: Rudovič, S. Pašyrénne sacyâl'nyh funkcyj belaruskaj movy ŭ astavinah peršaj susvetnaj vajny: histaryčny vopyt, uroki dlâ naščadkaŭ / S. Rudovič // Belarускаâ mova: šlâhi razviccâ, kantakty, perspektyvy / gal. rêd. G. Cyhun. – Minsk : Belarus. knigazbor, 2001. – P. 6–10. – (Belarusika = Albaruthenica ; кн. 19).

A történettudomány szovjetizálása Ukrajnában és Fehéroroszországban // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/1. – P. 219–221. – Pəф. на: Partnoŭ, A. Save-tyzacyâ gistaryčnaj nauki ŭ Ukraine i Belarusi / A. Partnoŭ // Bel. gist. aglâd. – 2000. – T. 7. – P. 476–488.

Három balti város (Riga, Vilna, Königsberg) nyelvi helyzete // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/2. – P. 623–624. – Pəф. на: Dini, P. U. Die sprachliche Lage in den baltischen Städten: Riga, Vilnius und Königsberg / P. U. Dini // Res Balticae. Miscellanea Italiana di Studi Baltistici 7. A cura di Pietro U. Dini & Nikolai Mikhailov. – Pisa : Dipartimento di Linguistica : Università di Pisa : ECIG, 2001. – P. 205–209.

A fehérorosz iskolahálózat sorsa a lengyel állam újjászervezése idején // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/2. – P. 625–626. – Pəф. на: Siemakowicz, M. Polityka polska wobec szkolnictwa białoruskiego w okresie odbudowy państwowości polskiej / M. Siemakowicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2001. – № 15. – P. 42–51.

A keleti szláv nyelvek együttélése, egymásra hatása és vegyülése Fehéroroszországban és Ukrajnában // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/2. – P. 620–621. – Pəф. на: Moser, M. Koexistenz, Konvergenz und Kontamination ostslavischer Sprachen in Weißrußland und in der Ukraine / M. Moser // Zeitschrift für Slawistik. – 2000. – Bd. 45. – P. 185–199.

A nemzeti kérdés és a cári kormányzat politikája Fehéroroszországban a XVIII. század végén és a XIX. század első felében // Kisebbségkutatás. – 2002. – № 11/2. – P. 653–655. – Pəф. на: Filatava, A. Nacyânal'nae pytanne i polityka

carskaga űrada ű Belarusi kanca XVIII – peršaj palovy XIX st. / A. Filatava // Belarus. ğist. aglăd. – 2000. – T. 7. – P. 106–114.

Feh  roroszs  g Kelet   s Nyugat k  z  tt // Kisebbs  gkutat  s. – 2002. –    11/4. – P. 990–995. – Р  ф. на: Belarus: Between the East and the West (I–II) / Guest Editor A. Engelking // International Journal of Sociology. – 2001. – Vol. 31,    3. – 93 p. ; 2001–2002. – Vol. 31,    4. – 89 p.

A soknemzetis  g   homeli r  gi   az 1920–1930-as   vekben // Kisebbs  gkutat  s. – 2002. –    11/3. – P. 858–861. – Р  ф. на: Pi  ukov, V. P., Starovojtov, M. I. Gomel’sina mnogonacional’na   (20–30-e gody XX veka) / V. P. Pi  ukov, M. I. Starovojtov. – Gomel’ : Gomel. gos. un-t im. F. Skoriny, 1999. – Vyp. I. – 175 p.

A feh  roroszs   tat  rok t  rsadalmi be  gyazotts  ga // Kisebbs  gkutat  s. – 2002. –    11/3. – P. 785–787. – Р  ф. на: Kanapacki,   . Belarusk  i   tatar     k skladova     stka agul’naj supol’nasci /   . Kanapacki // Nacy  nal’ny   pytanni / r  d.   . Dub  necki. – Minsk : Belarus. knigazbor, 2001. – P. 203–211. – (Belarusika = Albaruthenica ; кн. 22).

A podlasiei feh  roroszs  k irodalmi m  velts  ge a XV–XIX. sz  zadban // Kisebbs  gkutat  s. – 2002. –    11/3. – P. 817–819. – Р  ф. на:   avinska  , L. L. Literaturna   kul’tura belorusov Podl      XV–XIX vv.: Knizhnye sobrani   Suprasl’skogo Blagove  enskogo monastyr   / L. L.   avinska  . – Minsk : Nac. b-ka Belarusi, 1998. – 175 p.

Az etnikai csoport   s a nemzeti k  z  ss  g k  z  tt (A feh  roroszs  k a XIX. sz  zadi k  z  p-kelet-eur  pai nemzeti folyamatok t  kr  ben) // Kisebbs  gkutat  s. – 2002. –    11/4. – P. 996–999. – Р  ф. на: Radzik, R. Mi  dzy zbiorowo  ci   etniczno   a wsp  lnot   narodow   / R. Radzik // Bia  orusini na tle przemian narodowych w Europie   rodkowo-Wschodniej XIX stulecia. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sk  łodowskiej, 2000. – 301 p.

A feh  roroszs  rs  gi nyelvpolitika az 1990-es   vekben // Kisebbs  gkutat  s. – 2002. –    11/4. – P. 1025–1029. – Р  ф. на: Zaprudski, S. Mo  na   palityka ű Belarusi ű 1990-   gady / S. Zaprudski // Arche – Pa  atak. – 2002. –    1/21. – P. 98–112.

A r  gi magyar-feh  roroszs   nyelvi   s kultur  lis   rintkez  sek t  rt  net  b  l // Annus Albaruthenicus 2003 = Год Беларускi 2003 / р  д. С. Яновi  . – Krynk   : Villa Sokrates, 2003. – P. 201–220.

Слова венгерского происхождения в белорусском языке: устные заимствования эпохи Стефана Батория // Studia Russica. – 2003. – T. 20. – С. 492–494.

Легенда о святой Урсуле в старой польской и восточнославянской письменности (XVI–XVII вв.) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2003. –    48. – С. 323–334.

Die Ursulalegende im früheren polnischen und ostslavischen Schrifttum (16.–17. Jh.) // Zbornik povzetkov, 13. Mednarodni slavistični kongres, Ljubljana, 15.–21. avgusta 2003. – 1. del : Jezikoslovje / Uredil F. Novak. – Ljubljana : ZRC SAZU : Založba SAZU, 2003. – S. 123.

Magyar-fehérorosz nyelvi és kulturális érintkezések Báthori István korában [Венгерско-белорусские языковые и культурные контакты в эпоху Стефана Батория] // Életünk Kelet-Európa. Tanulmányok Niederhauser Emil 80. születésnapjára / Szerk.: T. Krausz és G. Szvák. – Budapest : Pannonica, 2003. – P. 285–290.

О старобелорусском *опаи(ец)* ‘великан’ // Studia Slavica Savariensia. In honorem Caroli Gadanii sexagesimi natalis dedicatur / ed. V. Moiseenko. – Szombathely, 2003. – № 1/2. – С. 536–540.

Польско-русский диалог на западнорусском языке (на примере этимологии русск. *доход*) // Dialog w literaturach i językach słowiańskich. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2003. – T. 2 : Językoznawstwo / pod red. S. Kochmana i C. Lachura. – С. 175–181. – (= Studia i szkice slawistyczne 5).

Легенда о святой Урсуле в польской и восточнославянской литературе // Semiotics of Pilgrimage / ed. by W. Moskovich and S. Schwarzbard. – Jerusalem : The Hebrew University of Jerusalem, Center for Slavic Languages and Literatures, 2003. – С. 73–80. – (= Jews and Slavs 10).

Эпизод из ранней истории венгерско-русских литературных связей (Легенда о святой Урсуле в русской переводной литературе XVII века) // Вестн. фил. Гос. ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина. – 2003. – № 17. – С. 11–17.

Легендарные венгерско-литовские связи в «Хронике» М. Стрыйковского [Рез.] // Тезисы междунар. науч. конф. «Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: исторические и культурные связи и параллели», Москва, 11–12 дек. 2003 г. / гл. ред. Е. Л. Назарова. – М. : Посольство Литов. Респ. в Рос. Федерации, Дом Юргиса Балтрушайтиса, 2003. – С. 22.

„A kisebbségi léthez jellem kell”. Sokrat Janowicz esszé- és interjúkötetéről // Kisebbségkutatás. – 2003. – № 12/3. – P. 574–575. – Рэф. на: Janowicz, S. Białoruskie ślady i znaki / S. Janowicz / wybór i opracowanie R. Traba. – Olsztyn : WK Borussia, 2001. – 256 p.

Az oroszországi fehérorosz diaszpóra és a nemzeti kultúra megőrzésének problémái // Kisebbségkutatás. – 2003. – № 12/3. – P. 615–616. – Рэф. на: Grickevič, V. P. Belorusskie diasporal'nye obščestva Rossii i problemy sohraneniâ nacional'noj kul'tury / V. P. Grickevič // Belorusskij sbornik. Stat'i i materialy po istorii i kul'ture Belorussii. – SPb., 2002. – Vyp. 2. – P. 5–15.

Harc a fehérorosz történelem ellen // Kisebbségkutatás. – 2003. – № 12/3. – P. 659–660. – Рэф. на: Sahanovich, H. The War Against Belarusian History /

H. Sahanovich // Education in Russia, The Independent States and Eastern Europe. – 2002. – Vol. 20, № 1. – P. 18–27.

A szláv nyelvjáráások és a Litván Nagyfejedelemség egyéb nyelvei // Kisebbségkutatás. – 2003. – № 12/4. – P. 817–819. – Рэф. на: Ivanov, V. V. Slavânskie dialekty v sootnošenii s drugimi âzykami Velikogo knâžetva Litovskogo / V. V. Ivanov // Slavânskoe âzykoznanie. XIII Meždunarodnyj s'ezd slavistov : doklady ros. delegacii, Ljubljana, 2003. – M. : Indrik, 2003. – P. 258–288.

Oláh Miklós *Athila* című munkájának XVI. századi lengyel és fehérorosz fordítása = «Athila» М. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века / Az előszót írta: I. Udvari. – Nyíregyháza : Örökségünk Kiadó Bt., 2004. – 555 p. [Рез. на русск. яз.: с. 540–554]. – (= Dimensiones Culturales et Urbanales Regni Hungariae 6).

Szent Orsolya legendája Kelet-Európában [Легенда о св. Урсуле в Восточной Европе] // Annus Albaruthenicus 2004 = Год Беларускі 2004. – Krynki : Villa Sokrates, 2004. – P. 181–195.

Magyar szavak az ófehéroroszbán [Венгерские слова в старобелорусском] // VII. Nemzetközi Magyar Nyelvtudományi Kongresszus, 2004. aug. 29–31. Előadáskivonatok. – Budapest : MTA Nyelvtudományi Intézet, 2004. – P. 72.

Egy többségi nyelv kisebbségben: a fehérorosz nyelv elnémulása [Язык большинства в меньшинстве: онемение белорусского языка] // Kisebbségkutatás. – 2004. – № 13/1. – P. 67–75.

Nemzeti kisebbségek a posztkommunista Lengyelországban // Kisebbségkutatás. – 2004. – № 13/2. – P. 278–281. – Рэф. на: Fleming, M. National Minorities in Post-Communist Poland / M. Fleming. – London : Veritas Foundation Publication Centre, 2003. – 370 p.

A fehéroroszk Lengyelország felől nézve // Kisebbségkutatás. – 2004. – № 13/2. – P. 281–282. – Рэф. на: Radzik, R. Belarusy (Pogląd z Pol'sčy) / R. Radzik. – Minsk : èncyklapedyks, 2002. – 130 p.

Az interszláv nyelvi kölcsönhatás szociokulturális aspektusban // Kisebbségkutatás. – 2004. – № 13/3. – P. 507–508. – Рэф. на: Cyhun, G. Mižslavânskae moŭnae ŭzaemadzeânne (sacyâkul'turny aspekt) / G. Cyhun. – Minsk : Nac. akad. navuk Belarusi : Belarus. kam. slavistaŭ, 2003. – 24 p.

A szláv nyelvek kölcsönös kapcsolatai // Kisebbségkutatás. – 2004. – № 13/4. – P. 703–705. – Рэф. на: Moser, M. Wechselbeziehungen zwischen slavischen Sprachen (bis zum Ende des 19. Jahrhunderts) / M. Moser // Die Welt der Slaven, Jahrgang, 1. – Heft, 2004. – Bd. XLIX. – P. 161–182.

A nemzeti kisebbségek nyelvi jogainak védelme Lengyelországban különös tekintettel az ukrán kisebbségre // Kisebbségkutatás. – 2004. – № 13/4. – P. 719–720. – Рэф. на: Tomanek, P. Ochrona praw językowych mniejszości narodowych

w Polsce ze szczególnym uwzględnieniem mniejszości ukraińskiej / P. Tomanek // Ukraina – między językiem a kulturą / pod red. A. Fałowskiego i B. Zinkiewicz-Tomanek. – Kraków : Universitas, 2003. – P. 245–260. – (= Studia Ruthenica Cracoviensia 1).

Oláh Miklós *Athila* című munkájának XVI. századi lengyel és fehérorosz fordítása [«Athila» М. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века] : Doktori értekezés tézisei. – Budapest : A szerző kiadása, 2004–2005. – 20 p.

Szavak, szólások, szövegek. Nyelvészeti és filológiai tanulmányok [Слова, фразеологизмы, тексты. Лингвистические и филологические исследования]. – Budapest : Lucidus Kiadó, 2005. – 273 p. – (= Kisebbségkutatás Könyvek).

Az ófehérorosz Trisztán és Izolda-legenda dél-európai összefüggései // Annus Albaruthenicus 2005 = Год Беларускі 2005. – Krynki : Villa Sokrates, 2005. – P. 119–125.

Древнерусское слово *корочюнь* и русский фразеологизм *карачун ему пришел* // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко / под ред. М. Алексеенко, Х. Вальтера (отв. ред.), М. Дюринга, А. Шумейко. – М. : ЭЛПИС, 2005. – С. 76–80.

Hungarian Loanwords in Old Belarusian in Batory's Epoch [Рез.] // Icces VII World Congress, Abstracts, Berlin, July 25–30, 2005, Germany / ed.: T. Bremer, H. Dörrenbächer, I. Dose. – Publisher : Weltkongress, 2005. – P. 485.

Слова *ораш* і *орашец* у старабеларускай «Повести о Трыщане» // Мовы Вялікага Княства Літоўскага : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., Брэст, 18–19 мая 2004 г. / пад агул. рэд. М. М. Аляхновіча. – Брэст : Академия, 2005. – С. 11–14.

Węgiersko-polsko-białoruskie związki językowe i kulturalne za czasów Stefana Batorego // Acta Albaruthenica : навук. зб. / пад агул. рэд. М. Хаўстовіча, А. Баршчэўскага, С. Запрудскага. – Мінск : Права і эканоміка, 2005. – Вып. 5. – С. 279–283.

Lekcje węgierskie starobiałoruskiej legendy o Trystanie i Izoldzie // Kultura pogranicza – Pogrnicze kultur / red. A. Bobryk. – Siedlce ; Pułtusk : Akademia Podlaska, 2005. – S. 249–252.

Наша анкета // Голас Радзімы. – 2005. – № 3/4. – С. 9–10.

Миграция одного текста: Легенда о святой Урсуле в составе русских переводов Хроники М. Стрыйковского // Труды Отдела древнерусской литературы. – 2006. – С. 197–208.

Magyar szavak az ófehéroroszban [Венгерские слова в старобелорусском] // 101 írás Pusztai Ferenc tiszteletére / Szerk.: A. Mártonfi, K. Papp, M. Slíz. – Budapest, 2006. – P. 497–502.

Фразеологизм *ломать голову* в сравнительном аспекте (по поводу выхода нового издания книги «Русская фразеология. Историко-этимологический

словарь» под ред. В. М. Мокиенко) // Русская, украинская и русинская лексикология и лексикография : сб. ст. памяти проф. И. Удвари = Orosz, ukrán és ruszin lexikológia és lexikográfia. Tanulmánykötet Udvari István professzor emlékére / Szerkesztette Cs. Jónás Erzsébet. – Nyíregyháza : Krúdy Könyvkiadó, 2006. – С. 133–143.

Az ófehérorosz Trisztán-legenda magyar vonatkozásai [Венгерские аспекты старобелорусской легенды о Тристане] // Kontext – Filológia – Kultúra = Kontextus – Filológia – Kultúra. – Banská Bystrica ; Eger : Univerzita Mateja Bela – Eszterházy Károly Főiskola, 2006. – P. 265–270.

О технике перевода с польского на старобелорусский в XVI в. (на материале «Истории о Атыли короли угорском») // Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского : материалы междунар. науч. конф. / ред. М. В. Завялова. – М. : Новое изд-во, 2006. – С. 165–174.

Larisa Sztankevics – Katkits Zsuzsa. 20 találkozás Fehéroroszországgal = Ларыса Станкевіч – Жужа Каткіч. Дваццаць сустрэч з Беларуссю / Szerkesztette A. Zoltán. – Budapest : Bölcsész Konzorcium, 2006. – 269 p.

Előszó [Предисловие] // Larisa Sztankevics – Katkits Zsuzsa. 20 találkozás Fehéroroszországgal = Ларыса Станкевіч – Жужа Каткіч. Дваццаць сустрэч з Беларуссю / Szerkesztette A. Zoltán. – Budapest : Bölcsész Konsocium, 2006. – P. 9–16.

Деформация фразеологизмов при калькировании [Рез.] // Međunarodni znanstveni skup Slavenska frazeologija i pragmatika = Международная научная конференция «Славянская фразеология и прагматика», Rab, 17–19. rujna 2006. Sažeci referata / Uredile: Ž. Fink, A. Hrnjak. – Zagreb : Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, FF-press, 2006. – С. 43.

Венгерска-старабеларускія фразеалагічныя паралелі // Мова – Літатура – Культура : матеріялы V Міжнар. навук. канф. (да 80-годдзя праф. Л. М. Шакуна), Мінск, 16–17 ліст. 2006 г. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – С. 104–107.

О некоторых лексических особенностях старобелорусской «Повести о Трыстане» // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зб. да 75-годдзя праф. Адама Мальдзіса / пад рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбекі. – Мінск : Лімарыус, 2007. – С. 108–114.

Аттила и Баторий (Об одной «пластической операции» XVI в.) // Miscellanea Slavica : сб. ст. к 70-летию Б. А. Успенского / сост. Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2008. – С. 164–167.

Чому *Witebsk*, а не **Wiciebsk*, або чому називають поляки білоруські міста по-українськи? // Волинь-Житомирщина : ист.-філол. зб. з регіон. проблем. – Житомир, 2010. – Т. 22 (I). – С. 52–56.

Fehérórosz nemzeti mozgalom Közép-Litvániában 1920 októbere és 1922 márciusa között // Kisebbsékkutatás. – 2010. – № 19/3. – P. 511–513. – Рэф. на: Kobrin, M. V. Belorusskoe nacional'noe dvizhenie v Srednej Litve v oktjabre 1920 – marte 1922 g. / M. V. Kobrin // Vopr. istorii. – 2009. – Sz. 11. – P. 146–150.

К предыстории русск. «государь» // Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў / М. Р. Прыгодзіч, А. А. Прыгодзіч. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 112–151.

О некоторых лексических особенностях старобелорусской «Повести о Трышчане» // Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў / М. Р. Прыгодзіч, А. А. Прыгодзіч. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 152–158.

A cirill betűs átírás aktuális kérdései [Актуальные вопросы кириллическо-венгерской транскрипции] // Studia Slavica Savariensia. – 2010. – T. 1–2. – С. 443–446.

Egy többségi nyelv kisebbségben: a fehérórosz nyelvi helyzet [Язык большинства в меньшинстве: ситуация белорусского языка] // Nyelvi mítoszok, ideológiák, nyelvpolitika és nyelvi emberi jogok Közép-Európában elméletben és gyakorlatban: A 16. Élőnyelvi Konferencia előadásai / Szerkesztette: K. Hires-László, Z. Karmacs, A. Márku. – Budapest ; Beregszász : Tinta Könyvkiadó, 2011. – P. 126–133. – (= Segédkönyvek a nyelvészet tanulmányozásához 130).

Почему *Witebsk*, а не **Wiciebsk*, или Почему поляки называют белорусские города по-украински? // Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков: к 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / ред. И. В. Абисогомян. – Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus : Tartu University Press, 2011. – С. 150–154. – (= Slavica Tartuensia IX).

Русское *государство* в межславянском и европейском контексте // Роль государства в историческом развитии России = The role of the state in the historical development of Russia : материалы междунар. науч. конф. будапешт. Центра русистики, 17–18 мая 2010 г. – Russica Pannonicana, 2011. – С. 12–15.

Некаторыя аспекты польска-ўсходнеславянскіх моўных кантактаў у галіне лексікі (да пытання аб паланізмах у пасланнях Івана Грознага да Стэфана Баторыя // Замежная мовазнаўчая беларусістыка на міжнародных з'ездах славістаў : зб. дакл. / рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – С. 64–75.

Шляхі супрацоўніцтва і паразумення: беларуска-вугорскія моўна-культурныя сувязі // Моўна-культурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, Каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі ; рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст : Альтернатыва, 2013. – С. 3–10.

Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. – М. : Индрик, 2014. – 224 с. – (Slavia Christiana).

Западнорусский вклад в великорусскую юридическую терминологию [Рез.] // Тезисы Четвертых Римских Кирилло-Мефодиевских чтений, Рим – Бари, 17–22 февр. 2014 г. / ред. Н. Н. Запольская. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 5.

Межславянские языковые контакты: Западный путь проникновения инославянской лексики в русский язык в XV–XVI вв. [Рез.] // Миграция людей, текстов, слов в конфессиональной и секулярной культуре / ред. Н. Н. Запольская. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 11–12.

По страницам исторических словарей восточнославянских языков [Рез.] // Тезисы Пярых Римских Кирилло-Мефодиевских чтений / ред. Н. Н. Запольская. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2015. – С. 2–3.

О полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию // Язык и личность / С. К. Шаймарданова [и др.]. – Павлодар : Кереку, 2015. – С. 39–54.

Истины и курьезы в исторических словарях восточнославянских языков XX–XXI вв. [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 1–12. DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-840. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru. – Дата доступа: 15.07.2022.

Nicolaus Olahus' *Athila* im älteren polnischen und ostslavischen Schrifttum [Electronic recourse] // International Conference on the 450th Anniversary of Nicolaus Olahus' Death / Szilágyi Emőke Rita (ed.). – Budapest : MTA BTK Irodalomtudományi Intézet, 2018. – P. 9–10. – Mode of access: https://iti.btk.mta.hu/images/Olahus2018_Program.pdf. – Date of access: 03.04.2022.

Зі спостережень над історичними словниками східнослов'янських мов // Діалектологічні студії 11: Слово – словник – корпус. – Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2018. – С. 217–224.

A magyar-őféhérorosz irodalmi kapcsolatok kezdetei avagy hunok Vilnában [Начало венгерско-старобелорусских литературных связей, или Гунны в Вильне] [Electronic resource] // Napút. – 2018. – Т. 30/9. – P. 50–53. – Mode of access: <http://www.naputonline.hu/2018/12/03/xx-evfolyam-9-szam-a-belarusz-europa/>. – Date of access: 20.05.2021.

Мнимое праславянское **starati se* // Международный симпозиум «100 лет клужской славистике», Клуж-Напока, Румыния, 30–31 мая 2019 г. = Simpozionul internațional 100 de ani de slavistică la Cluj 30-31 mai 2019. Cluj-Napoca, România. – Клуж-Напока : Ун-т им. Бабеша-Бойаи, Филол. фак., Департамент славян. яз. и лит., 2019. – С. 33–34.

Nicolaus Olahus' *Athila* im älteren polnischen und ostslavischen Schrifttum // Nicolaus Olahus 450: Tagungsband der internationalen Konferenz zum 450.

Todestag von Nicolaus Olahus / Szilágyi, Emőke Rita (Hrsg.). – Wien : Institut für Ungarische Geschichtsforschung in Wien, Balassi Institut Collegium Hungaricum, Wien, Ungarische Archivdelegation beim Haus-, Hof- und Staatsarchiv, 2019. – S. 143–148.

Egy kérdéses összsláv rekonstrukció: **starati sę* [Мнимая праславянская реконструкция: **starati sę*] // Etimológia és jelentésfejlődés / Szerk.: I. Nyomárkay, I. Nagy Sándor. – Budapest : MTA Modern Filológiai Társaság, 2020. – P. 159–171.

Взаимодействие двух «русских» канцелярских языков (литовского и московского) в XV–XVI веках // Актуальные аспекты беларусістыкі : матэрыялы VI Міжнар. кангр. беларусістаў, Мінск, 27–29 мая 2015 г. / рэд. I. Э. Багдановіч. – Мінск : Кнігазбор, 2020. – С. 19–28.

Мнимое праславянское **starati sę* [Электронный ресурс] // Шаги = Steps. – 2021. – Т. 7/3. – С. 82–96. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-82-96>. – Дата доступа: 28.06.2021.

Egy halicsi kancelláriai latinizmus karrierje (*господарь* ‘uralkodó’) [Карьера одного галицкого канцелярского латинизма (*господарь* ‘монарх’)] // Україністика в Угорщині та поза її межами : міжнар. наук. конф., 26–27 листоп. 2021 р. – Ніредьгаза, 2021.

Az ukrán *старатися* ige eredete rokon nyelvi megfelelőinek fényében [Происхождение украинского глагола *старатися* в свете его соответствий в родственных языках] // Hungaro-Ruthenica. – Szeged, 2021. – Т. 9. – P. 241–250.

Egy halicsi kancelláriai latinizmus karrierje (*господарь* ‘uralkodó’) [Карьера одного галицкого канцелярского латинизма (*господарь* ‘монарх’)] // A nyelv mint lelkünk tükré: Szavak, szövegek, gondolatok / Szerk. J. Nagy Sándor. – Budapest : MTA Modern Filológiai Társaság, 2022. – P. 329–341.

Ад складальнікаў	3
З берагоў быліннага Дуная (<i>М. Р. Прыгодзіч</i>)	4
Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси)	9
«Athila» М. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века (резюме)	136
Слова <i>ораи</i> і <i>ораіец</i> ‘велікан’ у старабеларускай «Повести о Трыщане»	150
Шляхі супрацоўніцтва і паразумення: беларуска-вугорскія моўнакультурныя сувязі	155
Спіс прац прафесара Андраша Золтана, прысвечаных беларускай мове і мовазнаўству	165

Навуковае выданне

Замежная беларусістыка

**АНДРАШ ЗОЛТАН.
ВЫБРАНЫЯ ПРАЦЫ
ПА БЕЛАРУСКІМ МОВАЗНАЎСТВЕ**

Складальнікі

Прыгодзіч Алена Аляксандраўна

Прыгодзіч Мікалай Рыгоравіч

Рэдактар *М. К. Чарнякевіч*

Мастак вокладкі *М. А. Сарасек*

Мастацкі рэдактар *М. А. Сарасек*

Тэхнічны рэдактар *В. П. Явуз*

Камп'ютарная вёрстка *В. Ю. Шантаровіч*

Падпісана да друку 10.11.2023. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.
Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 10,69 + 0,46 укл. Ул.-выд. арк. 12,38 + 0,52 укл.
Тыраж 60 экз. Заказ 378.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.

Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства

«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.

Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.